

рубить въ печи отверстіе, чрезъ которое вставить коровай и дать ему испечься и выйти изъ печи въ комору⁵³). Проси Бога, Марусенька, поется съ обращеніемъ къ невѣстѣ—проси Бога, чтобъ твой коровай вышелъ прекрасенъ, какъ божій день, какъ солнышко, что на насъ смотритъ черезъ окно⁵⁴). Передъ посадкою въ печь коровай испрашивается благословеніе старостъ⁵⁵), потомъ приглашаютъ двухъ молодцовъ, изъ которыхъ одинъ въ пѣснѣ называется кудрявымъ (кучерявымъ), а другой богатымъ, перваго выметать печь, а втораго сажать туда коровай⁵⁶). Посадивши такимъ образомъ коровай въ печь⁵⁷), коровайницы поднимаютъ трижды квашню, ударяютъ ею о перекладину по-

Щобъ намъ пичку выгребти.

Рано мы, рано ходимъ до ковала,

Щобъ намъ сковавъ лопату

Да широку якъ лаву,

Спечемъ коровай на славу (Чуб. IV. 231).

⁵³) Да скуй мени, коваленьку, острый мечъ,

Да й прорубаю зверху печь,

Щобъ нашъ коровай спужався,

Зъ печки на вѣчко собрався,

Зъ вѣчкомъ у комору сховався (Чуб. IV. 231).

⁵⁴) Проси Бога, Марусенько, щобъ Богъ давъ,

Що бъ ти ся коровай вдавъ:

Якъ день билий, якъ Богъ милый,

Якъ яснее сонечко, що свѣтитъ въ виконечко (Чуб. IV. 234).

⁵⁵) „Старосто, пане пидстаросто, благословить коровай у пичъ посадить!“

— Богъ благословить! (отвѣчаетъ староста) (Чуб. IV. 236).

⁵⁶) Кучерявый пѣтъ вымѣтае,

А багатый сажае (Чуб. IV. 237).

⁵⁷) Описаніе коровай у Чубинскаго: „Обыкновенная форма коровай—большой хлѣбъ, но иногда готовятъ его и другимъ способомъ. Берутъ коржъ, посыпаютъ его овсомъ, сверху кладутъ кофѣйку или больше“ (что замѣняетъ червонцы, о которыхъ поется). „На этотъ коржъ накладываютъ одна на другую семь палиницъ (хлѣбовъ пшеничныхъ) и на верхней дѣлаютъ изображенія мѣсяца, а вокругъ его располагаютъ пять шишекъ, обводятъ каймой:“ это называется пидперезать коровай. „Въ большую, находящуюся по срединѣ коровай шишку, втыкаютъ пять слѣвленныхъ вмѣстѣ свѣчей (восковыхъ) или обтыкаютъ ими вокругъ коровай, зажигаютъ ихъ и вмѣстѣ съ короваемъ сажаютъ въ печь. Кромѣ коровай дѣлаютъ „верчъ“ (очень похожъ на коровай): шишки—пшеничныя, булочки, снизу обведенныя каймой изъ тѣста, а сверху до низу двѣ такія же коймы, прекращающіяся по срединѣ, гдѣ придѣлывается кусокъ тѣста на подобіе сосновой шишки. Двѣ большія шишки красятъ сурикомъ: онѣ назначаются для молодыхъ, которые ходятъ съ ними приглашать на свадьбу“ (Миргород. у. Полт. губери.) (Чуб. IV. стр. 236).

толка, дѣлаются между собою ⁵⁸⁾, обращаясь къ печи съ просьбой спечь хорошенько коровай. Вспоминается и сосна, которая должна горѣть, когда будетъ печься коровай ⁵⁹⁾. Пока коровай печется, коровайницы угощаются горѣлкою, которую сами у хозяевъ выпрашиваютъ ⁶⁰⁾, подтруниваютъ другъ надъ другомъ ⁶¹⁾, и дурачатся ⁶²⁾. Наконецъ приходитъ пора вынимать изъ печи коровай ⁶³⁾ и это дѣлается съ обрядною торжественностью. Вынувши изъ печи коровай, кладутъ его на крышку отъ квашни, покрытую скатертью сверхъ положеннаго подъ-исподъ слоя со-

⁵⁸⁾ Пече жъ наша, пече!

Спечи намъ коровай съ гречи (Чуб. IV. 239).

⁵⁹⁾ Пичъ стоять на сохахъ,

Дижу носить на рукахъ.

Подилуймося, помилуймося,

Хто кому радъ (ibid).

Да рубайте сосну здорову,

Да трощите еи на дризки,

Да кладите еи на загнить...

Славный нашъ коровай на весь свѣтъ (Чуб. IV. 232).

⁶⁰⁾ Мали сваненьки працю,

Замисли муки, мацю,

А вы ся догадайте,

Горилки имъ дайте! (ibid. 240).

или:

Почни, свате, бочку,

Що стоять у куточку,

Поки тебе, короваю, впечемо,

Тебе, бочечко, виточемо (ibid. 241).

⁶¹⁾ Губатая вчиняла, горбатая сажала,

Хорошая, румяная у пичъ заглядала.

или:

Котра мѣсила—щобъ тѣсця трусил (ibid. 233).

⁶²⁾ Ой де жъ тая пійшла,

Що въ пичъ коровай несла?

Сила на рогъ печи

Коровал стеречи,

Щобъ хлопци не вкрали

И за дунай не задали (Чуб. IV. 242—243).

⁶³⁾ Чась тобі, короваю,

Зъ кахлевої печи

На дубове вико (ibid. 244).

ломы, ставятъ на столѣ ⁶⁴⁾ и уносятъ на головѣ въ назначенную хозяйкою для храненія комору ⁶⁵⁾.

Неся коровай, продолжаютъ величать его въ пѣсняхъ ⁶⁶⁾. Тѣмъ и кончается обрядъ приготовленія коровая, который отправляется точно такимъ же образомъ и у жениха.

По возвращеніи невѣсты съ друзьями съ прогулки по селу, отправляется дѣвичь-вечеръ. Невѣсту сажаютъ на посадъ, на почетное мѣсто въ углу подъ образами, на которомъ тогда простираютъ тулупъ, замѣняющій соболей, которые играли такую роль въ старинныхъ сватъбахъ царей и вельможъ московскихъ. Въ пѣсняхъ воображается городъ съ четырьмя стѣнами, изъ которыхъ три каменные, четвертая—золотая; на стѣнѣ маковка, гдѣ ласточка себѣ гнѣздо свила и выплудила двое дѣтокъ, эти дѣтки—женихъ и невѣста ⁶⁷⁾. Во всѣхъ оконцахъ этого города—ангелъ Божій, а на дверяхъ самъ Господь стоитъ и раздаетъ долю ⁶⁸⁾. Родитель невѣсты стоитъ со всею роднею и всею любуются

⁶⁴⁾ Славляно да прославляно,
Да на столи поставляно.
На столи-престоли

Славень нашъ коровай стоитъ! (ibid 247).

⁶⁵⁾ Обицалася мати намъ комороньку дати,
Де коровай сховати (Чуб. IV. 245).

⁶⁶⁾ Ой Богъ намъ давъ—коровай намъ ся вдавъ,
Якъ мѣсяченько, якъ ясное соненько.
Війся, короваю, ище высчій видъ гаю,
Якъ душенька въ раю, якъ рыбонька по дунаю (Чуб. IV. 247).

⁶⁷⁾ Славный городъ, да дѣвичь-вечѣръ;
Хороше зряжень, та не такъ зряжень, якъ обсажень;
Славно жъ ёго збудовано,
На три стины камьяныи,
А четверту золотую.
На тій стини макивочка,
На макивочцѣ ластивочка,
Звила гнѣздечко зъ чорного шовку
А червонимъ обвила.
Вывела дитки однолитки:
Перше дитятко роженее,
Другее дитятко суженее.
Роженее—то (имя-рекъ нев. или жениха)
Суженее—то (имя-рекъ другого) (Чуб. IV. 148).

⁶⁸⁾ Ой славень, славень Марусинъ посады!
По всіхъ виконцяхъ янголи сидять.
Янголи сидять, доленьку судать,

ею ⁶⁹⁾. Въ пѣснѣ заставляють невѣсту кланяться отцу. Онъ прослезился: она пойдетъ изъ родительскаго дома и забудеть родителя ⁷⁰⁾. Теперь она прекрасна, но когда пойдетъ прочь — исчезнетъ красота лица ея ⁷¹⁾. Если невѣста сирота, ей приходится кланяться чужимъ, названнымъ родителямъ ⁷²⁾, за то ангелы, сидя на яворѣ, заботятся о ней, собираются полетѣть и посмотрѣть, какъ плачетъ сирота, сидя на посадѣ ⁷³⁾. Въ пѣснѣ она представляется взывающею къ умершему родителю или родительницѣ съ приглашеніемъ прибыть къ ней и подать ей совѣтъ. Умершее лицо отвѣчаетъ, что это невозможно, потому что насыпанная земля не пускаетъ встать ⁷⁴⁾. Душа умершаго предъ

А надъ дверми самъ Господь стоить,
Книжочку читаетъ доленьку роздае (Чуб. IV. 156).

- ⁶⁹⁾ Сѣла Мариня на посаженьку
Якъ на роженци квитка,
Ѣи батенько, Ѣи ридненькій,
Не може ся на нюю надивити (Чуб. IV. 154).

„Оглянься назадъ себе,
Стоить родинонька коло тебе,
„Склонися, Марисенько, низенько,
„Щобъ було родиноньцѣ жалібненько“ (Чуб. IV. 151).

- ⁷⁰⁾ Кланяйся, Марися, старому й малому и батеньку своему.
Бо южъ бильше не будешъ, а о батеньку забудешъ (Чуб. IV. 151).

- ⁷¹⁾ „Ой мій батеньку, мій голубоньку!
„Чи довго я буду така?
— Будешъ, дитятко, будешъ,
— Якъ у мене будешъ.
— А якъ пійдешъ видъ мене—
— Снаде красота съ тебе,
— Зъ личенька румяного,
— Зо стану панянського (Чуб. IV. 154).

- ⁷²⁾ „Кому жъ ты ся кланяешъ,
„Коли батьна (или матери) не маешъ?
— Поклонюся чужомъ,
— Буде ми ся видало, що своему (Чуб. IV. 153).

- ⁷³⁾ Въ лиси на явори сидило два ангили
Сидячи говорили:
Полыньмо, полыньмо, брате, до тои сиротоньки,
Садемъ, та послушаемъ, якъ сиротонька плаче,
До стога припадае, що батенька не мае (Чуб. IV. 151).

- ⁷⁴⁾ Прибудь, прибудь $\frac{\text{моя матѣнко}}{\text{мій батенько}}$ теперь и къ менѣ,
Ой дай менѣ порадоньку, бѣдній сиротѣ!

Богомъ и просить отпустить ее посмотрѣть на свое дитя, сидящее на посадѣ ⁷⁵).

Невѣстѣ нельзя сидѣть одной, безъ жениха. Какъ мѣсяцъ хочетъ взойти разомъ со звѣздою, освѣтитъ небо и землю, возвеселить и звѣря въ полѣ, и путника въ дорогѣ, такъ и невѣста не хочетъ сидѣть одна, а хочетъ сѣсть вмѣстѣ со своимъ суженымъ и возвеселить разомъ два рода ⁷⁶).

Время проходить въ пѣніи свадебныхъ пѣсенъ и въ танцахъ до прибытія жениха, котораго, какъ князя, сопровождаютъ названные бояре и музыканты. Дружко взводитъ на посадъ князя. Начинается обрядъ пришиванія цвѣточной кисти (квѣтки) къ шапкѣ жениха. Женихъ входитъ въ хату и садится на посадъ не иначе какъ въ шапкѣ. Старшая дружка — лицо важное въ свадебномъ женскомъ персоналѣ стороны невѣсты — снимаетъ съ головы жениха шапку и прикалываетъ къ ней «квѣтку», отко-

Ой рада бѣ я, дитя мое, прибути къ тобѣ,
Склепилися карѣ очи и уста мои (Чуб. IV. 158. Метл. 129).

или:

Ой радъ бы я встати къ своему дитяти
рада бы

Сырая земля двери залягла,
Виконця заслонила,
Жовтый пѣсочокъ залѣгъ носочокъ,
Нельзя продохнути (Метл. 151).

- ⁷⁵) Марусина мати да передъ Богомъ стоить,
Марусинъ батько
Господа Бога просить:
Та пусти мене, Боже, та зъ неба на землю,
Да до моеи хаты, до мого дитяти
Нехай я подивлюся на свое дитяточео
Чи хороше да наряджена,
Чи въ добрый часъ посажене? (Чуб. IV. 158).

- ⁷⁶) Слала зоря до мисяця:
Ой мисяцю, мій товаришу!
Не виходь ты раній мене;
Изійдемо обое разомъ,
Освистемо небо и землю!
Зрадується звирь у поли,
Звирь у поли, гисть у дорози.
Слала Маруся до Ивасечка:
(Ой Ивасе, мій сужений,
Не сидай на посаду раній мене.
Обсядемо обое разомъ,
Звеселимо два двора разомъ (Чуб. IV. 156).

ловни у невѣсты. Дружба (иначе дружкó) или старшій бояринъ, надѣваетъ на жениха свою шапку на время, чтобы женихъ вовсе не оставался съ открытой головою. Поются при этомъ полушуточнаго содержанія пѣсни. Пришивалка изломала золотую иголку и поколола себѣ руку ⁷⁷⁾. Она именуетъ себя швеею, нарочно приѣхавшею изъ Львова, требуетъ заплатить себѣ за работу и выкупить шапку ⁷⁸⁾, надѣваетъ эту шапку себѣ на голову, вскакиваетъ на лаву и поетъ, что она теперь—козакъ, красивѣе чѣмъ женихъ и продолжаетъ требовать выкупа шапки ⁷⁹⁾. Дружкó и женихъ предлагаютъ ей сумму, она говоритъ, что мало ⁸⁰⁾ и шутка въ пѣсняхъ превращается въ издѣвки надъ скупостью и нищенствомъ жениха и его дружины ⁸¹⁾. Наконецъ, сдѣлка какъ будто состоится и старшая дружка снимаетъ съ головы шапку и кладетъ на голову жениху. Во все это время и послѣ того гости танцуютъ въ сопровожденіи пѣнія пѣсенъ, въ которыхъ отражаются слѣды стариннаго военного быта. Въ поэтическомъ образѣ представляется, что бояре, танцуя, навели

(⁷⁷⁾ Золотую голочку зломилъ,
А свою ручечку сколола (ibid. IV. 191).

(⁷⁸⁾ Я швачка въ Ильова,
Пріехала позавчера,
Привезла голку
И ниточку шовку,—
Квиточку пришивати
И по талару брати (ibid.).

(⁷⁹⁾ Ой глянъ, зятеньку, на мене
Красчій я козакъ одъ тебе (Чуб. IV. 195).

(⁸⁰⁾ Мавите не мавите—
Шостака не кладите!
Якъ купкою брязнешъ—
Тоди шличокъ возьмешъ! (Чуб. IV. 196).

Посыгни въ кипеню, ■
Выйми грошей зменю,
Посынь на тарели (Чуб. IV. 197).

(⁸¹⁾ Ой казали люде: ать багатый,
Ой казали люде: грошей михъ!
Кладе копійку ялъ на смихъ!
Убоги, бояре, убоги:

Симъ литъ по смитѣяхъ ходили,
Черепки збирали,
Да сваси за квитки давали (Чуб. IV. 198, также 199).

облако своими жупанами, пустили дождь стрѣлами и произвели сіяніе саблями ⁸²⁾).

Идетъ разгуль: танцы и пѣніе, и углы и лавки—все движется ⁸³⁾. Настаетъ время ужинать. Невѣста съ благословенія родителей ⁸⁴⁾ должна просить гостей, чтобъ они были веселы, какъ весеннія птички ⁸⁵⁾. Всѣ садятся ужинать ⁸⁶⁾, начинается попойка ⁸⁷⁾. Поется о разныхъ снѣдахъ, составляющихъ ужинъ: о капустѣ ⁸⁸⁾, похлебкѣ ⁸⁹⁾, горохѣ ⁹⁰⁾ кашѣ ⁹¹⁾, жареномъ мясѣ ⁹²⁾, которое разрѣзывать долженъ дружба ⁹³⁾, борщѣ ⁹⁴⁾, пряностяхъ ⁹⁵⁾,

⁸²⁾ Где болре танцювалю

Наробили хмарню жупанами,
И спустили дождикъ стрѣлочками,
Наробили ясно шabelьками (Метл. 200).

⁸³⁾ Бійтеса кутѣи, лавки!

До заличной бабки!
А вы ся догадайте,
Намъ вечеряты дайте! (Чуб. IV. 201).

⁸⁴⁾ Благослови Боже, и отецъ и мати,
Своему дитяти цей ридѣ частувати (ibid).

⁸⁵⁾ Проси своихъ гостей

Що бъ вони ѣли й пили,
И веселеньки були,
Якъ птичка на весни (Чуб. IV. ibid).

⁸⁶⁾ Брязнули да ложечками

Срибными тарилочками,
Марусина челядѣ
Сидаетъ вечерять (Чуб. IV. 200).

⁸⁷⁾ Стань, батенько, проти мене,

Та напійся до мене,
Зъ повною повночкою,
Зъ счастливою долечкою (Чуб. IV. 201).

⁸⁸⁾ Ёжте, бояре, капусту,

Наша капуста не пуста (Чуб. IV. 202).

⁸⁹⁾ Ёжте, бояре, юшку,

Да тягайте петрушку.
У насъ юшка горѣшками,
А петрушка грядками (ibid.).

⁹⁰⁾ Ой гороше, гороше, сілно тебе хороше (Чуб. IV. 203).

⁹¹⁾ На Бога гляньте, намъ каши дайте! (ibid.).

⁹²⁾ На Бога вы гляньте, намъ печени дайте! (ibid. 204).

⁹³⁾ Нашъ дружбонько чернобровый,

Не жаль ёму дати печеню покраяти! (ibid).

⁹⁴⁾ Добрая господиня добрый борщъ зварила (Чуб. IV. 208).

⁹⁵⁾ Же намъ готують ѣсти:

Курочку печеную, юшейку перченую,

пирогамъ ⁹⁶⁾, о винѣ ⁹⁷⁾, горѣлкѣ и пивѣ ⁹⁸⁾, ко всему соотвѣтствующія припѣвки. При этомъ допускаются разныя насмѣшки надъ боярами ⁹⁹⁾, дружбою или дружкомъ ¹⁰⁰⁾, свѣтилкою ¹⁰¹⁾, надъ старшею дружкой и вообще надъ всѣми свадебными гостями, уличаютъ ихъ въ жадности и обжорствѣ ¹⁰²⁾. Только наоборотъ изъята отъ издѣвокъ надъ ними. Невѣстѣ поется только, что она должна сказать, что будетъ почитать свекра и свекровь какъ родителей ¹⁰³⁾. Въ одной галицкой пѣснѣ женихъ

Чи зъ перцѣмъ, чи не съ перцѣмъ,
Абы було съ щирымъ сердцемъ (Чуб. IV. 200).

⁹⁶⁾ Повидала намъ ворона:
— Повна пирогивъ комора.
А мы поти не пійдемо,
Поки всихъ не поѣмо (Чуб. IV. 208).

⁹⁷⁾ Два голубойки гнздо вьютъ,
Наши бояри вино пьютъ (Чуб. IV. 205).

⁹⁸⁾ Тече горѣлка зъ потока,
А мы поти не пійдемо,
Поки всеи не выпѣмо (Чуб. IV. 208).

Повѣдала намъ синиця:
— Повная пива пивныця,
А мы поти не поѣдемо
Поки всеи не выпѣмо (ibid.).

⁹⁹⁾ Ъли бояре юшку да вкрали галушку,
Да въ мѣхъ, да въ рукавици
Дѣвчатамъ на вечерниці (ibid. 203).

¹⁰⁰⁾ Крае дружбонька крае,
Дружкамъ пидъ столъ дае,
За пазуху ховае,
Зъ пазухи въ кишеню
Свѣтильци на вечерю (Чуб. IV. 204).

¹⁰¹⁾ Свѣтилочка пани, вечеряй зъ нами!
Не велила мати рота раззявляти:
Великія зубы висятъ черезъ губы (Чуб. IV. 205).

¹⁰²⁾ Наша дружка пидъ волокъ, зѣбла калачивъ сорокъ,
Най ся ниhto не прогнивитъ, най ся здорова живитъ (Чуб. IV. 206).

Ъли бояре, ѣли, дѣлого вола зѣли,
На столѣ ни кришечки, пидъ столѣмъ ни кисточки (ibid.).

¹⁰³⁾ „Не сиди, Марусю, розмышляйся,
„Чимъ свого свекорка называть будешъ?
— Назову я свекорка риднымъ батенькомъ;
„Чимъ свою свекруху называть будешъ?
— Назову свекруху ридною матинкою (Чуб. IV. 207—208).

говорить, что ей нечего уже будет бояться отца, а грозою для ней станетъ онъ, ея будущій мужъ ¹⁰⁴). Послѣ ужина староста выводитъ новобрачныхъ ¹⁰⁵) и гостей, погулять и потанцовать на дворѣ ¹⁰⁶). Въ пѣсняхъ отъ лица всѣхъ выражается благодарность хозяевамъ за хлѣбосольство ¹⁰⁷).

На другой день послѣ дѣвичь-вечера, обыкновенно, въ день воскресный, происходитъ третій актъ свадебной трилогіи. Первый обрядъ у неvěсты—расплетаніе косы ея, совершаемое холостымъ братомъ ея въ кругу подругъ неvěсты, ея дружекъ свадебныхъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этотъ обрядъ совершается позже, уже послѣ вѣнчанія. Дружки расчесываютъ неvěстѣ косу ¹⁰⁸), мажутъ масломъ ¹⁰⁹), медомъ, вплетаютъ въ волосы нѣсколько монетъ, подаренныхъ женихомъ, кусочекъ хлѣба и кусочекъ чесноку, которому, по суевѣрію, приписывается предохранительная сила отъ заразы и отъ всякаго зла. Косу снова заплетаютъ въ послѣдній разъ вѣнкомъ ¹¹⁰). Изъ пѣсень, какія поются при этомъ обрядѣ, видно, что вѣнкомъ такимъ признается вѣнокъ,

¹⁰⁴) Ой не бійся батенька свого,
Ой бійся мене та й молодого:
Батенько гроза якъ литняя роса,
А моя гроза гірше лютого мороза (Чуб. IV. 248).

¹⁰⁵) Ведемо Марьечку зъ застильля,
На яснее, на краснее подвирья (ibid.).

¹⁰⁶) Нашъ староста чорнобровый
Да выведи насъ зъ хаты
На двиръ погуляти....
На двиръ танцювати (Чуб. IV. 209).

¹⁰⁷) Встаньте, дружечки, встаньте
Честь Богу хвалу дайте...
Потимъ отцю и матинци,
За хлибъ поставленный
За сизь положену.
Встаньте, бояре, встаньте
Шапочки поздіймайте и подикуйте (Чуб. IV. 211).

¹⁰⁸) Труться, мнуться дружечки
Коло ѣи русои кисочки (Чуб. IV. 253).

¹⁰⁹) Дай менѣ, мати, масла,
Давай хоць трошечки
Помастити косочки (ibid.).

¹¹⁰) Чуб. IV, стр. 251—252.

сплетенный изъ барвинка, изъ калины и руты ¹¹¹). Расплетаніе косы—грустная минута для молодой княжны. У всѣхъ подругъ ея волосы заплетены въ косы, а у ней распущенные волосы покрыли плечо, а слезы покрываютъ ей лицо ¹¹²). Жаль ей косы, которую она много дѣтъ холила, мыла краснымъ борщомъ, расчесывала золотымъ гребешкомъ и въ темную ночь при свѣчѣ и въ день передъ окномъ ¹¹³). Но жалче ей родной матушки, потому что ей никто такъ не услужитъ какъ она, когда рано вставала и загоняла коровъ ¹¹⁴). Плачь Марусенька—поется ей—какъ рано на зарѣ кукуетъ кукушечка: вѣдь ужъ въ другой разъ дѣвицею не будешь, забудешь веселыя вечерницы ¹¹⁵). Покидать приходится ленты дѣвическія: она проситъ мать отдать ихъ дѣвицамъ—подругамъ ¹¹⁶). И братъ соблазняетъ ее не идти замужъ, когда кругомъ все разцвѣтаетъ—и роза и кресчатый

¹¹¹) Въ долину, панянки, въ долину
По червону калину,
По хресчатый барвинокъ
Изъ руточки дві квіточки (Чуб. IV. 252).

¹¹²) Всѣ дивоньки въ косахъ,
А я свою та й роспустила,
Кисоньками да плечи вкрыла,
Слизоньками личенько змыла (Чуб. IV. 254).

¹¹³) Ой косо, косо золота!
Та не рикъ я тебе кохала,
Що недѣлоньку убирала,
Чорвонымъ борщикомъ умывала,
Золотымъ гребинцемъ чесала,
Темнои нички до свички,
Ясного сонця до виконця (Чуб. IV. 259).

¹¹⁴) Та не жаль же менѣ русои косы, ни дѣвочои красы,
Але жаль менѣ матиначки, що не має послугочки,
Що нѣкому рано встати, коровоньки заганяти! (Голов. IV. 357).

¹¹⁵) Чому ты, зозулько, ~~я~~но не куешь?
На другу весну не будешъ,
Зелени ганчки забудешъ!
Чому ты, Марьечка, не плачешъ?
Другій разъ дѣвкою не будешъ,
Славніи вечерници забудешъ! (ibid).

¹¹⁶) Прійди, матинко, прійди,
Та зними зъ мене бинды,
Уже мени въ биндахъ не ходити,
Треба дружокъ обдилити (Чуб. IV. 254).

барвинокъ и пахучій василекъ ¹¹⁷). Она сама чувствуетъ то же, но слишкомъ ужъ она полюбила жениха своего ¹¹⁸). Вотъ при-
бываетъ женихъ, молодой князь съ своими боярами. Отправ-
ляются пѣшкомъ или на лошадахъ, какъ случится, въ церковь.
Волосы невѣсты развѣваются по вѣтру ¹¹⁹). Сами собою открыва-
ются церковныя двери, сами собою зажигаются свѣчи, сами собою читаются книги ¹²⁰). Самъ Господь трижды встрѣчаетъ новобрачныхъ ¹²¹). При возвращеніи съ вѣнчанія поется, что женихъ далъ обѣтъ не отпускать отъ себя жену до страшнаго суда Божія ¹²²), а невѣста обѣщала жить не при родителяхъ, а съ мужемъ ¹²³). Новобрачные пріѣзжаютъ въ домъ. Ихъ встрѣчаютъ съ церемоніями ¹²⁴), слѣдуетъ за тѣмъ обѣдъ для гостей, за которымъ не участвуютъ новобрачные. Послѣ обѣда идутъ танцовать, поютъ пѣсни большею частью шуточнаго содержанія, насмѣхаясь другъ надъ другомъ. Потомъ женихъ уѣзжаетъ до-

¹¹⁷) Ой братъ сестрицю та росплитае,

Все рожу споминае:

— Та не йди, сестрице, молода замужъ.

Якъ рожа процвѣтае,

А хресчатый та барвиночокъ устилае садочокъ,

А запашный та василечокъ и съ тыномъ ся ривняе (Чуб. IV. 257).

¹¹⁸) Хоть не рада та мушу:

Полюбила Ивася якъ душу (Чуб. IV. 254).

¹¹⁹) Повій, витре, дорогою за нашою молодою.

Розмай косу по волосу по червоному поясу! (Чуб. IV. 269).

¹²⁰) Де-сь та Маруся боярського роду.

Якъ мы пидъ церквѣци пріѣзжали,

То сами ся двери одчиняли,

То сами ся книги читали,

То сами ся свички засвичали (Чуб. IV. 268).

¹²¹) Стричай насъ, Боже,

Першій разъ на дорози,

Другій разъ на порози,

Третій разъ при шлюби

При Божому суди (Чуб. IV. 269).

¹²²) Не забувай отця и матки до суду,

Не пускай Марусины до суду (Чуб. IV. 273).

¹²³) Присягала Марисенька....

При батейку не быти

Дѣвойковъ не ходити (ibid. также Żeg. Pauli. Piesni ludu Ruskiego. 72. 80).

¹²⁴) Чуб. IV. 299.

мой. Тамъ происходитъ свой обѣдъ. Женихъ садится на почетномъ мѣстѣ: онъ — князь. По правую руку отъ него размѣщаются бояре, по лѣвую — старшая и меньшая свѣтлѣки и двѣ свашки, а напротивъ жениха дружка, возница и старосты¹²⁵). Послѣ этого обѣда начинается собственно народное свадебное дѣйство, древнее языческое священнодѣйствіе, сохранившееся теперь въ обломкахъ. На дворѣ ставятъ покрытую чистою скатертью квашню, на нее кладутъ хлѣбъ, которымъ благословили жениха родители, соль и ведро воды съ ковшикомъ. Передъ этимъ импровизованнымъ алтаремъ становится женихъ со всѣмъ своимъ поѣздомъ. Выходитъ изъ избы мать жениха, одѣтая въ тулупъ вверхъ шерстью, на головѣ у ней шапка, а въ подолахъ у ней насыпаны орѣхи, овесъ, подсолнечныя и тыквенныя сѣмена и мелкія деньги, которыя нарочно для этого дня скопились со дня рожденія сына, ставшаго теперь женихомъ. Дружка подаетъ ей вилы или грабли, представляющія въ данномъ случаѣ коня; мать садится на нихъ какъ будто верхомъ на лошади, дружка, ухватившись за передній конецъ, какъ будто ведетъ коня подъ уздцы вокругъ квашни, а другой бояринъ издали подгоняетъ бичомъ воображаемую лошадь. Мать разбрасываетъ во всѣ стороны сѣмена, при чемъ поются присутствующими дѣвицами соотвѣтствующіе припѣвы¹²⁶). Три раза про-

¹²⁵) Чуб. IV. 313.

¹²⁶) Ой сій, мати, овесъ,

Та на нашъ ридъ увесъ,

Що бъ нашъ овесъ рясенъ бувъ

Що бъ Іванивъ ридъ красенъ бувъ (Чуб. IV. 314—315).

.....

Роди, Боже, жито

На новее лито,

Густее, колосистее

На стебло стеблисте

Що бъ наши дити мали

И стоячи жали (ibid. 315).

.....

Коло нашої дижки

Зародили сырофжки,

Чи сырофжки брати,

Чи въ дорогу ступати,

Въ дороженьку счастью

По Марьюхну красну (ibid.).

ведши кругомъ квашни мать жениха, сидящую верхомъ на вилахъ или грабляхъ, дружка зачерпаетъ изъ ведра воды и дѣлаетъ видъ какъ будто поить воображаемаго коня. Во время такого шествія вокругъ квашни, за матерью идетъ женихъ съ платкомъ въ рукѣ; за платокъ держится одинъ бояринъ и несетъ въ рукѣ платокъ, за который держится другой бояринъ, затѣмъ третій и т. д. Позади всѣхъ или же рядомъ съ матерью идетъ свѣтилка съ пучкомъ васильковъ, въ срединѣ котораго вставлены деревянное подобіе сабли, зажженная свѣча и кусокъ хлѣба ¹²⁷⁾. Древность этого обычая указывается подобіемъ въ немъ многихъ чертъ съ обычаями, о которыхъ остались намъ извѣстія въ описаніи свадебъ великокняжескихъ, царскихъ и боярскихъ. Такъ въ этихъ свадьбахъ постоянно играли роль свѣчники со свѣчами ¹²⁸⁾—то же что малорусскія свѣтилки—независимо отъ обручальныхъ свѣчъ. Обрядъ осыпанія одѣтой въ вывороченной вверхъ шубѣ является также въ старинной московской великокняжеской свадьбѣ ¹²⁹⁾. Свѣтилка съ деревяннымъ мечемъ и мать, сѣвшая верхомъ на вилы или грабли, воображаемые конемъ, составляютъ соотвѣтствіе съ московскимъ конюшимъ, который ѣздилъ съ обнаженнымъ мечемъ въ рукѣ вокругъ сѣнника ¹³⁰⁾. Видно, что основныя черты были едины, но потомъ разбились и развѣтвились, тѣмъ не менѣе все таки видно ихъ древнее единство. Какое символическое значеніе имѣла вода, ставимая въ ведрѣ на квашнѣ и напованіе ею воображаемаго коня, мы съ точностью опредѣлить не беремся, но несомнѣнно, что оно въ древности было, и вѣроятно состояло въ

¹²⁷⁾ Чуб. IV. 314.

¹²⁸⁾ Др. Росс. Вивл. XIII. 125. Св. Вас. Ив. Шуйскаго. 151. Св. Мих. Оед.

¹²⁹⁾ ...И тысяцкаго жена положить на себѣ двѣ шубы собольи, одну положить по обычаю, а другую шубу положить на верхъ, на изворотъ, шерстью вверхъ, да осыпаетъ великаго князя и великую княгиню (Свадьба в. кн. Василия Ивановича. Др. Росс. Вивл. XIII, стр. 12).

¹³⁰⁾ А въ то время на аргамака сѣлъ конюшій бояринъ Лыковъ и ѣздилъ около сѣнника въ то время какъ государь былъ въ сѣнникѣ съ голымъ мечемъ (Др. Росс. Вивл. XIII. 165). У Котошихина: какъ пошелъ даръ съ царицею опочивать и въ то время конюшей ѣздитъ около той палаты на конѣ выма мечъ наголо и близко къ тому мѣсту никто не приходитъ, и ѣздитъ конюшей во всю ночь до свѣта (Котош. стр. 9).

связи съ поклоненіемъ водѣ языческихъ славянъ. По смыслу, который и теперь свѣтится въ этомъ обрядѣ, можно предположить, что это имѣетъ значеніе приготовленія къ походу князя за своею княгинею, для чего и поятъ воображаемаго коня, какъ бы собираясь въ дорогу.

Затѣмъ поѣздъ съ женихомъ на челѣ отправляется къ невѣстѣ. Везутъ съ собою подарки невѣстѣ и ея родителямъ ¹³¹⁾. Въ пѣснѣ поется, что мать, выпроваживая сына въ путь, оградила его мѣсяцемъ, опоясала солнышкомъ и снарядила въ дорогу за молодою невѣстою ¹³²⁾. Отецъ далъ ему девять коней, а десятого вороного подлѣ него самого ¹³³⁾. Мать напекла ему на дорогу девять печей хлѣба, а десятую короваю ¹³⁴⁾. Отецъ велитъ сыну брать съ собою въ путь всю родню свою и близкую и далекую и богатую и убогую, богатую ради славы, а убогую для совѣта ¹³⁵⁾. Отецъ даетъ сыну заранѣе такое предостереженіе: смотри, сыночекъ, не говори всей правды тестюшкѣ; вѣдь

¹³¹⁾ Для невѣсты и ея матери берутъ сапоги, для отца — бараньи рукавицы, для родственницъ—свашекъ, свѣтилокъ и другихъ—нѣсколько платковъ, очипковъ, для брата невѣсты складаникъ (складной ножъ), для сестры нѣсколько аршинъ красной ленты...

Все это несетъ младшій дружба. Старшему дружбѣ даютъ гильце съ короваю, а иногда и самый короваю. Молодой беретъ хлѣбъ, которымъ его благословляли, когда онъ шелъ къ вѣнцу. Ъдутъ только въ томъ случаѣ, когда невѣста живетъ далеко. Обыкновенно идутъ пѣшкомъ въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди женихъ съ старшимъ дружкой, за ними всѣ бояре идутъ попарно, за послѣднею ихъ парой—музыка, а за музыкою — родители и родственники жениха (Чуб. IV. 315).

¹³²⁾ Мати Иванка родила
Мисяцемъ обгородила,
Сонечкомъ подперезала
Въ доризеньку выпроважала.

Въ тую свитлоньку новую

По тую Марью молодую (Чуб. IV. 316).

¹³³⁾ Осидлавъ ему девять коней сивыхъ,
А десятого вороного

Пидъ ёго молодого (Чуб. IV. 317).

¹³⁴⁾ Напекла ему девять печей хлиба
А десятую ничъ—короваю (ibid.).

¹³⁵⁾ Бери, сынку, всю родиноньку
И близькую, и далекую,

И вбогую, и багатую.

Багатую—для славоньки,

Убогую—для порадоньки (ibid.).

онъ тебѣ все-таки не то, что родной отецъ ¹³⁶). Кромѣ того отецъ заповѣдаетъ ему не пить поднесенной ему первой чарки, а вылить ее на гриву коню.—Отъ этого конь твой пойдетъ гордо, и всѣмъ боярамъ твоимъ будетъ слава ¹³⁷). Женихъ князь какъ бы выѣзжаетъ на ловитву ¹³⁸), онъ будетъ проѣзжать зеленымъ боромъ, по каменнымъ мостамъ, будетъ боръ шумѣть, будетъ камень звенѣть, слышать люди, пойдетъ молва между ними, услышитъ невѣста и возрадуется ¹³⁹). На пути женихъ князь встрѣтитъ символическую калину и захочетъ рубить ее, а она скажетъ ему, чтобъ онъ не рубилъ ее: она не для него посажена, для него—приготовлена молодая невѣста ¹⁴⁰). Если князь и заѣдетъ въ чужую сторону, за то съ нимъ вся родня его ¹⁴¹), у него конь вороной, съ нимъ бояринъ молодой, и сваха пѣвунья и свѣтила чернобровая ¹⁴²).

¹³⁶) Отецъ сына выражае, выражае, наказуе:

Та не кажи, сыну, тестеви всю правду,
Бо тещъ тоби не батенько (Чуб. IV. 319).

¹³⁷) Не пій, сыночку, першого напоеньку:

Ой вылій же го коненькови на гривоньку,
Коничокъ пійде пидъ тобою горденько,

То жъ то намъ буде всимъ боярамъ славненько (Чуб. IV. 317—318).

¹³⁸) Нашъ Ивасенько, нашъ короленько, на ловы выѣзджае! (ibid. 317).

¹³⁹) Да будемо ѣхать боромъ зеленымъ,
Боромъ зеленымъ, мостомъ камьянымъ;

Боръ буде шумѣти, а камень звенѣти:

Да зачуютъ люде—намъ слава буде,

Да заче Марусенька—намъ рада буде! (Метл. 181).

¹⁴⁰) По пидъ дугомъ стежечка;

Туды ѣхавъ молодой Ивасько,

Изъ подъ бока шавельку вытягае,

Да на тую калиньку замѣряе.

Стала къ ему калинька промовляти:

Ой стой, Иванко, не рубай!

Не для тебе ся калинька сажена,

За-для тебе Марусенька зряжена (Метл. 182. Чуб. IV. 322).

¹⁴¹) А въ кого копѣ—сѣдлайте,

А въ кого сыны—выражайте!

Ой поѣдемо въ чужину, въ чужую сторону

Ой не бійсь, Иванко, да не чужа сторона,

А въ насъ родина все своя (Метл. 180—181).

¹⁴²) ... Чи маешъ кониченька вороного,

Чи маешъ боярина молодого,

Чи маешъ сваху спиваху,

Выѣздъ представляется совершающимся ночью ¹⁴³). Князь призываетъ своихъ бояръ ѣхать съ нимъ во дворъ къ его тестю, къ своей Марусенькѣ за столъ ¹⁴⁴). Но не даромъ батюшка, снаряжая сына-князя, совѣтовалъ ему не вполнѣ довѣряться тестю. Придется таки не легко добывать красавицу. И вотъ видимъ мы въ пѣсняхъ отраженіе тѣхъ давно минувшихъ временъ, когда при рѣдкости населенія, при господствѣ разныхъ побужденій у народностей, отдѣленныхъ другъ отъ друга лѣсами и болотами, приходилось дѣйствительно подвергаться всякимъ неудобствамъ и опасностямъ звѣроловнаго быта ¹⁴⁵); ѣздить можно было въ путь только съ значительнымъ кружкомъ своихъ родичей, — тогда дружелюбныя связи между родами устанавливались только послѣ того, какъ подружившіеся прежде помѣряются взаимно между собою удалю и отвагою, — самые супружескіе союзы заключались тогда съ бою, о чемъ говорятъ наши старыя лѣтописи, сообщая, что у многихъ племенъ брака въ нашемъ смыслѣ еще не образовалось, а было только умыканіе дѣвицъ, а умыканіе вело столкновение между родами молодца и дѣвицы. Вотъ такое-то умыканіе даетъ о себѣ вспомнить и въ малорусскихъ свадебныхъ обрядахъ и пѣсняхъ. Князь со своими боярами собирается дѣйствовать силою, разбивать каменные стѣны, ломать замки, чтобы достать невѣсту ¹⁴⁶). Онъ не даромъ князь.

Чи маешь свѣтилку чернобровку?

Бо чужая сторона, що бѣ не було намъ сорома! (Чуб. IV. 319).

¹⁴³) Ой ты, Иване, видважный козаче!

Де ся выбираешь въ дорогу по-ночи? (Чуб. IV. 320).

¹⁴⁴) Бояры молодьи, учинить мою волю,

Та ходимъ зо мною до тестенька въ двирь.

До Марусеньки за стиль (ibid.).

¹⁴⁵) Вода луги позаливала, дороги позабирала,

Нѣкуды переѣхати (Голов. IV. 220).

¹⁴⁶) Та пійдемо тихимъ Дунаємъ до замку,

Постаємося во три радочки на ганку,

Тамъ будемо билый каминь лупати,

Же бы съ мо могли молоду Марисю піймати (Чуб. IV. 320—321).

. . . . .

По всимъ селѣ заграно,

- Заграно, забубнено,

Бояры побуждено:

— Встаньте, бояры, встаньте!

Онъ—князь временъ древнихъ, богатырь-витязь, идетъ съ своею боярскою дружиною, по лѣсамъ охотятся они за кунницами, въ поляхъ за перепелами, чрезъ село проѣдутъ—подрубаютъ колья, на дворъ ли въѣдутъ—конь его раскопаетъ землю на дворѣ, а самъ онъ въ сѣни войдетъ—не снимаетъ шапки ¹⁴⁷). Онъ какъ вѣтеръ идетъ съ брани: гдѣ станетъ, тамъ земля стонетъ, куда глянеть—трава вянетъ, прикажетъ разбивать Львовъ, доставать себѣ королевну ¹⁴⁸). Но не придется ему прибѣгать къ такимъ мѣрамъ ¹⁴⁹). Въ пѣсняхъ отразилось наслоеніе послѣдующей эпохи, когда сила стала замѣняться миролюбивыми сдѣлками. Въдѣ и въ тѣ времена, когда господствовали умыканія дѣвицъ, уже лѣтописецъ замѣчаетъ, что умыкали такихъ, съ которыми прежде совѣщались на игрищахъ. Тогда умыкатель примирялся съ недовольнымъ родомъ умыкаемой дѣвицы посредствомъ даровъ, откуда и вышелъ древній обычай платить вѣно за невѣсту. И эта черта есть въ нашихъ свадебныхъ пѣсняхъ. Князь несетъ дары и отъ себя и отъ своей матери ¹⁵⁰). Невѣста уже ожидаетъ его. Отсунь окно, говорятъ ей, погляди, хорошъ ли Иванъ на конѣ? Хорошъ, матушка, отвѣчаетъ невѣста—краще

Коники посидлайте,
Сами ся убирайте,
Бо поѣдемо ранкомъ
По пидъ высокимъ замкомъ,
Будемъ замки ламати,
Марусеньку доставати (Чуб. IV. 321).

¹⁴⁷) Ой лисомъ ѣдутъ—на кунейки стриляютъ,
Ой полемъ ѣдутъ—перепелоньки имають,
Селомъ выѣзжають—колоньки пидтипають,
На двирь пріѣзжае—ковичокъ двирь конае,
До сѣней входитъ—шапоньки не здіймае (Чуб. IV. 324).

¹⁴⁸) Повѣ вѣтеръ по гори,
Прійшовъ молодой зъ войны;
Ой где стане—земля стогне,
Куды глане—трава вяне,
А каже Львинъ розбивати
Королевну добувати (Чуб. IV. 325).

¹⁴⁹) И замкивъ не зламали,
И Марусеньку достали (Чуб. IV. 321).

¹⁵⁰) Дары идуть, дары идуть,
Одъ Иваса молоденького
Одъ его неньки старенькой (Метл. 186).

вѣхъ, стоять на конѣ, словно солнце, конь его блеститъ павшею на него росю, а самъ молодецъ — красотою ¹⁵¹). Прекрасенъ дворъ у тестя, въ немъ трое воротъ: въ одни входитъ мѣсяцъ, въ другія—солнце, въ третьи молодецъ въѣдетъ и съ нимъ станетъ весело. Идетъ молодецъ къ дѣвицѣ, словно мѣсяцъ къ звѣздочкѣ ¹⁵²). Изъ дѣвической стыдливости говоритъ невѣста отцу, чтобъ затворили ворота и не впускали молодца ¹⁵³). Какъ его не впустить — отвѣчаютъ ей, когда онъ просится, разстилаясь хмѣлемъ около двора, барвинкомъ въ сѣняхъ, василькомъ въ хатѣ, становится соколомъ за столомъ ¹⁵⁴). Запрячь меня, матушка — говоритъ невѣста — въ вишневый садикъ, обсади вишнями и черешнями ¹⁵⁵). Запрячу тебя — отвѣчаетъ мать — за тесовый столъ, обсажу друзьями ¹⁵⁶).

(151) — Чи хорошъ Ивашко на кони? —
 „Та хорошій, матинко, красчій вспхъ,
 Ой одсуну жъ я виконце,
 Стоить Ивашко якъ сонце,
 Конячокъ припавъ росю,
 Самъ винъ молодой красою (Чуб. IV. 323).

(152) А въ мого тестенька трое воритьць,
 Въ одни воритьци мисяцъ засвѣтитъ,
 Въ други воритьци соненько зійде,
 Въ трети воритьци молодчикъ въѣде.
 Мѣсяцъ засвѣтитъ—видненько буде,
 Соненько зійде—тепленько буде;
 А хлопець въѣде—веселенько буде;
 Иде хлопець до дѣвки,

Якъ мѣсяцъ до зирки (Чуб. IV. 324).

(153) Просила Марусенька свого татусенька:

„Татунечку мій любый,

„Запирай воротечка—не пусти Ивасенька“ (Чуб. IV. 326).

(154) Якъ го не пустити, коли винъ ся просить,

Коли винъ ся стелеть по подвирю хмелемъ,

А въ синахъ—барвиночкомъ,

А въ хати—василечкомъ,

А за столомъ — соколомъ (Чуб. IV. 327. Žeg. Pauli. Piesni. rusk. nar. 114).

(155) Уже гости, уже на помости,

Въ синечки вступають,

„Захочай мене, моя матинко,

„Въ вишневый садочокъ.

„Обсади мене вишнями, черешнями“ (Чуб. IV. 326).

(156) Заховаю тебе, моя доненько,

За тесовый столикъ,

Въ пѣснѣ приглашается мать невѣсты встрѣчать зятя уже не только нареченнаго, но обвѣнчаннаго ¹⁵⁷). Тутъ въ свадебномъ дѣйствіи опять вспоминаются времена отдаленныя, времена умыканія и насилія. Поѣздъ жениха долженъ нѣкоторое время ждать у воротъ. Принадлежащія къ поѣзду невѣсты стерегутъ ворота двора. Происходитъ какъ бы примѣрная битва, кончающаяся переговорами ¹⁵⁸).—Мы тебѣ не докучимъ, только ночку переночуемъ, бочонки твои опорожнимъ и дѣвочку съ собою возьмемъ ¹⁵⁹)!—Предлагаютъ водки въ качествѣ окуна за впускъ ¹⁶⁰). При этомъ и подсмѣиваются надъ хозяевами, которые не пускаютъ гостей ¹⁶¹). Роль примирителей принимаютъ на себя старосты съ обѣихъ сторонъ. Двое жениховыхъ старостъ перелѣзаютъ черезъ ограду во дворъ, гдѣ уже приготовлена хлѣбъ-соль и тамъ стоятъ двое невѣстиныхъ старостъ. Старосты обмѣниваются между собою хлѣбомъ, цѣлуются, угощаютъ другъ друга водкой и, наконецъ ворота открываются: весь поѣздъ вваливается во дворъ ¹⁶²). Мать невѣсты встрѣчаетъ жениха въ тулупѣ, вывоченномъ шерстью на верхъ, какъ бы думая испугать гостей ¹⁶³).

Обсажу тебе, моя доненько,
Молодыми дружечками (ibid. 327).

¹⁵⁷) Выйди, мати, зъ хаты,
Своего зятя витати;
Вчора бувъ наречений
А сѣгодня звинчаний (ibid. 328).

¹⁵⁸) Ъхали мы три мила,
Коники попотили;
Ой нашъ милый свату,
Пусти-жъ насъ у хату,
Коникамъ супочити
Намъ суконьки посушити! (Чуб. IV. 328).

¹⁵⁹) Мы тоби не докучимо,
Сюю ниченьку заночуемо,
И бочечки попорожнимо,
И дивочку собѣ возьмемо (Чуб. IV. 329).

¹⁶⁰) Даемо вамъ горилки
Пускайте насъ до дивки (ibid. 330).

¹⁶¹) Ой у нашего свата соломѣяна хата:
Боится насъ пустити, щобъ ѣи не розвалити! (ibid. 330).

¹⁶²) Ой, где жъ вы тамъ посланци бували?
Ой, бувалисьмо въ тимъ дому,
Ой, видалисьмо молоду Марисю за столомъ (ibid. 338).

¹⁶³) Вбралась теща у вовчинки,
Для зятнѣи причинки,

Она предлагает жениху водки въ угощеніе. Женихъ, помня заповѣдь своего родителя, не долженъ пить, а долженъ передать чарку старшему боярину изъ своего поѣзда, а тотъ выливаетъ водку на гриву коню, чтобы теща была ласкова къ зятю ¹⁶⁴). Что жъ ты мнѣ подаришь? спрашиваетъ зять у тещи ¹⁶⁵). Теща предлагаетъ одно за другимъ — пару лошадей, пару воловъ, стадо овецъ, скрюню, перину, — зять отъ всего отказывается, наконецъ теща предлагаетъ дочь и тогда зять говоритъ, что будетъ ее считать за родную мать ¹⁶⁶). Тогда поется въ пѣснѣ — теща съ своей стороны сознается, что до сихъ поръ не советѣмъ довѣряла ему, но теперь принимаетъ какъ милого сына ¹⁶⁷). Между тѣмъ въ хатѣ невѣста бросается къ ногамъ отца и проситъ впустить во дворъ поѣздъ, а самого жениха ея посадить за столъ ¹⁶⁸).

Вступая въ хату, гости обмѣниваются съ принимающими ихъ пѣсенными привѣтствіями ¹⁶⁹). Дружки, сидяція съ невѣстою,

Да хотила зятя злякати,

Не хотила дочки отдати.

Да зять того не боится,

Влизько кили дочки садовитися. (Чуб. IV. 339—340. Метл. 191).

¹⁶⁴) Не пій, Ивасю, первого привиту,

Бо першій привить лихій.

Дай старшому свату, родному брату,

Ой нехай выльє конику на гриву...

Що бъ у коня грива кудрява була,

Що бъ на тебе теща ласкава була (Чуб. IV. 339).

¹⁶⁵) А зять тещу пытає:

„Тещенько, сива голубонько,

„Щожъ ты мени даруєшь?“ (Чуб. IV. 340).

¹⁶⁶) Тещенько, ридна матинко,

Я жъ тепера тобі сынъ буду! (ibid.).

¹⁶⁷) Ой зятю жъ мій зятю, да ~~милый~~ же ты сыну!

Я жъ тебе змовляла да вѣроньки не ймала,

Теперь вѣроньку иму, що за зятенька прійму (Метл. 192).

¹⁶⁸) Батеньку до нигъ впала:

А мій батеньку ридный,

Пускай бояренъки на двиръ,

Мого Ивася за тесовый стиль! (Чуб. IV. 337).

¹⁶⁹) Добрый вечеръ тому, хто въ цѣму дому:

Бодай здорови були, що насъ не забули,

За старого й малого, и за Бога святого! (Чуб. IV. 340).

должны подвинуться и дать мѣста боярамъ ¹⁷⁰). Но братья невѣсты сидятъ около нея съ поднятыми палками, особенно старшій братъ, сидящій ближе всѣхъ къ невѣстѣ, принимаетъ воинственный видъ. Сама она готова встать привѣтствовать жениха и принять его гостинцы ¹⁷¹), а братья не сдаются и хотятъ драться ¹⁷²). Имъ предлагаютъ окупъ. Брата уговариваютъ въ пѣснѣ, чтобъ онъ не продавалъ сестры ¹⁷³). Онъ ее крѣпко удерживаетъ за руку ¹⁷⁴), готовъ даже защищать ее съкирю ¹⁷⁵). Но потомъ онъ прельщается предложеніями жениха ¹⁷⁶). Пѣсня уговариваетъ жениха не скупиться и заплатить пощедрѣе ¹⁷⁷), хотя бы пришлось семь дней молотить, чтобы заработать на

¹⁷⁰) Посуньтеся, та дивчаточка,
А видъ стола да до запичка,
Нехай сяде чужина,
Вся Иванкова дружина (ibid.).

¹⁷¹) Ой устань, Марусю, не лежи,
Ой Иванько йде, гостинцѣ несе,
Ой я встану и привѣтаю
И гостинцѣ припинаю (Метл. 193).

¹⁷²) Не наступай литва,
Буде межъ нами битва;
Будемъ бити да воювати,
Маруси не давати (Чуб. IV. 346).

¹⁷³) Не продавай сестры
За гришъ за чотыри:
Сестриця родима,
За столомъ якъ калина (Чуб. IV. 346).

¹⁷⁴) Братъ коло сестрицѣ сидѣть,
Да за рученьку держитъ,
Да не хоче да попустити
Чужой чужиноньци
Своеи родной сестрици (Чуб. IV. 347).

¹⁷⁵) Братчику та, голубчику!
Возьми соби сокирочку.
Съчи, рубай, сестры не дай (ibid.).

¹⁷⁶) Запродамъ тебе, сестрице моя,
За сто золотыхъ червонныхъ (ibid.).

¹⁷⁷) Не стой, зятю, за плечима,
Да не лунай очима,
Клади руку у кишеню,
Да выймай грошей жменю;
Клади на тарѣлку
За Марьечку дѣвку (Чуб. IV. 348).

сведеніе шурина съ его мѣста ¹⁷⁵). Когда, наконецъ, сдѣлка со-
стоится и шуринъ сойдегъ—пѣсни подсмѣиваются надъ нимъ ¹⁷⁹),
называютъ его татаринѡмъ ¹⁸⁰), отсылаютъ его за печь воевать
съ котами ¹⁸¹); пѣсни шутятъ и надъ боярами и даже надъ же-
нихомъ, если онъ не съумѣетъ ловко поцѣловать своей невѣсты ¹⁸²).

Во всѣхъ описанныхъ нами обрядахъ отразилась, какъ мы вообще
замѣтили, исторія народа. Вотъ времена далекія, языческія —
поклоненіе водѣ; остатки жертвоприношеній,—вотъ времена, когда
народъ не составлялъ государственнаго тѣла, но былъ разбитъ
по селамъ, разстоявшимъ одно отъ другого на немалое про-
странство, разбитъ на роды, или не знавшіе одинъ другого по
неудобству путей или враждовавшіе между собою. Видимъ слѣды
умыканія, слѣды насильственныхъ похищеній. Жизнь, подходив-
шая къ жизни звѣрей, которыхъ ловилъ тогдашній человѣкъ.
Но вотъ шагъ выше на дорогѣ къ образованности. Эпоха при-
миренья между ссорившимися родами. Эпоха сдѣлокъ и эта эпоха
выработалась главнымъ образомъ чрезъ женщинъ, подобно тому,
какъ римляне соединились съ сабинянами чрезъ посредство по-
хищенныхъ сабинянокъ. Вотъ и эпоха князей, когда они съ
набранными изъ вольныхъ удалцовъ дружинами, рыскали, ища
себѣ столовъ и власти и заключали рядъ съ землями, или быв-

(178) Треба сѣмъ день молотити
Що бъ шурина зъ покути скупити (Мет. 194).

(179) Не въ правдѣ братко кохався
Що за сестрицю змагався,
Да побачивъ чарку на тарѣлцѣ
Пропивъ сестрицю на горѣлцѣ (ibid.).

(180) Татаринъ братко татаринъ
Продавъ сестрицю за таларъ,
Русу косу за шостаць,
А бѣле личко ишло й такъ (ibid. 195).

(181) Въ запичъ, шурине, въ запичъ
Съ котами воювати,
Не сестру продавати (Чуб. IV. 356).

(182) Бояре шляхецькіи,
Межъ вами женишище,
Якъ горилее диище.
Боярамъ свини пасти,
А Ивашку, заганати,
Що не вміє цилувати (Чуб. IV. 354).

шими не въ силахъ прогнать ихъ или сами въ нихъ находившими нужду для успокоенія внутреннихъ беспорядковъ у себя. Вотъ и память о Литвѣ, которая завоевала когда-то разрозненную Южную Русь и соединила ее въ одно политическое тѣло, сама подчинившись ея духовному культурному вліянію. Вотъ и татары, торговавшіе людьми, вотъ старый козацкій бытъ, когда все удалое, рыцарское, молодецкое облекалось въ образъ козака.

Что всего замѣчательнѣе — это свадебные обряды, съ накопившимися на нихъ слоями разныхъ періодовъ и укладовъ народной исторіи, наглядно указываютъ на демократическій строй, господствовавшій всегда въ сознаніи этого народа, хотя внѣшнія условія постоянно препятствовали его водворенію и укрѣпленію въ общественной средѣ. Хотя пѣсни свадебныя съ принадлежащими къ нимъ пріемами и дѣйствами — исключительное достояніе мужицкаго быта, но многое и представляетъ черты быта болѣе высшаго, болѣе знакомаго съ удобствами жизни: это несомнѣнный признакъ, что тѣ же пріемы, тѣ же обряды, тѣ же пѣсни были достояніемъ и другихъ слоевъ общества. Такъ-называемый высшій классъ не былъ въ культурномъ отношеніи отдѣленъ китайскою стѣною отъ низшаго, какъ теперь. Народъ развивался одинаково: если коснѣли въ темнотѣ, то не одинъ мужикъ, а также и панокъ или войсковой товарищъ, часто не умѣлъ подписать своего имени, за то и мужицкія дѣти одинаково учились наравнѣ съ панскими, если у родителей ихъ было состояніе и кругъ свѣденій цѣлаго народа расширялся одинаково. Вотъ, сообразно этому, въ свадебныхъ пѣсняхъ мы встрѣчаемъ черты, указывающія, что эти самыя пѣсни пѣлись не въ однихъ мужицкихъ хатахъ, но и въ домикахъ панскихъ.

Слѣдуетъ затѣмъ раздача подарковъ отъ жениха ¹⁸³⁾ и отъ

---

¹⁸³⁾ Ой на двори призьба
На ній рушниківъ триста,
Пійдите, принесите,
Та боярь прикрасите (Чуб. IV. 361).

. . . . .
Несите дары за дары,
Да щобъ нашіи дары
Да у Києви стали,
Шовкомъ мережани,

невѣсты ¹⁸⁴) съ припѣвами, потомъ приносъ въ хату и дѣлежь коровая ¹⁸⁵).

Послѣ раздачи коровая происходитъ покрываніе невѣсты, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и расплетаніе косы, которое въ другихъ совершается, какъ выше показано, предъ вѣнчаніемъ. Невѣста представляется въ пѣсняхъ оплакивающею сокрытіе своей косы дѣвической ¹⁸⁶). Мать идетъ въ комору за серпанкомъ или намѣткою, которая въ пѣсенной рѣчи носить названіе завивайла. Послѣдній косникъ—лента въ косѣ—снимается женихомъ: это его достояніе на память. Серпанокъ-завивайло—представляется пугаломъ. Ъхаль—поется—за нимъ дружба за море доставать изъ подъ бѣлаго камня, но не поднялъ камня и не добылъ завивайла ¹⁸⁷). Мать выносить серпанокъ изъ коморы. Дружки поютъ: догадайся, Маруся, зачѣмъ это ходила мать въ комору: за рутянымъ вѣнкомъ или за бѣлымъ, какъ

Золотомъ гаптовани

Своему роду даровани (Чуб. IV. 362).

¹⁸⁴) По тихому Дунаечку билила,
По крутому бережку стелила,
А всю свою родиноньку обдарила.
Тождь-то наша Маруся придка була,
Тождь-то вона раненько вставала,
На подарочки наприла
Усю свою родиноньку обдигила (Чуб. IV. 363).

¹⁸⁵) Коровай зъ шишками,
Розлука зъ дружками.
Свити, Боже, зъ раю,
Нашому короваю.
Щобъ було виднесенько
Краяти дрибнесенько,
Дрибненько, бояровнюку,
Коровай край,
Всю нашу родиноньку обсылай
Нась, дружечокъ, не забувай! (Чуб. IV. 376).

¹⁸⁶) Ой жалъ ментъ тебе русаяя косо!
Да не рокъ я тебе кохала,
Що недѣлоньки vymвала,
За одинъ ранокъ утерала (Метл. 206).

¹⁸⁷) Дружку ѣхати по завивайло,
Та на море пидъ билъ камень.
Дружко поѣхавъ, камня не знаявъ,
И завивайла не взявъ (Чуб. IV. 365).

бумага, завивайломъ ¹⁸⁸). Дружба принимаетъ отъ матери серпанокъ и держитъ его на тарелкѣ. Его—поетъ пѣсня—не свѣтъ вѣтеръ, не сожжетъ солнце, не смоетъ дождь; его износить молодая Маруся ¹⁸⁹). Это бѣлое завивайло будетъ ей вѣчное покрывало ¹⁹⁰). Не хочется ей покрываться, не мило ей завивайло, милѣе—дѣвичьи ленты ¹⁹¹), но еслибъ она сильно не хотѣла, то не шла бы замужъ, сидѣла бы у бабушки ¹⁹²). Не такъ ей тяжело покрываться, какъ разлучаться съ подругами ¹⁹³). Не объ отцѣ и не объ отцовскомъ дворѣ она тоскуетъ: жаль ей русой косы своей, дѣвической красоты: дѣвицы гуляютъ, колышутся ихъ косы, а ее въ свою средѣ онѣ уже не примутъ ¹⁹⁴). Мать ¹⁹⁵) и подруги ¹⁹⁶), покрывая ее, желаютъ ей здоровья и

¹⁸⁸) Догадайся, Марусе,
Чого мати въ комору пійшла?
Чи по рутяний вѣночокъ,
Чи по бѣле завивайлочко?
Бѣле да бѣлесеньке
До наперу ривненькее (Метл. 206).

¹⁸⁹) Поглянь, Марусю, на порогъ
То йде дружбонько ворогъ твій.
Несе коровай на вѣдѣ
Бѣле завивайло на тарелцѣ,
То не вѣтеръ его не зѣбе,
Ни сонце его не спале,
Ни дрибный дождчикъ его не змоче
Молода Маруся износе (Метл. 207--208).

¹⁹⁰) Ой бѣлое завивайло,
Да вѣчное покрывайло (ibid.).

¹⁹¹) Покриваниця плаче—
Покриватись не хоче.
Серпанки—поганки,
Биндочки—коханки (Чуб. IV. 367).

¹⁹²) Якъ бы вона не хтила
Тобъ у батенька сидла (ibid.).

¹⁹³) Не такъ покрываться,
Якъ съ нами роставаться (Чуб. IV. 368).

¹⁹⁴) Ой не жаль менѣ батенька старого,
Тільки жаль мени русой косы,
Дивоцької красы;
Дивки гуляють, кісками мають,
А мене не приймають (ibid.).

¹⁹⁵) Покрываю тебе, моя довенько.
¹⁹⁶) Мы жъ тебе, сестрице, скриваемъ,
Счастіямъ-здоровьемъ надѣляемъ! (ibid.).

красоты ¹⁹⁷). Но гдѣ теперь коса твоя, поется въ пѣснѣ — не полетѣлали въ поле? Нѣтъ, она свернулася въ клубочикъ ¹⁹⁸). Гдѣ теперь твой вѣнокъ дѣвическій? Отдала его спрятать подъ замокъ на вѣчные вѣки ¹⁹⁹). Какъ бы играя, въ пѣснѣ говорятъ ей подруги: не хорошо, не хорошо тебѣ въ этомъ нарядѣ! Скинь чепецъ, брось подъ печь, скинь кибалку — брось подъ лавку! Надѣнь опять свой рутяной вѣнокъ, уберись въ ленты, идемъ съ нами на вечерницы ²⁰⁰). Не будетъ по вашему, дается на это приговоръ въ пѣснѣ: Ивась сдастъ свое молодечество, а Маруся свое дѣвичество ²⁰¹).

Наступаетъ за тѣмъ—ужинъ съ припѣвками. Въ пѣсняхъ, относящихся къ этой части ритуала выражается невозвратность положенія, которое потеряла новобрачная. Ей грустно, она склоняетъ голову, но все уже напрасно, ни вѣтеръ, ни дождь, ни людскіе языки — ничто не разорветъ союза новобрачныхъ ²⁰²).

¹⁹⁷) Будь здорова якъ вода,
Будь прекрасна якъ весна (Чуб. IV. 371).

¹⁹⁸) Где ся косойка дила?
Чи у поле полетила?
Вона въ поле не летила
Ено ся въ клубойко звила (Чуб. IV. 369).

¹⁹⁹) Где съ дила свій винойко?
Дала мѣ ю оковати,
До скрынойки сховати,
На вѣки вичныи (Чуб. IV. 370).

²⁰⁰) Покинь чепецъ пидъ печь,
А кибалку пидъ лавку,
Тобѣ не подоба,
Бо не пристало до лоба.
Рутяный вѣнокъ
Склади на головку,
Да надинь стрички и коснички,
Да ходимъ зъ нами на вечернички (Метл. 209. Чуб. IV. 372—373).

²⁰¹) То Иванъ гомонить—молодєство здає,
То Марусенька гомонить—дивованье здає (Чуб. IV. 373).

²⁰²) „Вже жъ ты, Марусю, звичана:
Буйны витры не розвіють,
Дрибны дощи не розмывють,
Людськи языки не розмовлять“.
И схилилася верба свєрха до корєня,
Схилилася Маруся черезъ стилъ до матинки,
На стилъ головоньку клонить,
А подъ столомъ слизоньки ронить (Чуб. IV. 389).

Какъ селезень съ уточкою вмѣстѣ щипаютъ водяную травку, такъ они сидятъ вмѣстѣ парочкою за трапезою ²⁰³).

Вотъ уже и кони запряжены и возницы сидятъ на возахъ, собираются везти новобрачныхъ въ домъ мужа ²⁰⁴). Въ пѣснѣ изображается, какъ новобрачная кланяется въ ноги родителю и благодарить за то, что живучи у него была любима и не отягощалась излишнею работою ²⁰⁵).

По окончаніи ужина начинается отправка новобрачной четы. Это выражается и въ пѣсняхъ. Новобрачная должна садиться на возъ и покидать привычки житья, какое вела у отца ²⁰⁶). Укладываютъ на возы скрыню съ приданымъ ²⁰⁷). Пѣсня представляетъ, что мать, въ порывѣ материнской пѣжности, проситъ дочь переночевать у ней еще одну ночь, потому что расцвѣтаетъ роза, стелется барвинокъ. Но дочери уже не украшать себя розою и барвинкомъ: полюбила она Ивася и не хочетъ разстаться съ нимъ ²⁰⁸). Такъ пѣсни да послѣднихъ минутъ

²⁰³) Де жъ бувъ селезень, де жъ була уточька?

Селезень—на ставку, уточка—на плаву.

Теперь на одному сидятъ вони плаву,

Да їдять рясочку.

Де жъ бувъ Иванко, де жъ була Марьечка?

Иванко—у батенька, Марьечка—у матинки;

У одній свитлиці їдять паляниці,

Пьють вони медъ-вино изъ кубка одного (Метл. 214—215. Ч. IV. 390).

²⁰⁴) Вже жъ коники позаярягавы,

Погоничи на возахъ сидятъ (Чуб. IV. 393).

²⁰⁵) Впала Маруся ажъ до нигъ:

— Спасибі тобі, ты мій батенько,

— За твое коханнячко,

— Що я жъ у тебе була, важкого дила не знала (Чуб. IV. 392).

²⁰⁶) Ой садовись, дивочко, на вози,

Да покидай батьковы воровы (Чуб. IV. 401).

²⁰⁷) Скрыня моя малёвана!

Да не рикъ не два пряла,

Да не зимочку ткала.

Ну-мо, мамо, дилитися:

Тоби хата, та комибочка,

Мени скрыня, та худибочка (Чуб. IV. 405—406).

²⁰⁸) Їв матинка просить:

— Молоденька Марисенька,

— Переночуй хочъ ниченьку,

— Бо вже роза розцвѣтається,

— Барвиночокъ розстигається!

изображаютъ въ невѣстѣ колебанія между сожалѣніемъ о невозвратно преходящемъ дѣвчествѣ и между любовью къ своему суженому, и всетаки перевѣсъ остается за этой любовью. Все готово къ отъѣзду. Мѣсяцъ освѣщаетъ путь. Братъ провожаетъ сестрицу въ домъ свекра ²⁰⁹). Жениховъ поѣздъ заранѣе хватить житье-бытье, ожидающее ее въ этомъ домѣ ²¹⁰). Посылается напередъ соколъ во дворъ родителей жениха, чтобы тамъ дожидались невѣстки, застилали столы, клали на нихъ пшеничные хлѣбы, зажигали свѣчи ²¹¹). Вотъ новобрачная въ послѣдній разъ обращается къ родной матери, кланяется ей въ ноги, устилаетъ землю своими косами, слезами обливаетъ ноги матери ²¹²). Женихъ торопитъ ее ²¹³), а она хочетъ вдоволь напрощаться съ отцемъ, съ матерью ²¹⁴), даже съ порогами, по

„Мени въ рожи не ходити,

„Барвиночку не носити:

„Полюбила Ивася, та й не могу одступити (Чуб. IV. 405 — 406).

²⁰⁹) Мисяцъ дориженьку освитывъ;

Братъ сестриченьку выпроводывъ:

„Отъ тоби, сестрице, дорога,

„Бѣ до свекорка здорова! (Чуб. IV. 406).

²¹⁰) Южъ сонце надъ горами,

Збирайся, Марусю, зъ нами,

Бо мы добрыи люде,

Добре тоби въ насъ буде:

Вода сама въ гарнецъ тече,

А сонейко хлѣбъ пече (ibid.).

²¹¹) Наша Маруся одъ батенька одъѣзжае,

По переду соколонька посылаетъ:

„Лети, лети, соколоньку, до свекорка въ двиръ,

„Нехай дворы вымитають,

„Нехай столы тисовии застилають,

„Нехай хлѣбы пшеничнии накладываютъ

„Нехай свичи восковыи незгасають,

„Нехай мене, моѣ дои, дожидають (Чуб. IV. 408; Метл. 219).

²¹²) Яжъ тоби, матухно, поклонюся,

Кискою земельку устелю,

Слизками нижки обилью (Чуб. IV. 410).

²¹³) Ой, ты Марусю, вбирайся..

Ой сидай, сидай, коханья мое,

Ницъ не поможе плаканья твое (Чуб. IV. 416—417).

²¹⁴) Зачекай мене хочъ пивтора дня,

Я ще ^{своему батеньковѣ}
своей матинци не дяковала.

которымъ ступали ея ноги и по которымъ уже не будутъ ступать ²¹⁵). Не переходите, враги, дороги, пусть ее перейдетъ сперва Богъ, а потомъ мои родители ²¹⁶), поетъ пѣсня. Вотъ наконецъ двинулись, зазвенѣли колокольчики ²¹⁷). Осталась мать. Поглянетъ въ комору — нѣтъ скрыни, нѣтъ и вѣшалки для одежды; посмотритъ по свѣтлицѣ — нѣтъ ея дитяти, глянетъ въ окно — тамъ слѣдъ ея; пѣсня заставляетъ по дорогѣ уѣхавшей новобрачной расти символическіе васильки ²¹⁸). Исчезъ и зятекъ — истоптавши конскими копытами подворье, обобравши комору и взявъ съ собою ея дитя ²¹⁹). Скучно будетъ матери безъ дочки: выйдетъ она въ поле работать, некому будетъ помогать, сядетъ полудновать — не съ кѣмъ вести разговоръ ²²⁰). Вспомнитъ она о дочери и жаль ей станетъ тогда, когда начнетъ она растоплять дрова и загребать жаръ въ печи или пойдетъ къ водѣ съ бѣльемъ ²²¹). На пути къ дому жениха поются пѣсни,

Дякую тобі, $\frac{\text{тату}}{\text{мамо}}$ що ходила въ тебе гарно

А теперь не буду (Чуб. IV. 417).

²¹⁵) Ой дякую вамъ, пороги,
Де ходили били ноги,

Теперь не будутъ (Чуб. *ibid.*).

²¹⁶) Пересердитесь, вороги, не переходьте дороги;
Нехай же намъ перейде Господь Богъ, а послѣ батько мій,
А ясна зора — то мати моя

А ясенъ Богъ — то батько мій (Чуб. IV. 418).

²¹⁷) Бряжчали колоколы, бряжчали,

Туды жъ нашу Марьечку помчали (Чуб. IV. 420).

²¹⁸) Пйди, мати, у комору — скрыни нема!

Ой глянь, мати, на вѣшалку — одежи нема!

Пйди, мати, у свѣтлицю — дитини нема!

Ой глянь, мати, у вѣконце — тилько слѣдъ...

По дорози василечки поросли,

Куды твою дытвионьку повезли (Чуб. IV. 419).

²¹⁹) Такъ бувъ зятенько, якъ не бувавъ,
Тильки мое подвирѣдъ киньми стоптавъ,
Тильки мою комору ограбовавъ,
Тильки мою дитину собі взявъ (Чуб. *ibid.*).

²²⁰) „Якого-сь буде, якого-сь буде да безъ донечки жити!“

Пйдешь, матинко, у поле та зеленого жита жати,

Та займешъ широкую постать — ни зъ кимъ жита жати.

Сядешъ, мати, да полуднати — ни зъ кимъ розмовляти (Чуб. IV. 414).

²²¹) Загрибай, мати, жаръ, жаръ,
Буде тобі дочки жаль, жаль,

гдѣ говорится о радости, какая ожидаетъ мать жениха, когда привезутъ къ ней неvěстку²²²). Но, оглядываясь назадъ къ родительскому дому, новобрачной становится грустно²²³). Вотъ прїѣхали. Пѣсня приглашаетъ мать жениха выходить и посмотреть, что привезли ей бояре²²⁴). Новобрачная сравнивается съ пугливою тетеркою: не надобно полошить ее; пусть привыкаетъ къ своему дому²²⁵). Женихъ, кланяясь родителю, увѣряетъ, что его подруга будетъ угождать ему²²⁶). Есть слѣды стараго военнаго быта: женихъ говоритъ, что онъ ѣздилъ на войну и полонилъ хороводъ дѣвокъ, но выбралъ себѣ одну изъ нихъ²²⁷). Мать жениха представляется въ высшей степени довольною и говоритъ, что теперь она радуется паче нежели тогда, когда родила своего сына, и расточаетъ похвалы молодой неvěсткѣ и за ея красоту, и за походку и за рѣчь ея²²⁸). Уже и сама

Якъ итимешъ сорочокъ прати

Будешъ дочку споминати! (ibid. 401—402).

²²²) Отвори, мати, лиску,

Ведемо ти невестку,

До коморы ключницю,

До поля робитницю. (ibid. 429).

Ой радуйся, мати, своему дитяти,

Своему рожденному, другому сужденному (ibid. 422).

²²³) Ой плачу я плачу лоби батькивъ двирь бачу (ibid. 424).

²²⁴) Ой выйди, мати, погляди,

Що жъ тоби бояре привезли:

Да привезли скрыню кованую

И неvěсточку коханую (ibid. 429—430).

²²⁵) Привезена тетеречка..

Не кишкайте, не полохайте,

Нехай вона къ своему дому привыкае (ibid. 430).

²²⁶) Прїяхавъ Ивась съ дружиною,

Батенькови въ ниженьки вклонився:

— Не гнивайся, мій батеньку, на мене,

Що прїяхавъ зъ дружиною до тебе!

Моя дружбаъ буде тоби годити,

По твоимъ двори садъ-виноградъ садити! (Чуб. IV. 431).

²²⁷) Що я на войну ѣздивъ,

Звовавъ да дѣвокъ танокъ;

Выбравъ я соби одну дивоньку молодую (Чуб. IV. 432).

²²⁸) Рада була, мій сыночку, що ты народився,

А тепера и раднїйша, що ты оженився.

Выбравъ соби дивку червону, якъ калиноньку;

Що ступить—не похилиться,

Що скаже—не помылиться (Чуб. IV. 432).

новобрачная начинаетъ быть довольна своею переменною: ей сталъ милъ чепецъ и надобѣлъ дѣвическій уборъ ²²⁹). Но тутъ же проглядываетъ и опасеніе, что какъ зима не будетъ такою, каково тихое лѣто—такъ и свекоръ не будетъ таковъ, какимъ былъ родней батюшка ²³⁰).

Новобрачнымъ готовятъ ложе въ коморѣ ²³¹). Между тѣмъ все садятся за столъ: молодые супруги на посадѣ въ почетномъ углу. Но тутъ поютъ, что новобрачная не хочетъ ни пить, ни ѣсть, а хочетъ уснуть ²³²). Дружко ведетъ чету въ комнату. Поются припѣвы нѣсколько двусмысленнаго содержания ²³³). Потомъ выводятъ изъ комнаты чету и раздаютъ веселыя пѣсни, въ которыхъ величается калина—символь соблюденія дѣвства невѣстою и брачнаго соединенія ²³⁴). Вѣтвь калины, воткнутая у новобрачной за намѣтку, служитъ призывомъ къ всеобщему веселью ²³⁵). Такая же калиновая вѣтвь, вмѣстѣ съ

²²⁹) Отожь тебе Господь погодивъ,
Що ты мене въ чпичикъ нарядивъ;
Бо вже мени бинда обридла,
А вже жъ мени чпичикъ—припичикъ (ibid.).

²³⁰) Не буде зима якъ тихе лѣто,
Не буде свекорка якъ ридний батенько (Чуб. IV. 433).

²³¹) Ой хто буде спати,
Будемъ ёму да постиль стлати,
Соломки въ головки,
Сѣвця пидъ колѣнця,
А мяты пидъ п'яти,
Що бъ було м'ягко спати (Чуб. IV. 435).

²³²) Не хочу я ѣстоньки да питоньки,
Бо вже мое тило спати захотило... (Чуб. IV. 436; также 437).

²³³) „Ой мамцю, мамцю, до комори ведуть!“
— Цить, доню, тоби меду дадуть!
„Ой мамцю, козакъ на мене лизе.“
— Цить, доню, винъ тебе не заріже.
„Ой мамцю, вже й пожикъ виймає?“
— Цить, доню, винъ боже думає (Чуб. IV. 437).

²³⁴) Темного луга калина, весь лугъ окрасила,
Доброго батька дитина, весь ридъ звеселила,
Ничого дивувати: така була ти й мати (Чуб. IV. 443—444).

²³⁵) Ой пойду я у лугъ по калину,
Да выломлю калинову вѣтку,
Да застромлю за бѣлу намѣтку.
Нехай моя калинонька вьляне
Нехай моя родина гуляе (Метл. 234).

бутылкою водки, посылается къ родителям новобрачной на знакъ, что она соблюла цѣломудріе ²³⁶). Это доставляетъ большую радость и честь родителямъ. На знакъ торжества мать невѣсты приглашается въ пѣснѣ обуться въ красные сапожки ²³⁷). Благодареніе вамъ, — обращается пѣсня къ обоимъ родителямъ новобрачной — благодареніе за кудрявую мяту, за крестчатый барвинокъ, за пахучій василекъ, за красную калину, за вашу честную дочь ²³⁸). По возвращеніи въ домъ жениха посольства, отправлявшагося къ родителямъ невѣсты, у новобрачнаго идетъ ужинъ, поются пѣсни, плачутъ, а новобрачные ужинаютъ особо въ коморѣ и непременно жареную курицу — символическую яству брачнаго часа ²³⁹). Достойно замѣчанія, что и въ великорусскихъ старинныхъ царскихъ и боярскихъ свадьбахъ, курица является также символическою брачною яствою ²⁴⁰).

²³⁶) Калинонька наша Маруся,
Подъ калиною лежала,
Калину ламала,
До батенька слала:
— Отъ тоби, батенько, отъ тоби да подарочокъ,
Чорвоная да калинонька,
Одъ любои да дитиноньки! (Чуб. IV. 445).

²³⁷) Да не бійся, матинко, не бійся,
Въ червони чоботки обуйся,
Топчи вороги пидь ноги
А супостатамъ пидь пятаы,
Що бъ перестали брехати (Чуб. IV. 450—451).

²³⁸) Та добры-день $\frac{\text{таточку}}{\text{матинко}}$ добры-день,
Лучча буза ниченька якъ сей день.
Спасиби тоби, сваточку
За твою кудряву м'яточку,
За хрестатый барвиночокъ,
За запашненькій василечокъ,
За червону калину,
За твою добру дичину (Чуб. IV. 452).

²³⁹) Чуб. IV. 444.

²⁴⁰) ...а самъ князь великій вшедь въ палату сядетъ на своемъ мѣстѣ, а тысяцкому и дружкамъ велитъ сѣсть по своимъ мѣстамъ. Да какъ изсажаетъ всѣхъ и поставятъ передъ великаго князя и передъ великую княгиню курия печеное, а большой дружка вставъ обертитъ курия и съ блюдомъ и съ скатертью верхнею да отнесетъ къ постелѣ, и съ великою княгинею пойдетъ тысяцкой и дружки и свахи всѣ (Др. Россіск. Вивліюв. XIII. Свадьба великаго князя Василія Ивановича стр. 12). А послѣ третьей ѣствы поставили передъ царя и великаго князя и передъ царицу и великую княгиню курия жаркое, а боль-

Собственно этимъ и оканчивается ритуальъ свадебной трилогіи. Затѣмъ слѣдуетъ такъ сказать эпилогъ. Это въ народномъ пѣсенномъ языкѣ называется «перезвою». Свадебныя торжества, состоящія въ пиршествахъ, попойкахъ, пѣсняхъ и пляскахъ, продолжаются нѣсколько дней — обыкновенно до четверга включительно, какъ объ этомъ заявляется выразительно и въ пѣсняхъ ²⁴¹⁾).

Въ понедѣльникъ старшій бояринъ водружаетъ на большомъ шестѣ красную ткань и вѣшаютъ такой же кусокъ на воротахъ. Старшій бояринъ обвязывается красною лентою, беретъ съ собою черную курицу и пирожки, обмазанные медомъ, за нимъ слѣдуютъ опоясанныя черезъ плечо красными лентами дружки, а замужнія женщины, принадлежащія къ числу свадебныхъ гостей, называемыя приданки, обвязываютъ себя красными лентами головы поверхъ своихъ обыкновенныхъ головныхъ уборовъ; даже бутылки съ водою обвертываютъ тѣмъ-нибудь краснымъ. Вообще красный цвѣтъ — признакъ свадебнаго торжества, если невѣста окажется цѣломудренною ²⁴²⁾). Идутъ къ родителямъ новобрачной и женихъ зазываетъ ихъ къ своимъ родителямъ на обѣдъ ²⁴³⁾). Тогда происходитъ раздача подарковъ

шой государевъ дружка, обертѣвъ куря съ блюдомъ и съ перепечью и съ солонкою скатертью другою, отнесъ къ сѣннику и отдалъ именно боярину Глѣбу Ивановичу Морозову. А послѣ того царь и великій князь изъ за стола вставъ пошелъ къ сѣннику и съ царицею и великою княгинею (*ibid.* стр. 203. Сватѣба первая царя Алексѣя Михайловича).

²⁴¹⁾ Суботонька — то збирный день,
Недильонька — весильный день,
Понедилонька — избавь дивку,
Въ вивторокъ — піймо горилку,
У среду — покатымъ бочку,
А въ четверь — до домочку (Чуб. IV. 454).

²⁴²⁾ Чуб. IV. 455).

²⁴³⁾ Ой зять тещу просить,
У рукахъ шапку носить:
Охъ и теща моя,
И голубка моя,
И ходижь до мене.
Есть у мене симъ бочѣкъ
И полубочѣкъ
Да солодкаго меду —
Прошу жъ тебе та й на беседу (Чуб. IV. 462).

новобрачныхъ со стороны собравшейся родни ихъ ²⁴⁴). Во вторникъ пируютъ у родителей новобрачной. Въ эти дни свадебные поѣзжане разгуливаютъ по селу и поютъ перезвянскія пѣсни. Это короткіе припѣвы, каждый стиха въ четыре, а нѣкоторые только въ два, шуточного содержания, не принадлежащіе къ обряду. Ихъ безчисленное множество; онѣ вездѣ импровизируются по вдохновенію. Иныя — двусмысленнаго содержания и даже циничны и непристойны, если новобрачная окажется потерявшею цѣломудріе до брака. Въ послѣднемъ случаѣ — по народному понятію никакъ нельзя вспоминать въ пѣсняхъ о калинѣ, которая есть символъ исключительно цѣломудренной женщины. Преступница подвергается поруганіямъ и насмѣшкамъ, даже побоямъ отъ мужа, если она ему заранѣе не сознается о своемъ паденіи. Не только она, но и даже ея родители подвергаются поруганіямъ: на шею отца надѣваютъ хомутъ, а ворота его двора и стѣны хаты сваружи и внутри обмазываютъ дегтемъ, о чемъ есть указаніе въ пѣсняхъ ²⁴⁵). Свадебные обряды съ ихъ пѣснями до сихъ поръ повсюду свято сохраняются, гдѣ только живетъ малорусское племя и надобно замѣтить, что свадебныя пѣсни уцѣлѣли въ своей старой чистотѣ больше, чѣмъ всякія другія. Народъ, повидимому, даетъ значеніе своему свадебному ритуалу болѣе, чѣмъ самому церковному вѣнчанію. Нерѣдко бываетъ, что церковное вѣнчаніе совершается раньше, чѣмъ отправляется свадьба или «весилья», по народному образу выраженія. Такъ до отправленія свадьбы уже обвѣнчанная невѣста живетъ въ родительскомъ домѣ, ходитъ въ дѣ-

²⁴⁴) Ой роде, роде богатый,
Даруй товаръ рогатый,
А вы, браты,
Даруйте все быки,
А вы, сестрици,
Даруйте все ягници.

. . . . .
Дала мени мати бодню
Да на п'ядь не повну,
Да на ти серпаночки

* Що здарують приданочки (Чуб. IV. 461).

²⁴⁵) Ой знати знати, где взяли халяву
Обмазали дегтемъ хату и стины и лаву (Чуб. IV. 459).

вическомъ нарядѣ вмѣстѣ съ дѣвцами, а не считается замужнею женщиною; въ такомъ положеніи проходить времени иногда цѣлый мѣсяцъ, а иногда и болѣе.

ГЛАВА IV.

Супружество. — Согласное житіе. — Вѣдность. — Женскіе пороки. — Лѣнь. — Пьянство. — Капризы. — Мужъ отлучаетъ жену строгостями. — Слабый мужъ. — Разумная жена. — Невѣрность жены. — Недовольство замужествомъ. — Чужая сторона. — Мужъ пьяница. — Мужъ ревнивецъ. — Невѣрность мужа. — Жестокость. — Отношенія жены къ своей роднѣ. — Отношенія жены къ роднѣ мужа. — Злоба свекрови. — Убійство жены мужемъ. — Смерть жены. — Смерть мужа. — Вдовство.

Согласное и счастливое супружество въ пѣсняхъ изображается явленіемъ не частымъ, по крайней мѣрѣ число такихъ пѣсенъ гораздо менѣе, чѣмъ пѣсенъ съ противнымъ содержаніемъ. Славу Богу! говоритъ въ пѣснѣ счастливая жена — у меня мужъ добръ, не ругаетъ меня, ласкаетъ какъ голубку¹⁾. Собравшись ѣхать на работу въ поле, подложить мнѣ подъ голову подушку или отпустить гулять къ моимъ роднымъ. Гуляй, милая, говоритъ онъ: — гуляй пока моя голова жива, а вотъ какъ моя голова поляжетъ, тогда всякое зло тебѣ себя покажетъ; когда мои руки сложаются, тогда вся роскошь жизни минетъ для тебя²⁾. Когда такая чета вмѣстѣ выйдетъ въ поле и

¹⁾ Спасибѣ Богу, що мій чоловікъ добрий,
Пошли ёму, Боже, и счастье и вѣкъ довгий:
Що винъ мене не бѣе, не лае,
Винъ мене за голубоньку мае (Чуб. V. 517).

²⁾ Самъ бере нидъ поясъ пужку,
А мени кладе въ головку подушку;
Самъ иде въ поле орати,
А мени велить съ своимъ родомъ гуляти.
Та гуляй, мила, поки моя голова жива,
А якъ моя голова поляже,
То тоди тобі й ледащо докаже;
Якъ мои ручки згорнутья,
То тоди твои роскоши минутья (idid.).

работаетъ—люди, глядя на нее, завидуютъ ей, а любящіе другъ друга супруги желаютъ всѣмъ такого же счастья³⁾.

Любящей женѣ мужъ дороже всѣхъ родныхъ и онъ болѣе, чѣмъ всѣ они, внимателенъ къ ней. Другіе близкіе и родные ѣдутъ мимо нея и къ ней не завернутъ, а мужъ непремѣнно къ ней завернетъ и она сознаетъ, что ея судьба прекрасна⁴⁾. Одна бесѣда съ нею такъ дорога ему, что ради ней онъ подвергаетъ себя опасности. Воображаетъ она: плыветъ лодка; въ ней сидятъ ея родные, мать, отецъ, братья, сестры, и никто для ней не остановится, страшась, чтобы въ лодку не набѣжала вода. Но ея милый не боится остановиться, лишь бы съ нею поговорить, хотя бы челнъ водою наполнялся и погружался въ пучину⁵⁾.

Воображаетъ она себѣ, что мужа ея берутъ въ рекрутство, которое представляется неволею. Ни отецъ, ни мать, ни братья, ни сестры не хотятъ сбывать воловъ, коровъ, лошадей и золотыхъ перстней, чтобы его выкупить, а жена будетъ готова всего лишиться, лишь бы видѣть милаго передъ собой⁶⁾. Ей такъ любо пребывать съ нимъ, что всякая разлука томить ее. Вотъ онъ поѣхалъ въ отдаленное поле орать, а подруга въ одиночествѣ провела четыре ночи, онѣ показались ей десятью ночами. Ей бы даже хотѣлось, чтобы у него волы пристали или изломался плугъ, лишь бы онъ скорѣе возвращался домой съ работы⁷⁾.

³⁾ Ой хто жъ то оре? То жъ Пилипченко,
А ягода смородина—то жъ Парасочка.
Да на ихъ люде позавидовали,
Що хороше, да пригоже, да любовно живутъ.
Ой вы, люде, не завидуйте;
Сами соби любитесь да любовно живить (idid. 516).

⁴⁾ Ничъ моя свитла и зиронька ясна,
Доленька жъ моя прекрасна! (ibid. 507).

⁵⁾ — Хочъ весь човникъ воды набижить,
А все жъ зъ тобою буду говорити:
Уже човникъ веда набира,
А мій милый зо мною розмовля.

А вже човникъ у море пурина,
А мій милый зо мною розмовля (ibid. 505).

⁶⁾ Ой лучче жъ мені всю худобу изъ рукъ избути,
Абы жъ мені мого миленького у вичи видати (Чуб. V. 500).

⁷⁾ Ой поѣхавъ мій миленькій у поле орати:
Оре три дни у ярини, а день у толоци,

Въ прежнія времена, въ козаціи, разлука мужа съ женой была чаще и продолжительнѣе. Оставшись въ одиночествѣ, жена обращается къ вѣтру и проситъ сообщить милому, какъ она тужитъ за нимъ ⁸⁾. Въ одной пѣснѣ былыхъ временъ живописуется картина семейнаго быта по поводу возвращенія козака. Онъ везетъ женѣ дорогой гостинецъ — шелковый платокъ, спрашиваетъ ее, какъ она проводитъ ночи безъ него; она сидитъ съ двумя дѣтьми, указываетъ мужу воду умыться, утереться полотенцемъ, указываетъ на приготовленный ужинъ изъ рыбы осетрины и приглашаетъ ложиться. Козакъ говоритъ ей, что онъ бился съ туркомъ и татаринѣмъ, утомилъ коня своего, и прежде пойдетъ привяжетъ его къ бѣлой березѣ ⁹⁾.

Есть трогательная пѣсня о смерти любимой жены, постигшей ее отъ несчастливаго разрѣшенія отъ бремени во время отсутствія мужа, котораго въ однихъ вариантахъ называютъ королевичемъ, а въ другихъ просто козакомъ. Пѣсня эта, преимущественно въ вариантахъ съ наименованіемъ королевича, распро-

Выплакала кари очи за чотыри ночи:

Та вже жъ мени си чотыри та за десять стали—

Бодай мого миленького волки пристали!

Бодай волы живи були, а плугъ поламався,

Що бъ мій милый изъ волами до дому вертався! (Чуб. V. 533).

⁸⁾ Повій, повій витроньку,

Съ Побережа въ Литвоньку:

Занеси висть милому,

Що я тужу по нему.

Коли бъ я крыла мала

То бъ я за нимъ летала (Чуб. V, 322).

⁹⁾ Привизъ мени гостинчикъ дорогій:

Въ ливой руди платочикъ шовковый...

„Ой здорова, моя мила, чи чуешь?

„Съ кимъ же ты сю нічку ночуешь?“

— Зъ маленькими диточками ночую...

— Стоить вода въ видеречку—умыйся,

— Висить рушникъ на килочку—утрися.

— Лежить рыба осетрина—кормися.

— Стоить кровать пуховая—ложися.

„Ой я съ туркомъ, съ татаринѣмъ воювавъ,

„Тамъ я свого кониченька стурбовавъ.

„Ой не ляжу, моя мила не ляжу,

„Ой пійду до кониченька да до білои березы прив'язу (Чуб. V.

странена повсюду и даже зашла въ Великороссію, гдѣ совершенно обнародилась въ великорусскую пѣсню. Молодецъ отправился, по однимъ вариантамъ на войну, по другимъ — на охоту. Тамъ приснился ему сонъ: изъ подъ одной руки у него вылетаетъ соколъ, изъ подъ другой — кукушка ¹⁰⁾. Баба ворожея, къ которой онъ обратился, объяснила ему, что это значить — у него въ домѣ родилось дитя, а жена его сама умерла ¹¹⁾.

Молодецъ спѣшитъ домой и находить, что случилось такъ именно, какъ сказала разгадчица. Вошедши въ домъ, онъ увидѣлъ мамокъ и нянекъ съ новорожденнымъ младенцемъ ¹²⁾ и трупъ жены своей ¹³⁾. Ударивши себя въ грудь, онъ разразился горькимъ причитаніемъ, обращаясь къ ногамъ, рукамъ, глазамъ и устами своей подруги, которая окончила свою жизненную работу ¹⁴⁾ *).

Не богатые средства къ жизни не мѣшаютъ согласнымъ супругамъ считать себя счастливыми ¹⁵⁾, даже при крайней бѣдности и горѣ ¹⁶⁾, и онъ и она находятъ какъ бы утѣшеніе въ томъ, что вмѣстѣ горюють ¹⁷⁾. Вѣрная и любящая жена навсегда сохраняетъ горячее чувство къ своему супругу. Есть пѣсня, гдѣ изображается, какъ козакъ возвращается послѣ де-

¹⁰⁾ Съ пидь правон та рученьки вылинуувъ сокилзъ,
Съ пидь дивон, съ пидь билон, сива зозуля (ibid. 766).

¹¹⁾ Бижи, бижи, королевичу, до свого двора...
Учора изъ вечора сына вродила,

А сёгодня къ свигу й сама померла! (ibid. 778, 767).

¹²⁾ Ажъ тамъ мамки, ажъ тамъ няньки, та дитя колишуть.
„Ой ну люли, мале дитя, що вчора вранци родилося,

А сёгодня въ вечери осиротилося (ibid. 767).

¹³⁾ Увиходить королевичъ у нову светлицю,
Лежить ёго молода жона на всю скамницю (ibid. 770).

¹⁴⁾ Ударився королевичъ у билии груди:
„Нижки мои ризвисеньки, чомъ не ходите?
„Ручки жъ мои билесеньки, чомъ не робите?
„Очи жъ мои каресеньки, чомъ не дивитесь?
„Уста мои сахарныи, чомъ не мовите? (ibid. 767).

*) Пѣсни подобнаго содержанія польск. см. Kolb. 5. 1. 172—189. Ср. великорус. Кир. VII. 21—25.

¹⁵⁾ Ой взявъ жинку убогую,
Счастливъ зъ нею, слава Богу... (Чуб. V. 519).

¹⁶⁾ Чи я яку тугу маю — вона дилить все зо мною! (ibid.).

¹⁷⁾ „Жинко моя, жинко, ты моя милая,
„Зъ воли Бога найвышого така съ несчастная! (Голов. I. 277).

вятилѣтнаго отсутствія и жена, считаема всѣми вдовою, не узнала его сразу, хотя неизмѣнно любить его и предана ему. Козакъ прїѣзжаетъ къ ней, какъ чужой, требуетъ сперва пустить его на постой, потомъ овса своему коню, потомъ себѣ ѣсть и пить. Мнимая вдова отвѣчаетъ, что она не сѣетъ, не коситъ, не топить, не варитъ¹⁸⁾, живетъ въ горѣ безъ мужа уже десятую зиму¹⁹⁾. Наконецъ козакъ приказываетъ стлать постель и ложиться спать съ гостемъ²⁰⁾. Тогда вдова хотѣла бѣжать²¹⁾, вылѣзши чрезъ окно²²⁾. Но тутъ козакъ открываетъ кто онъ²³⁾. Подобная пѣсня есть у великоруссовъ, гдѣ представляется солдать, воротившійся со службы, но обѣ пѣсни самостоятельны и не показываютъ слѣдовъ заимствованія.

Лѣнь и пьянство представляются обычными пороками какъ мужчины, такъ и женщины, подвергаясь въ пѣснѣ насмѣшкѣ, какъ одна изъ видимыхъ причинъ обѣдненія. Жена чистосердечно сознается, что оба они лѣнны²⁴⁾. Вотъ—говоритъ она—еслибъ ты былъ хозяинъ—были бы у тебя волю, я бы сидѣла дома и глядѣла за ними, была бы корова—я бы за нею глядѣла, были бы овечки—я бы шерсть чесала²⁵⁾, а то люди

18) Я не сію, не орю—де жъ я тоби наберу?

Я не топлю, не варю—де жъ я наберу? (Чуб. V. 817).

19) Уже тому девять лѣтъ

Чоловика дома нить,

А десятая зима,

Якъ горюю я сама (ibid. 815).

20) Стели гостю постилоньку

Давай зъ гостемъ спати (ibid. 815—816).

21) Да лучше изъ хаты выступати (ibid. 816).

22) Въ оконечки утикати (ibid. 815).!

23) Молодая удивонько, се жъ ты не вгадала

Кого, сердце, лить за десять въ походъ выправляла:

Що на ливой на рученци дитину держала,

А правою рученькою ояцы втирала.

Ой не естъ ты удова, естъ ты вирная жона (Чуб. V. 815—816).

24) Серденько мое, ледащо мы обое!

Нехай я, а то й ты, не хочемо робити (Чуб. V. 684).

25) Ой коли бъ ты хазяинъ, та волики соби мавъ,

Тобъ я дома соби сидила, та волики глядила.

Ой коли бъ ты хазяинъ, та коровку соби мавъ,

Тобъ я дома сидила, та коровку гладила.

Ой коли бъ ты хазяинъ, та овечки соби мавъ,

Тобъ я дома сидила, вовночку чухрала (Чуб. V. ibid.).

ѣдутъ нахать, а мы съ тобою въ корчму, люди за дровами, а у насъ болятъ головы, люди — за сѣномъ, а на насъ бѣда насѣла! Дрянъ мы съ тобой, не хотимъ работать ²⁶).

Иногда жена одна подвергается этому пороку. Въ одной пѣснѣ жена говоритъ, что мать, выдавая ее замужъ, дала ей въ приданое постель и на ея горе пеструю корову: надобно рано вставать, чтобы доить корову, а ей хочется спать до полудня, и она такъ исполняетъ свои хозяйственные занятія, что доить корову въ среду, а цѣдить молоко въ пятницу и сосѣдки, видя это, восклицаютъ: вотъ такъ хозяйка ²⁷). Надоѣла ей возня съ коровой, она гонитъ ее въ долину съ тѣмъ, чтобы ее съѣли волки; это случилось, и она очень довольна ²⁸). Такая хозяйка любитъ посѣщать шинокъ и если пойдетъ изъ дома покупать соль, то забредетъ въ шинокъ, а между тѣмъ у ней дома въ окна прыгаютъ свиньи, а ея малыя дѣти, оставшись безъ матери, просятъ ѣсть и отецъ самъ принужденъ варить имъ ѣству ²⁹).

Лѣнь и разгулъ бываетъ качествомъ жены тамъ, гдѣ бѣд-

- ²⁶) Люде ѣдутъ орати, а мы въ корчму гуляти,
Люде ѣдутъ по дрова, а у насъ болятъ голова,
Люде ѣдутъ по сѣно, а на насъ лихо насѣло (ibid.).

- ²⁷) Якъ отдала мене мати замижъ,
Дала мени билу постиль заразъ,
Дала мени ще й рябу корову
Та на мою бидну голову.
До коровы треба рано встати,
А я люблю до полудня спати:
У середу корову доила,
А въ пятницу молоко цѣдила...
Дивуються сусидочки зъ боку,
Кажуть: буду хозяйка ни-вроку! (Чуб. V. 634).

- ²⁸) Да пожену корову въ долину,
Гей, гей, корово, до вовка!
Добре, добре, що постигъ вовчикъ:
Изъ коровы голова та хвостикъ.
Теперь мени пити та гуляти,
Нищо дойти, нищо заганяти! (ibid. 635).

- ²⁹) А я пійду на базаръ соли купувати.
Соли не купила, та въ шинкѣ заблудила.
Свини въ виєна скачуть, малы дити плачуть:
„Ой тату жъ нашъ, тату, затопа намъ хату,
Та звари намъ ѣсти (Чуб. V. 663—664).

някъ женится на богатой, прельстившись ея состояніемъ ³⁰⁾. Тутъ начинаются наряды, шатанія по корчмамъ и шутки съ молодыми парнями ³¹⁾. Мужъ хочетъ ласкою отвлечь ее отъ этого, и не смѣя заявлять слишкомъ рѣзко ревность, проситъ не давать цѣловать своего лица другимъ ³²⁾. Она или прямо безъ обиняковъ напомнить, что онъ бѣденъ, а ей принадлежитъ хата, въ которой они живутъ ³³⁾, или, подсмѣиваясь надъ нимъ, велитъ сдѣлать комору и держать ее въ ней подъ замкомъ, подъ сторожею, а она все таки уйдетъ ³⁴⁾. Она ругается надъ бѣднымъ мужемъ, заставить его кудахтать по куриному, тавцовать до пота, смѣяться, когда ему не до смѣха, все на потѣху своимъ гостямъ: попу, дьяку и разнымъ благородіямъ, приказываетъ покупать себѣ наряды, а на обѣдъ гостямъ рыбу, мясо и вино ³⁵⁾. Онъ не смѣетъ грубо обойтись съ нею, хотя она по двое сутокъ не бываетъ дома и приходитъ на третьи

³⁰⁾ Даютъ плуги, волю сирѣ,

Сто червонныхъ даютъ въ руки.

Лишь бери бѣду на вѣки (Чуб. V. 216).

³¹⁾ И чоботы, и спидвыци,

И корали и заушныци,

Що неділи—все музыки.

Зъ корчмы до корчмы їи водать,

За нею хлопци гурмою ходять (Чуб. V. 215, также 519).

³²⁾ Да иди, жиночко, да иди до дому,

Не давай личенька цѣловать никому:

Твое личенько—биле-рамъяне,

Хто на ёго гляне—серденько вѣяне (Чуб. V. 529—530).

³³⁾ Ой ты вбогій—я багата,

Моя хата, моя й правда (Чуб. V. 519).

³⁴⁾ Зрубай тополю, зроби комору,

Да куни замочокъ, замыкай мене,

Сторожа заснула, а я молода, гулять махнула (Чуб. V. 530).

³⁵⁾ Вона ёго за чубъ скубе, а винъ бѣдный плаче.

Якъ заставить, по курячи Сидиръ кудкулаче,

Якъ заставить, то й танцюе, ажъ пить зъ лоба льється.

Ему уже не до смѣху, заставить—смѣється!

Поки Спдоръ не женился—були въ ёго гроши,

А якъ же винъ оженился—капшукъ загубився.

Бо у жинки що неділя, що праздникъ, то гости,

Прійде пить, прійде дьякъ, прійдуть ёго мости.

Куни плахту, черевики, чоботы сапьянцы,

Треба рыбы, треба мѣса и горизки въ шклянцѣ (Чуб. V. 676).

пьяною ³⁶). Онъ самъ даетъ ей похмѣлиться, просить прибраться, причесаться и наградить его пріятнымъ взглядомъ ³⁷). Только тайкомъ отъ жены подѣлится онъ своею скорбью съ родною матушкою ³⁸).

По народному воззрѣнію нѣтъ ничего достойнѣе посмѣянія и презрѣнія, какъ мужъ, позволяющій женѣ помыкать собою и даже бить себя. Въ одной пѣснѣ жена заставляетъ мужа въ угоду себѣ называть гречихою ячмень ³⁹), въ другой — жена посылаетъ мужа отыскивать свой чепецъ, который она потеряла, таскаясь по шинкамъ ⁴⁰); въ третьей — жена бьетъ мужа и обливаетъ помоями ⁴¹): бѣднякъ проситъ покормить его ⁴²), а жена указываетъ ему на борщъ, поставленный подъ лавкою наравнѣ съ помоями ⁴³).

Подобныя жены — приманка для волокитъ. Въ малорусской народной поэзіи можно отмѣтить группу пѣсень, гдѣ является разгульная женщина, которая заводитъ себѣ любовника и проводитъ мужа, нерѣдко изображаемаго старикомъ, такъ какъ, по

³⁶) Ой мій мильй, чорнобривый, я не забарюся,
Черезъ два дни, ажъ на третій день до дому вернуся (Чуб. V. 677)

³⁷) Приходь рано на зори ище и похмилйся,
Да прійди до дому, головку причешешъ, да вже и не валяйся,
Чепурная, хорошая, на мене дивися (Чуб. V. 678).

³⁸) Где-сь ты, сынку, да плачешъ, рыдаешъ,
Где-сь ты у себе доленьки не маєшъ!
Твоя доля у корчми гуляє!

Пійди, сыну, за жени до дому! (Чуб. V. 676).

³⁹) Ой посійвъ мужикъ ячминь,—жинка каже: гречку.

„Не кажи жъ мени ни словечка, нехай буде гречка! (ibid. 682).

⁴⁰) „Ой пила я, пила, чипчикъ загубила
Прійшла-мъ до дому, еще мужа била:
Ой иди, мужу, хата видъ хаты чипчика шукати.
Пійшовъ мій мужъ пидхлипуючи,
Свойй жинци чипци виднытуючи“ (Чуб. V. 681—682).

⁴¹) И смихъ и публика!
Била жинка чоловика,
Била, била, волочила,
Та въ помыхъ намочила (ibid. 666).

⁴²) Ой жинко моя, голубко моя!
Дай мени вечеряти, коли ласка твоя (ibid.).

⁴³) Отъ тамъ борщъ пидъ лавою,
Съ хорошою приправою,
Помыйницею накрыто—
Такъ наѣжся до-сыта (ibid.).

народному воззрѣнію, старикъ, женившись, скорѣе всего можетъ быть нелюбимъ женою ⁴⁴). Молодецъ заранѣе говорить, что ему не зачѣмъ жениться, когда чернявая, красивая замужняя женщина зазываетъ его къ себѣ ⁴⁵). Эта женщина, еще будучи дѣвушкою, просила мать отдать ее за стараго мужа ⁴⁶) и, ставши женою такого мужа, кличетъ къ себѣ молодца. Онъ сначала боится, чтобы мужъ не поймалъ его и не избилъ ⁴⁷), но потомъ поддается искушенію и приходитъ. Жена заранѣе отправила стараго мужа ломать калину ⁴⁸): это символическое выраженіе; калина—символь брачнаго соединенія, и посылая стараго мужа ломать калину, она какъ будто съ провѣей хочетъ сказать ему, обезсилѣвшему отъ лѣтъ: найди способность быть супругомъ! Молодецъ садится за столъ, начинаетъ ѣсть курицу—(которая между кушаньями по народному міровоззрѣнію имѣетъ символическое значеніе свадебной и любовной яствы)—и обнимаетъ красивую женщину ⁴⁹). Ея дочь высылается матерью смотрѣть, чтобы дать знать, когда отецъ будетъ возвращаться съ калиною; дочка хлопаетъ въ ладоши, сообщая, что отца еще нѣтъ и мать можетъ себѣ гулять ⁵⁰). Наконецъ, за-

⁴⁴) Задумавъ старый жениться, да никого брати,

Що стара не пійде, молода не схоче,
Ой хочъ вона пійде дакъ не ляже спати,
Ой хочъ вона ляже, мене не обниме,
Хочъ вона обниме да не поцилуе,

Ой хочъ поцилуе, дакъ до долу сплюне (Чуб. V. 842).

⁴⁵) На що мені женитися, бувши молодому,

Зазывае чорнявая до свого дому (Чуб. V. 650).

⁴⁶) Отдай мене, моя мати, замужъ за старого,

Буду його шанувати лучше молодого.

Дала мене моя мати за мижъ за старого;

Сюды-туды повернуся—треба молодого (Чуб. V. 649).

⁴⁷) „Прійди, прійди, серце мое, въ неділю до мене!“

— Ой не пійду я до тебе, маєшь чоловіка;

— Якъ попаде, буде бити, вмажить мені вика (Чуб. V. 651).

⁴⁸) „Пійди старий, пійди старий, калины ламати!“

Ой выскочивъ сиромеха съ конопель до хаты (ibid.).

⁴⁹) Сивъ винъ собі кинець стола, курця обберае,

А все ей за рученьку къ собі пригортае (Голов. I. 218).

⁵⁰) „Вийди, доню, на улицю, та й стань виглядати;

„А якъ буде татѣ ити—давай борзо знати!“

Выйшла доня на улицю, тай въ долони плеще:

— Гуляй, гуляй, моя мати, не йде тато еще! (ibid.)

видѣвши въ окно подходящаго къ хатѣ мужа ⁵¹⁾, женщина прячетъ молодца подъ кровать ⁵²⁾, притворяется больною и посылаетъ только-что воротившагося съ калиною мужа принести ей медоваго сота ⁵³⁾. Когда старикъ ушелъ за медомъ, она спроварила отъ себя молодца ⁵⁴⁾. Старый мужъ возвращается съ медовымъ сотомъ и догадывается, что происходило, но открыть и обличить не можетъ ⁵⁵⁾.

Не всякаго мужа можно такъ обманывать. Другая пѣсня рассказываетъ, что жена старенькаго мужа прикинулась больной ⁵⁶⁾. Мужъ сперва тревожится, ухаживаетъ, предлагаетъ ей то пива, то меду, то горѣлки ⁵⁷⁾, все напрасно; жена твердитъ, что умереть и онъ долженъ будетъ искать себѣ другую жену ⁵⁸⁾. Вѣрно — говорить она — ты меня не любишь, когда не достанешь мнѣ лекарства ⁵⁹⁾. Мужъ отправляется искать лекарства ⁶⁰⁾, срубилъ дубину ⁶¹⁾, нашелъ дубоваго сала, намастилъ имъ спину

⁵¹⁾ Ой глянула въ квартирочку—калиночку видко;

— Увивався, превражій сынъ, коло мене швидко (Чуб. V. 650).

⁵²⁾ Уже старый бородатый двери видчинае,

Вона свого миленького підъ кровать ховає (Чуб. V. 650. Голов. I. 219, III. 227).

⁵³⁾ Прийшовъ старый бородатый зъ калиновъ до хаты,

Якъ стояла такъ упала, зачала стогнати (Голов. I. 219).

— Чого жъ ты, моя мила, такъ заболела?

„Не знаю жъ я, старый диду, трохи не зомлила! (Чуб. V. 650).

„Пійди, старый, старесенькій, та наколуй меду,

То може я, старый дидоньку, головоньку звезду (ibid. Голов. I. 219. III. 227).

⁵⁴⁾ Пійшовъ старый бородатый меду колупати,

Вона свого миленького за руку та зъ хаты (Чуб. V. 650. Голов. I. 219).

⁵⁵⁾ Иде старый бородатый у тарилки креше:

Ой бувъ же тутъ, вражій сынъ, тильки мисце тепле (Чуб. V. 650).

⁵⁶⁾ Розсердилась мила тана свого мужа,

Полизла на пичъ, зробилась недужа.

Ходить мильй, ходить, били руки ломить,

Умре моя мила, уже и не говорить! (Чуб. V. 643).

⁵⁷⁾ Ой устанъ же, мила, куплю тобі пива...

Ой устанъ же, мила, куплю тобі меду...

Ой устанъ же, мила, я куплю горилки... (ibid.)

⁵⁸⁾ Ой не встану, милый, шукай собі жинки (ibid.).

⁵⁹⁾ Видай ты мене, милый, не любишь,

Що для мене ликарства не купишь (Чуб. V. 576).

⁶⁰⁾ Пійшовъ старый видъ хаты до хаты

Молодій жинци ликарста шукати (ibid.).

⁶¹⁾ Зрубаешъ дубинку милій на спинку (ibid. 643).

своей милой ⁶²⁾ и она стала здорова, съѣла около своего мужа, поѣла, попила, какъ здоровая, и обняла мужа ⁶³⁾.

И нарушитель супружескихъ правъ не всегда такъ легко, какъ прежній, избѣгаетъ расправы. Есть распространенная въ разныхъ вариантахъ пѣсня о Шмаровозѣ и дякѣ. Шмаровозъ (возомазъ, т.-е. чумакъ) лѣтомъ и зимою ходитъ въ дорогу, а жена въ одиночествѣ скучаетъ дома ⁶⁴⁾. Явился развлекать ее отъ скуки дякъ (дячокъ),—онъ гулящій человѣкъ; онъ самъ набивается къ ней уживать ⁶⁵⁾. Но тутъ неожиданно возвращается домой хозяинъ, ѣздившій въ дорогу. Дякъ прячется подъ печь. Шмаровозъ, допросивши жену и узнавши все, приказываетъ зажечь свѣчу ⁶⁶⁾, отыскиваетъ дяка, который сидѣлъ за печью согнувшись и увѣрялъ, что онъ невиненъ: его пригласила хозяйка ⁶⁷⁾. Шмаровозъ отвалялъ дячка и прогналъ его читать азбуку въ школу ⁶⁸⁾. Прибѣжавши въ свою школу, дячокъ говоритъ своей братіи дячкамъ: лучше дома ѣсть сухари съ водою, нежели пироги у чужой жены! Вы, дячки,

⁶²⁾ Ой надыбавъ дубоваго сала,
Якъ змаститъ милу, ажъ шкура видстала! (Чуб. V. 576).

⁶³⁾ Милая устала, край милого сила,
Шматокъ хлѣба изъѣла,
Воды напилася, зъ милымъ обнялася! (Чуб. V. 643. ср. ibid. 406)

⁶⁴⁾ Святый Боже, святый крипкій, святый и безсмертныи!
Полюбила шмаровоза, треба зъ жалю вмерти.
Ой якъ лито такъ и зима усе по дорогахъ,
А я бидна несчастлива, погибамъ въ дома (Чуб. V. 674).

⁶⁵⁾ Обиззався панъ дяченько, чоловикъ гулящій,
Прійми мене на вечерю, я въ тебе найкрасчій (ibid.)

⁶⁶⁾ „Прощу, милый, сей разъ выбачати,
„Я пріймала дячка панка та до своіхъ хаты?
— Ой выбачу, моя мила, выбачу,
Ой засвѣти ясну свѣчку, най ёго зобачу (ibid. 673).

⁶⁷⁾ Найшовъ дячка-неборачка—въ куточку зигнувся,
„А хто тебе тутъ запросивъ?“—Просила Ганнуса (Чуб. V. 673)—
или:

Ой засвити, Марусенько, восковую свичку,
Нехай же я подивлюся хто сидить въ запичку,
Ажъ тамъ дячокъ-неборачокъ у кузубъ зогнувся:
„Присяй Богу, я невиненъ, просила Маруся“ (Чуб. V. 674).

⁶⁸⁾ Тай зачали пана-дяка въ штыри кін прати:
— А до школы, пане дяче, азбуки читати! (Чуб. V. 675).

будете себѣ пѣть, а я цѣлый мѣсяць буду лежать ⁶⁹). Подобную роль волокиты дьячокъ играетъ во многихъ народныхъ разсказахъ *).

Есть не мало пѣсенъ съ такимъ же содержаніемъ, гдѣ молодецъ, заводя связь съ чужою женой, подвергается суровой карѣ ⁷⁰). Иногда невѣрная жена кидаетъ мужа, семью и убѣгаетъ съ любовникомъ. Такова исторія Семена и жены его Катерины, о которыхъ поется повсюду въ малорусскомъ народѣ. Семенъ выѣхалъ въ поле пахать и не могъ дожидаться жены своей Катерины, которая должна была принести ему обѣдъ ⁷¹). По однимъ вариантамъ она гуляла съ москалями и ушла съ ними куда-то ⁷²), по другимъ она сама соблазнила сына богатаго человѣка бѣжать съ нею и найти новоселье въ Украинѣ ⁷³). Пришедши домой, Семенъ узналъ отъ дѣтей, что мать ихъ попрощалась съ ними и отеклась отъ нихъ ⁷⁴). Ее не было; имущество было расхищено ⁷⁵). Семенъ разразился плачемъ объ

---

⁶⁹) Лучче було дома їсти сухари зъ водою,
Нижъ въ чужой молодости пироги на столі.
Вы, дядьки-неборачки, будете спивати,
А я буду цѣлый мѣсяць лежати (Чуб. V. 673).

*) То же повторяется съ видоизмѣненіями въ малорусскихъ сценическихъ произведеніяхъ, напр. въ Москалѣ Чаривникѣ, въ Кумѣ Мирошникѣ, въ Риздвяной ночи—оперѣ Лисенка.

⁷⁰) Чогось мужикъ догадався, въ синяхъ притаився,
А я хлопецъ гарный бувъ до жинки згодився.
Мужикъ думавъ, що яшний снийъ, почавъ молотити,
Побивъ руки, побивъ ребра, не можна ходити (Чуб. V. 655).

⁷¹) Оре Семенъ, оре, на шляхъ поглядає,
Чужи жинки обидь носять, а ёго не має (Чуб. V. 658).

⁷²) Её жинка Катеринка гуля зъ москалями. (ibid. Макс. изд. 1827.135).

⁷³) Подмовила Катерина багачького сына:
„Покинь отца, матку, я покину дѣтки,
Пійдемъ въ Украинну помишкани глядити (Чуб. V. 656).

⁷⁴) „Ой пійшла жъ наша мати у лугъ по калину,
Ой щось вона говорила, що я васъ покину.
Ой пійшла жъ наша мати у лисъ по теляты,
Ой щось вона говорила, що не ваша я мати.
Ой пійшла жъ наша мати у лисъ по коровы,
Ой щось вона говорила—бувайте здоровы (Чуб. V. 656).

⁷⁵) Узавъ Семенъ ключи, одчиняє скрини,
Нема сукень, нема плаття, нема Катерины (Чуб. V. 659).

осиротѣлыхъ дѣтяхъ и призывалъ кару высшаго правосудія за свои слезы ⁷⁶). Тѣмъ пѣсня и оканчивается.

Въ Галичинѣ поется нѣсколько пѣсенъ изображающихъ убійство женою мужа. Первая изъ такихъ пѣсенъ — о поповичевой женѣ Теклѣ. Событіе происходило въ Монастырищахъ. Текля — жена Андруса, выпускаетъ къ себѣ чрезъ окно любовника по имени Яненька, вручаетъ ему топоръ, а онъ зарубаетъ лежащаго въ постелѣ поповича ⁷⁷). Преступница убѣждала съ своимъ любовникомъ, но была схвачена и приведена на судъ передъ пана Замойскаго. Ея родители приносятъ Замойскому деньги, умоляя пощадить дочь отъ смертной казни ⁷⁸). Это ей не помогло. Текля присуждена къ смерти ⁷⁹), а когда ее вывели казнить, мать ея съ отчаянія хотѣла утопиться, но козаки удержали ее ⁸⁰). Сама Текля безстрашно встрѣтила смерть, произнося увѣренія въ любви къ своему любовнику и въ ненависти къ мужу ⁸¹).

Другая пѣсня — о Парасунѣ, которая въ Голиградахъ умертвила своего мужа Иванка, черезъ три дни послѣ свадьбы съ

⁷⁶) Ударився Семень объ полы руками:

— Дитки мои маленькіи, пропавъ же я зъ вами!

Ударьте морозы на сухіе лозы!

Побій, Боже, Катерину за Семеновы слѣзы.

(Чуб. V. 659. Максим. изд. 1827. 136 Стр. Голов. I. 79—80).

⁷⁷) Ой загубила свого мужа та поповича жинка,

Ой не сама жъ вона ёго загубила,

Тилько къ соби Яненька да вибномъ впустила...

То заразы бо ему сокиру вручила;

Та почавъ же Яненько та сокирою рубати (Голов. I. 51—52).

⁷⁸) А Теклинъ батенько кошикомъ гроши носитъ,

Пана Замійського низькимъ уклономъ просить:

Ой рачъ же, паноньку, тін талары взяти,

А мою дочку Теклу видъ смерти рятувати (ibid. 53).

⁷⁹) Не помогли ей а ни батеньковыи гроши...

Отъ уже жъ бо осуждено, щобы Теклу не пушено,

Та щобы ей головку пидъ мечъ положено (ibid.)

⁸⁰) Ой въ пятницю вывели вже Теклу губити,

А Теклина мати пійшла ся въ води втопити.

Ой стояло жъ тамъ два козаченьки въ броду,

Тако и не пустили Теклиной матки въ воду (ibid.)

⁸¹) А Текла на смерть та спильна поглядає,

До свого Яненька стыха промовляє:

„Чи видишъ, Яненьку, тамъ Андрусеву яму?

Я Андруса не любила, зъ Андрусемъ не лагну! (ibid. 53).

нимъ, ваходясь въ соумышленіи съ Семеномъ Галюкомъ ⁸²⁾. Она бросила трупъ мужа въ воду ⁸³⁾, но черезъ шесть недѣль ⁸⁴⁾ трупъ выплылъ; преступленіе открылось ⁸⁵⁾. Парасуня, позванная къ суду, сначала не сознавалась ⁸⁶⁾, но когда ее повели въ Станиславъ и передали суду Нѣмцевъ — она открыла всю правду ⁸⁷⁾ и была повѣшена за городомъ ⁸⁸⁾.

Третья пѣсня—о шинкарѣ Явдосѣ въ Тужилувѣ. Она зарубила своего мужа шинкаря топоромъ. Во время совершенія преступленія, проснулось дитя; преступница, испугавшись, побѣжала къ своей матери и въ тревогѣ объявила, будто гайдамаки напали на ея мужа. Мать догадалась въ чемъ дѣло и сказала, что вѣрно она сама его убила ⁸⁹⁾. Тогда она бросилась на колокольню и стала звонить. Сопласъ на звонъ тужилувская громада ⁹⁰⁾; преступницѣ какъ видно не повѣрили и отправили

⁸²⁾ Въ Голиградахъ на пущиньня стала ся публика:
Зарубала Парасуня свого чоловика.
Ой у четверъ тай шлюбъ брала, въ неділю гуляла,
А зъ вечера изъ цизенька Иванка зрубала,
Бо съ Семеномъ Галюкомъ одну раду мала (Голов. I. 58).

⁸³⁾ Порубала-сь Иваночка та пустилась въ воду. (ibid.)

⁸⁴⁾ Нема, нема Иваночка цилыхъ видиль шить.

⁸⁵⁾ Ой выплынувъ Иваночко на Деливське поле,
Даютъ знати до Голиградъ тай Деливськи люде:
„Семень Галюкъ съ Параскою несчастливый буде!“ (ibid.)

⁸⁶⁾ Не хоче ся Парасуня за Иванка признати (ibid.)

⁸⁷⁾ Ой узiali Парасуню ажъ до Станислава,
Ажъ тамъ буде Парасуніи сираведлива справа,
Ой казали Парасуніи передъ Нѣмци стати,
Втогды взяла Парасуня всю правду казати (ibid.)

⁸⁸⁾ Повели ю за Станиславъ да й тамъ повѣсили (ibid.)

⁸⁹⁾ Ой лѣгъ шенкаръ на постелѣ, шенкарка въ запичку.
Не встигъ шенкаръ задремати, вона зажгла свѣчку...

Ой свѣтиться бѣла свѣчка, вона взяла гадати:

„Поможи жъ ми, діаволе, шенкаря зрубати“...

Затила го разъ въ голову, а двичи у груде...

А дитя ся прошило: „що то, мамо, буде?“

Вона була молоденька, того ся злякала,

Вже у двери не трафила—викномъ утикала.

Ой прибѣгла до матинки: „пускайте жъ до хаты!“

Якись прійшли гайдамаки шенкаря рубати!

Ея мамка стара була, та ся здогадала:

„Вѣдавъ же ты, Евдосенько, сама го зрубала!“ (Голов. I. 59).

⁹⁰⁾ Якъ прибѣгла до дзвинницѣ, взяла въ дзвонъ бити,
А взяла ся Тужилувська громада сходити... (Голов. I. ibid.)

ее во Львовъ, на расправу ⁹¹⁾. Она жалуется на мать свою, обвиняя ее за то, что ее отправили во Львовъ, гдѣ ей придется согнать въ мукахъ ⁹²⁾. Тамъ постигла ее кара ⁹³⁾.

Четвертая пѣсня—галицкихъ Лемковъ *)—изображаетъ жену, которая убиваетъ мужа, и схоронивъ его въ саду, посадила на его могилѣ руту (символическое растеніе одиночества), которая выросла у ней подъ самое окно ⁹⁴⁾. Приѣхали братья покойника, спрашиваютъ: гдѣ братъ? Она отвѣчаетъ, что на войну услала его; они обличаютъ ее ложь, говоря, что они тамъ были сами и видѣли бы своего брата, если бъ онъ поѣхалъ на войну ⁹⁵⁾. Потомъ увидали они кровь по стѣнамъ; преступница сказала, что служанка рѣзала курицу, но братья возразили, что если бъ десять курицъ зарѣзали, такой крови бы не было ⁹⁶⁾. Наконецъ, они замѣчаютъ, что дѣти смотрятъ какъ-то уныло, будто долго не ѣли и не пили. Мы ѣли и пили—сказали дѣти—но то намъ не мило, что отецъ лежитъ, а у него ножъ въ сердцѣ ⁹⁷⁾. Тогда братья повели ее въ лѣсъ... она говоритъ, что у ней въ Краковѣ есть братья и тѣ ее откупятъ. Братья не

⁹¹⁾ А взялися исходити, взяли судъ судити:
Треба тебе, Евдосенько, ажъ до Львова взяти (Голов. I. 60).

⁹²⁾ Дяковать ти, моя мамко, за таку науку!
Теперь я йду, молоденька, до Львова на муку (ibid.).

⁹³⁾ Пийшовъ шенкаръ молоденькій въ сыру землю, гнити,
А шенкарка Евдосенька карами робити!... (ibid.).

*) Лемки—одинъ изъ видовъ карпатскихъ горцевъ, живущій въ сѣверной части карпатскаго подгорья.

⁹⁴⁾ Сошла намъ ся новина,
Пани пана забила,
Въ огородку го сховала,
Рутку на немъ посѣяла.
А рутка ся сбахтала,
Ажъ до викиа достала (Голов. II. 729).

⁹⁵⁾ Голов. II. 730.

⁹⁶⁾ Голов. II. 730.

⁹⁷⁾ „Наша невѣсть не мила!
„Чомъ ти дѣти смутныи?
„Чи ти хлѣбець не ѣли?
„Чи ти винце не пили?“
— Ой ѣли мы, пили мы,
— Але намъ есть не мило,
— Бо нашъ отецъ на ложѣ
— Серденько му на ножѣ (ibid.).

хотятъ ни серебра, ни золота, а требуютъ смерти за смерть ⁹⁸⁾. Пѣсня эта чуть не дословно схожій вариантъ съ такою же польскою ⁹⁹⁾, замѣчательною потому, что она послужила Мицкевичу для его баллады «Лилія» — которой названіемъ замѣнилъ польскій поэтъ названіе слишкомъ простонародной руты.

Изъ пѣсенъ такого же содержанія, гдѣ бы изображалось убійство мужа, совершенное его женою, въ малорусскомъ краѣ вошедшемъ въ предѣлы Россійской Имперіи мы не встрѣтили ни одной, если не считать очевидно заимствованнаго изъ Галичины варианта предшествовавшей пѣсни ¹⁰⁰⁾.

Но есть пѣсня гдѣ жена сводитъ со свѣта мужа не оружіемъ, не какимъ-либо смертоноснымъ веществомъ, а волшебствомъ слова, которому вообще народъ суевѣрно приписываетъ чудодѣйственныя силы. Выправляя мужа въ дорогу, жена прокляла его, пожелавъ, чтобъ его конь превратился въ холмъ, его сабля—стала бы дорогою, его шапка—глыбою земли, его синяя одежда—чистымъ полемъ, а онъ бы самъ — яворомъ ¹⁰¹⁾. Такъ и свершилось. Вдова вышла съ дѣтьми, сталъ накрапать дождикъ; она хочетъ укрыться подъ яворомъ, а яворъ открываетъ ей, что онъ—отецъ ея дѣтей ¹⁰²⁾.

Большинство пѣсенъ семейныхъ поется женскимъ поломъ и

- ⁹⁸⁾ — Ведте же насъ безъ Кракивъ,
 — Маю я тамъ трѣхъ бративъ.
 — Мене братья откупать! —
 „Срибла, злата не хочеме,
 „Лешъ смерть за смерть кладеме (ibid.).

⁹⁹⁾ Сборт. Kozłowsky. Zesz. I. 27.—Kolberg. 13.

¹⁰⁰⁾ Чуб. V. 840.

- ¹⁰¹⁾ Що бъ ёму кинь горою ставъ,
 А шабелька дорогою,
 А шапочка купиною,
 А сини сукни чистимъ полемъ,
 А самъ молодъ—яворонькомъ (Чуб. V. 834—835).
¹⁰²⁾ Дай ставъ дощикъ накрапати...
 Шійшла вдова нидъ явора:
 „Явороньку зелененькій,
 „Покрый диты сиритоньки!“
 — Ой и я жъ не яворонько,
 — Якъ тымъ дитямъ да батенько.
 — Згадай, якъ мене вырижала,
 — Вырижаючи проклинала! (ibid. 835).

сообразно съ этимъ чаще всего въ пѣснѣ говорить и чувствовать женская особь. Не мало пѣсенъ, въ которыхъ выражается недовольство женщины замужествомъ. Супружество сравнивается съ тяжелымъ мельничнымъ жерновомъ ¹⁰³). «Развяжи, матушка, мнѣ свѣтъ, который мнѣ завязала, надѣвши на меня бѣлую намѣтку» — говоритъ отданная замужъ своей матери ¹⁰⁴) и мать сознается, что свѣтъ развязать дочери труднѣе чѣмъ пустить камень плавать противъ теченія ¹⁰⁵). Впрочемъ далеко не всегда недовольная замужествомъ винить другихъ, а часто сознается, что попала въ бѣду по собственному неразумію ¹⁰⁶).

Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ причину недовольства является пребываніе въ чужой сторонѣ межъ чужими людьми, въ удаленіи отъ рода. Вотъ слѣды того древняго быта, когда при разъединенности и разбросанности жительства, дѣйствительно вышедшая замужъ жила далеко отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ проводила дѣвичество, и между чужими, а иногда и враждебными ей роду людьми. Еще тогда, когда мать отправляла ее изъ родного дома въ чужую сторону и спрашивала, когда ее дожидать къ себѣ въ гости, дочь съ уныніемъ отвѣчала, что тогда дожидать ее, когда выростетъ трава на помостѣ ¹⁰⁷). Она жалуется своему

¹⁰³) Якій то великій тотъ каминь млинскій,
Якій то тяжкій тотъ станъ малженскій!
Тотъ каминь млинскій можно обернути;
А станъ малженскій не можно кинути.
Тотъ каминь млинскій можно крутити,
А станъ малженскій не можно лишити (Голов. III. 241).

¹⁰⁴) „Развяжи ми, мамко, свѣтокъ, якъ есь завязала!
Ой мій свѣтку, ой мій свѣтку, якъ маковый цвѣтку,
Тосьте ми го завязали въ бѣлу перемитку (Голов. I. 289—290).

¹⁰⁵) „Ой якъ тяжко каменеви верхъ воды плавати,
Еще тяжче, моя дочко, свѣтокъ розвязати;
Хиба тобѣ вже розвяже рыскаль та лопата! (ibid.).

¹⁰⁶) Ой мала жъ я дурный розумъ—замужъ кваццлася,
Не силовавъ мене отецъ, ни ридналъ мати:
Сама мѣ бѣду полюбила, ни на кого парикати (Голов. III. 322).

¹⁰⁷) Выправляла мати дочку въ чужу стороночку,
Въ чужу стороночку, межъ чужимъ люде.
— А хто жъ тебе, моя доню, жаловати буде?
„Пожалують, мамцю, чужимъ люде,

брату, что она плачетъ на чужой сторонѣ, прядя чужую кудель, что ее зовутъ чужестранкою, сравниваетъ свое положеніе съ переходомъ въ бродъ быстрой рѣки, скорбитъ объ отсутствіи родныхъ, недовольна чужою матерью¹⁰⁸). Она бы запѣла пѣсню въ свое утѣшеніе, но на чужой сторонѣ стануть надъ нею смѣяться¹⁰⁹). Мужъ, стараясь развлечь жену, совѣтуетъ ей пойти къ сосѣдкѣ кумѣ и поговорить съ нею¹¹⁰), но жена не избавляется такимъ способомъ отъ гнетущей ее тоски¹¹¹). Около нея все чужіе, а ей хотѣлось бы сообщиться душою съ своими родными. Пошлетъ она къ нимъ птицъ, но птицы не доставятъ ей слова отъ родныхъ¹¹²). Она сорветъ розовый цвѣтокъ и бросить въ воду; воображаетъ она — приплыветъ цвѣтокъ на ея

„Якъ у моѣй головоньци добрый розумъ буде!..

— Коли жъ тебе, моя доню, сподиваться въ гости?

„Якъ вырасте травесенька въ хати на помости (Чуб. V. 745—746).

¹⁰⁸) За ричкою, за водою братъ сестри покланяється—

Я до нѣго листы пишу, слѣзюньками умываюся.

— Добре тобі, мій братчику, на коньку играючи,
Ой якъ мени на чужини, чужу кужиль выпрадаючи.

Ой въ далекій стороньци называють заволокою,
Кажуть мени ричку брести широкую та глибокую.

Ніякъ їй перебрести, ни перетпкнути,

Прійдеться на чужини безъ родини загинути.

Не такъ мени та чужина, якъ та мени чужа мати,
Каже мени чужа мати зъ пидъ каменя огонь брати.

Не збыткуйся, чужа мати, не збыткуйся надо мною,
Зав'яжи менѣ чорни очи, пускай мене за водою!

Нехай мої чорни очи въ сырой земли та писокъ точать,

Нехай мени чужа мати головоньки та не клопочить (Чуб. V. 547—548).

¹⁰⁹) Ой кувала зозуленька, теперъ не чувати:

Ой де я ся не родила—мушу привыкати.

Співала бы-мъ співаночку, кобъ то їй вдати,

Ту чужая сторонька, будуть ся смѣяти (Голов. I. 287).

¹¹⁰) Ой жинко моя, дружино моя!

Черезъ улицю—кума моя,

Огню огреби та й поговори (Чуб. V. 626).

¹¹¹) „Ой я ходила, тай говорила;

Та твоя кума мене осудила (ibid. 626).

¹¹²) Накажу я до родоньку свого хочъ чорною та вороною,

Ни родини зъ України, ни чорнои та ворононьки,

Та вже жъ мени надокучила а чужая та сторонька.

Щебетала ластивонька зо два моря вылитаючи,

Та вже жъ мени надокучило родиноньки да не маючи (Чуб. V. 550).

родину, мать ея выйдетъ за водою, поймаетъ цвѣтокъ, замѣтитъ, что цвѣтокъ завялъ, и сообразить, что должно быть и дочь ея такъ вянетъ, подумаетъ — болѣла дочь долго, когда брошенный ею цвѣтокъ увялъ на водѣ. Нѣтъ, матушка, скажетъ она, я не болѣла, не лежала ни дня, ни часа, а отъ тоски и грусти лицо мое исхудало ¹¹³). Большею частью недовольство замужней женщины на свое положеніе представляется происходящимъ отъ безпутнаго поведенія мужа, впадающаго въ обычный народный порокъ — пьянство. Посмотрите, люди добрые, говорится въ одной пѣснѣ—каковъ пьяница! Что у него есть? Все тащитъ онъ и отдаетъ за водку, все вытряхиваетъ жидъ изъ его дома. Лѣзетъ, шатаясь, домой изъ корчмы, страшенъ какъ клопъ, голъ какъ быкъ, глупъ какъ козелъ, все лицо его исцарапано, общипали его какъ гуся, нагишомъ пустили, обливается онъ слезами: его колотили ¹¹⁴). Вотъ женщину противъ ея воли отдала за такого пьяницу мать ¹¹⁵), другая, оставшись круглою сиротою, вышла за пьяницу ¹¹⁶), послушавшись совѣта добрыхъ

¹¹³) Вырву жъ бо я квитку, та пушу на воду.

Та плыви, та й до роду,

Да буде ненька воды набирати,

Зачерпнула зъ рожи квитку:

„Чи ты, моя дочко, три годы лежала,

Чи два болила, що квитка зивѣяла?

— Не лежала ни дня, ни години,

Лишь сухоты, та згризоте на личку змарнили (Чуб. V. 209—210.

Голов. I. 298).

¹¹⁴) Дивѣтеся люде добри, що пьяница мае!

А що видить—бере зъ хаты, за горѣвку дае,

Затягнувся самъ у корчму, тай ставъ голдувати,

А що занисъ—усе пропивъ, жидъ вытрусивъ зъ хаты.

Лѣзе въ потичъ до домочку, страшный якъ блощиця,

Голоый якъ быкъ, дурный якъ цапъ, подрыпани лица,

Обскубли го якъ гусака, голого пустили,

Ажъ го слѣзы обливають: отъ тожъ то го били! (Голов. III. 224).

¹¹⁵) Мене матюнка не жалувала;

Силомиць замижъ отдала

Ддала мене за пьяничевьку! (Чуб. V. 590).

¹¹⁶) А на мой головѣ штыри крушины:

Ой перша крушина—отець-мати померла,

А другая крушина—сестра зъ братомъ померла,

А третя крушина—пійшла за мужъ молода,

Четвертая крушина—за пьяницу пійшла! (Чуб. V. 585).

людей и утопила свою головушку ¹¹⁷). Третья — не слушала своих старых родителей, полюбила молодого козака, а теперь водить его изъ корчмы пьяного ¹¹⁸) и сожалѣть о своей несправивой ошибкѣ ¹¹⁹).

Вотъ одна жена пьяницы идетъ искать своего мужа, который пьетъ безъ просыпу уже болѣе недѣли, и не знаетъ она гдѣ отыскать его ¹²⁰), находитъ его въ корчмѣ ¹²¹), онъ уже весь пропился, и коня и сѣдло пропилъ, и штаны и рубашку съ себя отдалъ за водку—остался нагишомъ въ шинкѣ ¹²²). Стала было жена его укорять ¹²³), а онъ—тотчасъ сталъ драться ¹²⁴). Тутъ является у него какая-то кума, даетъ ему вина, даетъ штаны и сорочку ¹²⁵). Кума въ народномъ образѣ выраженія имѣетъ подозрительный смыслъ, если съ нею находится въ дружбѣ женатый человѣкъ ¹²⁶). Другая жена пьяницы сидитъ

¹¹⁷) А ще къ тому прираляли люде:

Пійди за-мужъ, добре тоби буде,

А я людську воднюку вволнила,

Да на вики головоньку втопила (Чуб. V. 592).

¹¹⁸) Ой дурная жъ я й да нерозумна дивчина,

Не слухала тай отця-неньки старого,

И послухала й да козаченька молодого —

Веду жъ ёго й да за рученьку пьяного! (Чуб. V. 595).

¹¹⁹) Якъ не силувавъ батько, а ни ридная мати,

Сама пійшла, гирьку долю знайшла — нѣ на кого жалкувати!
(Чуб. V. 575).

¹²⁰) Пье пьяница недѣлю, пье пьяница другую...

Да й забула попытати, де пьяниченьку шукати (Чуб. V. 583).

¹²¹) У шинкарки спитъ пидъ лижкомъ (Чуб. V. 584).

¹²²) Противъ коня и сидло,

Противъ штаны, сорочку

Та сивъ голшй у ^{шиночку}
куточку (Чуб. V. 583).

¹²³) Ой пропою, пропою, пропала я съ тобою! (ibid. 584).

¹²⁴) Якъ ударить мене разъ,

Покотилась я у грязь,

Якъ ударить мене вдреже,

Покотилась я межъ люде (Чуб. V. 583).

¹²⁵) Где съ увалася кума,—

Штаны й сорочку дала,

И до дому привела (Чуб. V. 584).

¹²⁶) Ой кумъ куму полюбивъ

По садочку проводивъ,

Нарвавъ кумъ ягідокъ

Та насыпавъ въ хвартушокъ.

одна дома; возвращается изъ корчмы пьяница. Ей велѣть выходить къ нему навстрѣчу, брать его подъ руки, раздѣвать, разувать его ¹²⁷), а ей это противно ¹²⁸). Пьяница это знаетъ и, приближаясь къ дверямъ своей хаты, кричить: отвори, жена, двери, я твой милый ¹²⁹); его голосъ наводитъ на нее страхъ, она хотѣла бы убѣжать, но не успѣетъ ¹³⁰); онъ является и тотчасъ ее за косу ¹³¹), да въ лицо ¹³²), да по головѣ ¹³³), хватаетъ плеть и стегаетъ по плечамъ ¹³⁴). Она пытается его успокоить ¹³⁵), а сама въ то время желала бы, чтобы земля разступилась и укрыла ее отъ него ¹³⁶). Пьяница велитъ постлатъ себѣ постель, а самой женѣ готовить ему ѣсть ¹³⁷), иногда же приказываетъ поцѣловать себя, а ей, конечно, не хочется ¹³⁸). Цѣлую ночь бѣдная жена готовить пьяницѣ завтракъ, но чтò могло сохраниться въ домашнемъ обиходѣ у пьяницы! Ставить ему жена борщъ безъ мяса ¹³⁹). Раздраженный пьяница мечетъ миску къ

Ѣзте, кумо, ягидки,
Которыи солодки,
Которыи гиркеньки—

То то жъ мой миленькій (Чуб. V. 615).

¹²⁷) Велѣть мени дай устричь выходить,

Велѣть мени ще й подъ рученьки брать (Чуб. V. 591).

Велѣть мени розувать-роздгати (Чуб. V. 581).

¹²⁸) Чуб. V. 495. 591.

¹²⁹) Ой, одчини жъ, мила, двери, бо я твій миленькій (Чуб. V. 601).

¹³⁰) „И ой не одчинюся, бо дуже боюся,

Зачую жъ твій голосокъ, дежъ подинуся:

Въ виконце не смію, у дверечки не вспію (ibid.).

¹³¹) Мила одчиняе, за двери ступае,

А винъ ти бѣ сердешну, за косы хватае (Чуб. V. 602).

¹³²) Вдаривъ милу по плечи, ще й по билому лицу,

Ажъ полилась кровъ чорвона по шитому рукавцю (Чуб. V. 584).

¹³³) Чуб. V. 691.

¹³⁴) Да взявъ милый дротяну плить,

Дай ставъ милую у плеченьки грить (Чуб. V. 592).

¹³⁵) Чуб. V. 579.

¹³⁶) Розступися земле, да розступися жъ, мати,

Пойду сама жива въ тебе, що бъ не горювати! (Чуб. V. 602).

¹³⁷) Загадуе билу постиль стлати,

Загадуе минн снитать готувати (Чуб. V. 593).

¹³⁸) Заразъ велѣть цювати,

Не хочеться цилувати (Чуб. V. 578).

¹³⁹) Борщъ поставила безъ мѣса,

Сама сила и пидперлася (Чуб. V. 579).

порогу¹⁴⁰⁾. Ему хочется похмѣлиться. Давай, жена, свою на-
мѣтку пропить, а не то встану бить тебя¹⁴¹⁾, кричитъ онъ.
Жена бросается вонъ изъ хаты¹⁴²⁾.—Развѣ ты моего нрава не
знаешь, что убѣгаешь? говоритъ онъ ей¹⁴³⁾.—Знаю твой нравъ
и оттого бѣгу—отвѣчаетъ жена¹⁴⁴⁾. Она по опыту знаетъ, что
нагайка — не игрушка, — какъ ударить, такъ и разсядется
кожа¹⁴⁵⁾. Не разъ уже приходилось ей, послѣ напрасныхъ просьбъ
не бить ее¹⁴⁶⁾, ночевать въ вишневомъ садикѣ, слушая пти-
чекъ¹⁴⁷⁾ или бесѣдуя съ ежевичнымъ кустомъ о своемъ горѣ¹⁴⁸⁾.
Уже не разъ приходилось ей бѣлымъ ножкамъ ходить по мо-
розу, а ея русой косѣ трепаться по двору¹⁴⁹⁾. Но какъ ни не-
сносенъ мужъ пьяница, а женѣ бываетъ жалъ его¹⁵⁰⁾ и когда
онъ бьетъ ее, она напоминаетъ, чтобъ онъ не билъ ее, потому
что ему самому будетъ жалко, когда онъ протрезвится¹⁵¹⁾. Прихо-
дитъ къ ней родная мать и узнавши, что пьяница спитъ, го-

¹⁴⁰⁾ Летить миска до порога (ibid.).

¹⁴¹⁾ „Здіймай, жинко, хоть намитку,
Неси ти за горизку.
А устану—буду бить,
Що ничого буде пить“ (Чуб. V. 579).

¹⁴²⁾ Чуб. V. 593—594.

¹⁴³⁾ „Да чого, мила, за порогъ утикаешъ.
Хиба моихъ норовивъ не знаешъ?“ (ibid. 594).

¹⁴⁴⁾ — Ой я твои норовоньки знаю,
Що що-день твоихъ ручокъ не минаю! (ibid. 593).

¹⁴⁵⁾ Чуб. V. 596.

¹⁴⁶⁾ Голов. I: 292.

¹⁴⁷⁾ Съ хаты виконцемъ втикала,
Въ вишневимъ саду ночувала,
Ризны пташки выслухала,
Въ саду возуленька: куку, куку!
А я, молода, терплю муку;
Въ саду соловей тѣхъ, тѣхъ!
Котиться слѣза якъ горохъ (Чуб. V. 586).

¹⁴⁸⁾ Стала мила окномъ усякати,
Зъ ожиною стиха розмовляти:
— Ой ожино, ожино синенька!
Пропала жъ я теперь молоденька! (Чуб. V. 593).

¹⁴⁹⁾ Уже мои били нижки по морозу походили..
Уже моя руса коса по двору помаяла (Чуб. V. 582).

¹⁵⁰⁾ „Оно миѣ жалъ миленького прекрасного молодця (Чуб. V. 585).

¹⁵¹⁾ Та не бій мене, мій миленькій, якъ ты п'явъ,
Бо на другій день буде тобі мене жалъ! (Чуб. V. 581).

ворить, что лучше когда бы онъ не просыпался вовсе¹⁵²), но дочь отвѣчаетъ ей, что если съ нимъ горе, то безъ него также будетъ горе, когда она останется съ дѣтьми¹⁵³).

Поведеніе мужа гуляки становится болѣе оскорбительнымъ для жены его, когда онъ заведетъ себѣ куму. Законная жена дѣлается ему отвратительна, противно ему все, что она дѣлаетъ. Вотъ жена проситъ не бить ее: она въ субботу покажетъ ему свою работу. Мужъ отвѣчаетъ, что работа ея не мила ему, что онъ будетъ бить, истязать жену, а въ воскресный день у него будетъ иная подруга¹⁵⁴). Зачѣмъ тебѣ другая? — говоритъ ему огорченная до ожесточенія жена. Ты ее досмерти замучишь? — О нѣтъ, — говоритъ мужъ — дразня ее, мучить ее не стану, найму къ ней работницу, чтобъ она сама работала только слегка и въ добрѣ и холѣ проживала¹⁵⁵). Бѣдная женщина, послѣ такой выходки мужа, обращается мысленно къ своей матери и думаетъ, какъ было бы матери горько узнать про это¹⁵⁶).

Иной мужъ потому возненавидитъ свою жену, что женился на ней не по собственному влеченію, а по приказанію отца¹⁵⁷); такой послѣ самъ не знаетъ, чтобъ съ нею сдѣлать, и готовъ

¹⁵²) — Спитъ пѣлиця въ новій коморѣ—гляди ёго не збуди!
Нехай спить, нехай лежить, та нехай и не встане,
Нехай твоя бидна головонька одъ журботы одстане (Чуб. V. 624).
¹⁵³) Въ мене дитки маленькіи—горе жити безъ ёго! (ibid. 625).

¹⁵⁴) „Не бій мене, мій милий, въ суботу
Покажу я тобі всю свою роботу!“
— Нечиста, плюгава, ще й къ тому гидлива,
— Менѣ твоя робота жодна не мила;
— Буду бити, буду катовати,
— Якъ приїде неділя—буду иншу мати (Чуб. V. 624).

¹⁵⁵) „На що жъ тобі, милий, иншом шукати!
„Будешъ ты ѣи на смерть забивати!“
— Не буду я ѣи на смерть забивати,
— Буду для неї наймичку держати,
— Щобъ вона въ мене легченько робила,
— Що бъ вона въ мене хороше ходила! ((ibid.).

¹⁵⁶) Коли бъ тее рідна мати знала,
То бъ вона по мені зъ жалю умливалa (ibid.).

¹⁵⁷) „Веливъ мені батько, що бъ я й оженився,
Що бъ не ходивъ въ темной ночі, да й не волочився;
Ой я батька послухавъ и взявъ оженився,
Да взявъ жінку не пидъ мысли, не хочу зъ нею жити (Чуб. V. 678).

бы извести ее со свѣта¹⁵⁸). Онъ заводитъ себѣ куму-разлучницу, а покинутая жена разговариваетъ съ кукушкою и узнаетъ черезъ нее, что ея отсутствующій мужъ ходитъ въ городѣ и покупаетъ подарки не женѣ, не дѣтямъ, а разлучницѣ¹⁵⁹); своей женѣ онъ также принесетъ подарокъ, но этотъ подарокъ—проволочная плетъ¹⁶⁰). Ты не искрененъ, душа моя¹⁶¹), скажетъ ему жена, догадываясь, что у мужа есть гдѣ-то на сторонѣ зазнобушка. Мужъ съ донжуановскимъ самохвальствомъ отвѣтитъ ей: сколько въ степи цвѣтовъ, столько у меня найдется милыхъ по бѣлу свѣту. Вѣдь у меня и конь вороной и я самъ молодецъ, вотъ только у меня нелюбая жена¹⁶²). Хотя бы ихъ у тебя было двадцать четыре, а я все-таки старше для тебя всѣхъ ихъ: мы вѣдь въ церкви вмѣстѣ были, вѣнчались, Единому Богу присягали¹⁶³). Чѣмъ болѣе сближается онъ съ разлучницею, тѣмъ ненавистнѣе станетъ ему законная жена¹⁶⁴). Одинокая, она, какъ былина въ полѣ, постелетъ постель, сама одна ля-

¹⁵⁸) Ой жинко голубко!
Ой де мени тебе дити,
Не хочу глядити!
Чи мени продати,
Чи въ службу виддати? (Чуб. V. 678).

¹⁵⁹) ...По рыночку ходить,
За бѣлу рученьку розлучницю водить;
Медь-горѣвку носитъ, кармазинъ торгуе,
Не менѣ молоденькѣй, не дѣтямъ маленькимъ,
Но тій розлучницѣ, що насъ розлучила (Голов. I. 246).

¹⁶⁰) Мій милый иде, иде, гостинець несе,
А якій же гостинець—дротяную плить (Чуб. V. 607).

¹⁶¹) Ой десь у тебе, серденько мое, й уся нещирая правда,
Да и ой ты иншю маешь! (Чуб. V. 611).

¹⁶²) Пойди, мила, въ степь, да глянь по степу,
Скільки въ степу билого цвиту?
До стільки въ мене чужихъ милыхъ е по билому свиту!
Коникъ вороный, самъ я молодой—нелюбу жинку маю,
Ой колибъ я знавъ, хорошу бъ узавъ (ibid. 610—611).

¹⁶³) Нехай буде двадцать и штыри,
Таки я старша надъ ними!
Въ едній мы церкви бували,
На еднимъ мы рушнику стояли,
Едному мы Богу присягали (Чуб. V. 401).

¹⁶⁴) Чужа жинка слаще меду и вина,
Чужу жинку цилувавъ бы милувавъ,
Свою жинку ростерзавъ бы, розирвавъ (Чуб. V. 615).

жетъ спать ¹⁶³). Передъ разсвѣтомъ возвращается мужъ отъ своей полюбовницы ¹⁶³). Жена хотеть его раздѣть, разуть, приласкать, онъ отталкиваетъ ее и говоритъ, что есть другая, которая, какъ онъ хотѣлъ бы, раздѣнетъ, разуеъ и въ бѣлое лицо поцѣлуеъ его ¹⁶⁷).

Бываетъ горе замужней женщииѣ и оттого, что мужъ у ней окажется ревнивымъ. Всѣмъ угрожу — говорить въ пѣснѣ такая женщина — и свекру, и свекрови, а ревнивому мужу никакъ не угрожу, до тѣхъ поръ пока не положить его въ могилу ¹⁶⁸). Самъ онъ пьетъ, гуляетъ, а пришедши домой дуется на жену, не хотеть говорить съ нею, не садится съ нею ѣсть и пить ¹⁶⁹). Разсердится невѣдомо за-что: вѣрно — говорить жена: — за то, что я у кумы сидѣла, да женатому поднесла стаканъ меда ¹⁷⁰). Ей, молодой, хотѣлось бы погулять, вспомнить свое красное дѣвичество ¹⁷¹), но ревнивый мужъ ей скажетъ: тогда воротится къ тебѣ гулянье твое, когда зимою кукушка закукуеъ ¹⁷²); пустять ее свекоръ и свекровь и всѣ прочіе члены мужниной семьи, а мужъ ревнивый не пустить, да вдобавокъ

¹⁶⁵) Ой сама я сама якъ былина въ поли,
Да никто не порадиъ мене, молодои...

Постелю постилоньку й сама спати ляжу (Чуб. V. 619).

¹⁶⁶) Пидъ бѣлый свѣтъ до дому йде (Чуб. V. 615).

¹⁶⁷) Одступися одъ мене, нелюба,
Тая жъ мене роздине, розуе,
Да въ билее личко поцилуе (ibid.).

¹⁶⁸) А милому-ревнивому
И по викъ не вгожу,
Хиба жъ годи угрожу,
Якъ на лаву положу (Чуб. V. 564).

¹⁶⁹) Я выношу ёму ѣсти,
Винъ не хоче зо мною сѣсти,
Я выношу ёму пити,
Винъ не хоче говорити (Чуб. V. 604).

¹⁷⁰) ...Иде ревнивый мужъ до дому,
Несе... три плѣточки дротяныи
Тай не знаю, що и за що!
Хиба за те що я въ кумы гулила,
Що й женатому стаканъ меду поднесла? (Чуб. V. 663).

¹⁷¹) Хотидось бы молоденькій погулять,
Свое красне дивованьничко згадать (Чуб. V. 575).

¹⁷²) Якъ зимою зозуленька закуе,
Годи вернетъся гуляньничко твое (ibid.).

погрозить ей нагайкою ¹⁷³), а если какъ нибудь она самовольно проберется на чужую свадьбу, то загоняетъ оттуда батономъ ¹⁷⁴). Ревнивцу дѣлается досадно даже и оттого, что жена похорошѣетъ безъ него, въ его отсутствіи ¹⁷⁵). Нагайка постоянно виситъ на крючкѣ для жены и не разъ ей въ тѣло влипаетъ ¹⁷⁶). Нагайка и побои—постоянная принадлежность замужества, если между женою и мужемъ нѣтъ согласія и любви.

Часто жена скрываетъ свое домашнее горе, такъ что со стороны людямъ кажется будто она живетъ благополучно, тогда какъ она безпрестанно проливаетъ тайкомъ слезы ¹⁷⁷). Когда зимою мужъ ей подъ глазами фонарей наставитъ, она, вышедши на улицу, говоритъ сосѣдкамъ, что это ее пчелы покусали, хотя сосѣдки смѣются надъ этимъ, зная, что зимою пчелы не жалятъ ¹⁷⁸). Даже роднымъ своимъ такая не жалуется, а видя летящихъ гусей, проситъ ихъ передать ея роднымъ, что она благоденствуетъ, но отнюдь не говоритъ имъ, что она терпитъ горе, потому что иначе родные не станутъ бывать у ней въ гостяхъ ¹⁷⁹). Это, впрочемъ, черта не всеобщая: есть много

(173) Хоть же я пушу—дакъ нагайка не пуститъ! (Чуб. V. 607).

(174) Людски жинки пьютъ, гуляютъ, мене слѣзы обливають.
Своей воли набралася, на весилля погналася,
Иде милый за мною, несе батигъ пидъ полою,
Якъ взявъ мене грити, не знала жъ я якъ гуляти (Чуб. V. 562).

(175) Да прихавъ мій миленькій ризно,
Да роскидавъ билу постиль ризно.
„На кого жъ ты, мій миленькій, злуешь,
„Що мою билу постиль гайнуешь?“..
— А на тебе, жону молодую,
— Що покинувъ якъ нитку тоненьку,
— А заставъ якъ рожу довненьку,
— Що покинувъ якъ рыбоньку вялу,
— А заставъ якъ ягодку красну (Чуб. V. 555—556).

(176) Нагайка дротянка съ кручка не збуває,
Съ кручка не збуває, у тило влипає (Чуб. V. 607).

(177) Кажуть люде, що панується.
Не паную, мамо, я горюю.
Кажуть люде, щомъ счаслива: я тымъ веселюся;
Ой не знають якъ я—не разъ слѣзами залюся (Чуб. V. 626—627).

(178) „А що у тебе синцѣ пидъ очима?“
— Ой ходила по садочку, пчилка мя вкусила.

(179) Не кажите, биди гуси, що я тутъ горюю,
А скажите, били гуси, що я тутъ паную.

другихъ, показывающихъ какъ несчастная въ замужествѣ хочетъ подѣлиться своимъ горемъ съ родными, особенно съ матерью. Объ этомъ скажемъ ниже.

Особенно тяжело бываетъ замужней жить съ нелюбимъ мужемъ, если до замужества она любила другого и была имъ любима¹⁸⁰). Иную сватали женихи получше, а она не пошла, полюбила негодяя и погубила себя¹⁸¹). Бываетъ, что прежній, который любилъ ее, встрѣтится съ нею, попрекнетъ ее¹⁸²), поплачутъ они вмѣстѣ, если прежде любили другъ друга взаимно¹⁸³), иногда пожелаютъ смерти старому мужу¹⁸⁴); помянетъ она недобрымъ словомъ и мать свою, если она противъ ея воли принуждала дочь выходить замужъ¹⁸⁵), или же попеняетъ на себя, что сама вышла за немилаго по своей охотѣ¹⁸⁶).

Нѣтъ средствъ оторваться отъ нелюба. Станетъ она надъ водою вербою, а онъ явится близь ней тонкимъ верболозомъ. Станетъ она въ полѣ березою — онъ яворомъ, станетъ она на нивѣ пшеницею — онъ близь ней куколемъ¹⁸⁷). Сонъ не прихо-

Якъ будете, били гуси, правдоньку казати,
То не схоче родынонька въ гостини бувати (Чуб. V. 627).

¹⁸⁰) Ой гаю жъ мій гаю, густый—не прогляну!
Пустыла жъ я голубонька та вже не піймаю.

Ой гаю жъ мій гаю, цвितешъ дуже рідко;

Кого родомъ я не знала—присудивъ мя дидько (Чуб. V. 556).

¹⁸¹) Сватали красчи—я за ихъ не пійшла,

Ледачого полюбила

Сама себе погубила,

Така доля моя! (Чуб. V. 539).

¹⁸²) Охъ державъ мене та за рученьку славный парень мій чорнявий,
А державши за рученьку, винъ говорить зо мною:

„Ой не йти бъ було, мое серце, за-мижъ, лучше-бъ було дивчиною!
(Чуб. V. 575).

¹⁸³) Якъ вйдуся съ кимъ любила—наплачуся стиха (Чуб. V. 224).

¹⁸⁴) Дала жъ мене моя мати за мужъ за старого...

А, Господи милосердный, выдри зъ дида душу (Чуб. V. 225.)

¹⁸⁵) Кого жъ я любила не давъ мени Господь.

Не давъ мени Господь, мати не казала;

Бодай вона за то тяжко видболила (Чуб. V. 225).

¹⁸⁶) Сама пійшла, гирку долю знайшла,—ни на кого жалкувати (Чуб. V. 575).

¹⁸⁷) „Ой стану я стану надъ водою вербою!“

А нелюбъ тое чуе пидъ синцями стоя:

— Ой не збудешъ, Катерино, моя будешъ,

— А я коло тебе тонкимъ верболозомъ. —

дить къ ней, когда она ночью лежитъ съ своимъ нелюбомъ. Что ты вздыхаешь? спрашиваетъ онъ: развѣ у меня хлѣба-соли нѣтъ? — Противна мнѣ хлѣбъ-соль твоя — говоритъ она. Нѣтъ мнѣ жизни съ немилымъ ¹⁸⁸). Не смѣетъ она пожелать ему смерти, иначе тогда люди, знающіе, что между ними нѣтъ любви, скажутъ, что она его извела; желаетъ она лучше смерти самой себѣ, чтобы не тяготиться свѣтомъ ¹⁸⁹). Нелюбъ не хочетъ, чтобы она видалась съ своими родными и пересказала имъ о томъ, что дѣлается съ нею ¹⁹⁰) — и она общается не говоритъ, хотя бы ее и спрашивали ¹⁹¹). Но она воображаетъ, что уходитъ тайно, садится въ лодку, никто ее не замѣчаетъ, она плыветъ къ матери и мать, увидавши, приглашаетъ къ себѣ ¹⁹²). Ахъ, матушка, дай совѣтъ, какъ уживаться съ немилымъ. Мать совѣтуетъ посадить его за

„Ой стану я стану у доли березою“...

— А я коло тебе зеленымъ яворомъ!

„Ой стану я стану на ниви пшеницею!“...

— А я биля тебе буйнымъ кукильникомъ (Чуб. V. 574).

188) Тай ляжу я спати край своего нелюба.

Вже зиронька зійшла, а я ще не спала,

Другая зійшла, а я вже й устала.

Я вже и устала, тяженько витхнула.

— Ой чого жъ ты, мила, такъ тяжко здыхаешь —

— Чи ты въ мене хлиба и соли не маєшь? —

„Ой яжъ твій хлибъ и силъ занехаю,

„Съ тобою, нелюбий, я життя не маю! (Чуб. V. 572—573).

189) Ходить смерть-чухна по сивокосу.

Тай хвалиться смерть нелюба взять.

— Смерть, чухно-мачухно, та не бери ёго.

Бо знають люде, що я не любила,

То скажуть що я и зъ свиту агубила;

Ты возьми мене молоденьку...

Нехай я не буду свитомъ нудити! (Чуб. V. 573).

190) Не пустю ты, мила, до броду по воду,

Бо ты выдвидашъ ажъ до своего роду,

Скажешъ своему роду за свою пригуду (Чуб. V. 213).

191) Не скажу я роду за свою пригуду;

Хоць будуть пытати, не буду казати,

Обильють дрибны слёзы, а я выйду съ хаты (ibid.).

192) Сила собі у човничокъ одъ берега одлинула,

Оглянулася назадъ себе, та въ долони сплеснула:...

Нихто того не почуе, тилько ридная мати;

Одчинила кватироньку: „ходи, доню, до хаты!“ (Чуб. V. 558).

столомъ, угощать и называть яснымъ соколомъ¹⁹³). Дочь отвѣ-
чаетъ, что ей легче поднимать камни и ѣсть горькій полынь,
чѣмъ ласкать немилаго и садиться съ нимъ за обѣдъ¹⁹⁴). И
тоска ея раздражается бесполезнымъ сожалѣніемъ, зачѣмъ она
вышла замужъ¹⁹⁵).

Все сочувствіе женщины, недовольной замужествомъ, обра-
щается исключительно къ своему роду, т.-е. къ своей прежней роднѣ
и къ семьѣ, особенно къ родителямъ. Она проситъ вѣтеръ повѣять
къ ней въ свѣтлицу изъ того края, гдѣ ея родина, изъ того
села, гдѣ осталась ея мать¹⁹⁶). Она посылаетъ туда и плаваю-
щихъ и летающихъ птицъ—принести роднымъ вѣсти объ ней
и пригласить ихъ посѣтить ее¹⁹⁷). Сердечнѣе всѣхъ относится
она къ родной матери. Есть одна очень распространенная чѣсна
о томъ, какъ мать приходила въ гости къ дочери замужней¹⁹⁸),
а та провожала ее¹⁹⁹) и при этомъ намекнула, что жизнь ея

193) — Порадь мене, моя мати,
— Якъ зъ нелюбомъ життя мати! —

„Охъ и сядь же ты, доню, за тисовымъ столомъ,
„Та называй нелюбонька ясенькимъ соколомъ“ (ibid. 559).

194) — Лучче мени, моя мати, важкій каминь підняти,
А ніжъ мени нелюбонька соколонькомъ назвати.
— Лучче жъ мени, мати, гіркій полынь ѣсти,
— А ніжъ мени изъ нелюбомъ обидати сѣсти (ibid.).

195) Кобы я була знала, що за нелюбомъ лихо,
Була жъ бимъ сидѣла, косочки чесала при матусенцѣ тихо!
(Голов. III. 310).

196) Повій, витре буйнесенькій, на свитлоньку новеньку,
Съ того краю, де родину маю,
Повій, витре буйнесенькій, на свитлоньку ще й новійшу
Съ того села де и матинку маю (Чуб. V. 762).

197) Пливи, пливи, утко, проти воды прудко,
Да накажи мому роду, що я умру хутко (ibid. 744).
Полени, орле, де батенько оре,
Нехай орать покидає, мене одвидає..
Полетить синици, де ридиі сестрици,
Нехай мене одвидають мои жалобниці (Чуб. V. 747).

198) Ще сонечко не зиходило;
Щось до мене та приходило,
Приходила моя матюнка,
И правдонька моя вирнал.
Вона въ мене не обидала
Тильки мене тай одвидала (Чуб. V. 553—554).

199) Проведу я свою матюнку,
За горы та высокіи (ibid.).

спутана²⁰⁰). Въ другой пѣснѣ дочь говоритъ матери, что она прилетала къ ней голубкою²⁰¹). Въ третьей, несомнѣнно очень древней (такъ какъ съ тѣмъ же содержаніемъ пѣсни есть у великоруссовъ), замужня дочь превращается или воображаетъ себя превратившеюся въ кукушку, чтобы въ такомъ видѣ поспѣтить свою мать и сообщить ей впечатлѣнія своего горя. Мать отдала дочь замужъ и не велѣла бывать у ней ранѣ семи лѣтъ, но дочь не утерпѣла и, превратившись въ кукушку, прилетаетъ на третій годъ послѣ своего замужества²⁰²). Она пролетаетъ черезъ лѣса, луга, сады, садится на черешнѣ въ родительскомъ саду и начинаетъ куковать, чтобы вызвать свою мать²⁰³). Вышла изъ хаты мать, вышелъ потомъ и отецъ; оба сказали, что если эта кукушка—ихъ дочь, то просятъ ее войти въ хату, а если это просто птица, то пусть себѣ летитъ куковать въ зеленый лѣсъ²⁰⁴). Братъ хотѣлъ было застрѣлить

200) Ой що тебе да мопутало,

Чи хмель чи паутиновъка

Чи малая да дитиновъка?

201) — Чи чула жъ ты, ненька, якъ я въ тебе була? —

— Пидъ причильнымъ виконечкомъ якъ голубка гула? —

„Ой якъ бы жъ я, доню, твій голосъ зачула, —

„Ябъ розбила виконечко абы ты влинула.

„Ой якъ тобі, донько моя, на чужини жити?

Горе сиротини жити на чужини,

— Нихто ей не догляне при лихій години (Чуб. V. 743).

202) Отдала мене мати на чужу сторонючку межъ чужимъ люде.

Ой якъ отдавала да и приказывала,

Що бъ ты, доню, сѣмъ лѣтъ не бувала...

Пожила я годокъ, пожила другій,

А на третій стала искучати.

Обернувшись возулею да и въ годъ прилетѣла (Метл. 257).

203) Летила степами—степы посушила все своими та думоньками,

Летила лугами—луги потошила все своими да слизоньками,

Летила садами—сады звеселила все своими голосочками.

Ой сяду я паду у матинки въ саду, та на крайній черешенци,

Буду литати, буду кувати,

Чи не вийде моя мати зъ новои хаты (Чуб. V. 750, 752).

204) Выйшла моя мати, стала на порозѣ,

Пригадала собѣ свою ридну доню, обильляли ею слѣзы:

— Если-съ моя доня—прошу ты до хаты,

Але если-съ сива пташка возуленька—лети въ зеленъ лѣсъ кувати...

Выйшовъ мій батенько, ставъ си на порозѣ;

„Ахъ если-съ моя доня—прошу ты до хаты,

птицу²⁰⁵), но она такъ жалобно стала куковать²⁰⁶), что мать расчувствовалась, остановила сына и велѣла ему накормить и напоить кукушку²⁰⁷). По малорусскому варианту пѣсни, кукушка, наклевавшись и нанившись у матери, отлетаетъ во-свояси²⁰⁸), а по галицкому варианту — она открывается кто она и сообщаетъ матери на вопросы, сдѣланные послѣднею, что ея мужъ пьяница, перетаскалъ въ шинокъ все ея приданое и мучить ее жестокимъ обращеніемъ²⁰⁹). (Ср. великорус. Шейна. I. 338—340).

Случается, что дочь замужняя не всегда съ нѣжностью относится къ своему родителю. Въ одной пѣснѣ отецъ говоритъ дочери, что онъ вскормилъ ее и выдалъ замужъ, а дочь отвѣчаетъ, что ему до нея уже нѣтъ дѣла: она — отрѣзанный ломоть²¹⁰). Но въ другой пѣснѣ замужняя дочь высказываетъ увѣренность, что отецъ о ней вспоминаетъ и сожалеетъ, что она, живучи у грознаго свекра, рано встаетъ и горько плачетъ²¹¹). Что касается до братьевъ, то дружескія отношенія ихъ въ

„Але если-сь спва пташка зозуленька—лети въ зеленъ лѣсъ кувати.
(Голов. I. 193—194).

205) Та мій братичокъ по дворику ходить и лучокъ натягае,
И на садъ поглядае, та на тую зозуленьку (Чуб. V. 748).

206) Якъ взяла кувати, жалбно спѣвати,
Ажъ ся взяли въ землѣ луги калиновы видѣ голосу розлѣгати.
(Голов. I. 193).

207) А матенька сидить у виконько глядитъ, съ своимъ сыномъ розмовляє:

— Та не бій, мій сыночку, та тои зозули, що на крайній черешенци,

Та той зозулоньци, якъ мой дочци, у чужой стороньци;

Та посыпъ, сыну, жемчужного проса, нехай вона надзѣвбається,

Та поставъ, сыночокъ, водици кубочокъ, нехай вона напьється.
(Чуб. V. 748—749).

208) Уже нагостилась, уже набарилась у своїй матюнки въ гостяхъ,
Та треба думати, та треба гадати: часъ-пора до дому спати.
(idid. 749).

209) Голов. I. 196.

210) — А я тебе не знаю, не знаю,
Що ты гукаешъ сюды та сюды.

„Чи не я тебе годувавъ,

Чи не я тебе замижъ давъ?“

— Та одризана скиба одъ хлиба—

Та теперъ мени нема дѣла (Чуб. V. 760).

211) Ой далеко, далеко мій батенько одъ мене,
Ой хочъ же винъ далеко, таки мене спомъяне,

замужней сестрѣ выражаются тѣмъ, что они прибываютъ къ ней въ гости и она ихъ радушно угощаетъ ²¹²).

Часто неудачное и тяжелое положеніе замужней женщины происходитъ оттого, что, вышедши замужъ, она не сходится съ мужниной семьей и родней. Вообще житье въ мужниной семьѣ не то что прежнее житье у родителей. Тутъ не стануть баловать ее какъ отецъ и мать, которые берегли ея совѣ ²¹³), здѣсь напротивъ и свекоръ и свекровь и золовки всѣ укоряютъ ее за сонливость ²¹⁴). Если мужъ добръ и не хочетъ бить жены, какъ ему совѣтуютъ родные, то притворно показываетъ къ ней суровость въ угоду своей семьѣ ²¹⁵). Самымъ суровымъ существомъ изображается «свекруха» (свекровь). Въ пѣсняхъ — это настоящая мегера, и мы не помнимъ пѣсни, гдѣ бы свекровь являлась съ привѣтливымъ и дружелюбнымъ отношеніемъ къ невѣсткѣ. Живучи въ согласіи и въ любви съ мужемъ, жена жалуется ему, что она никакъ не можетъ угодить его матери ²¹⁶).

Таки мене спомъяне й дитяткомъ назове:

Ой дѣ-сь мое дитятко у тій чужій сторони,

У чужого батенька, у грозного свекорка,

Встае вона раненько, плаче вона ревненько (Чуб. V. 763).

²¹²) Браты мои, браты, сиви соколоньки,

Прибывайте та до мене ой хоть въ гостиноньку.

Настою я горилочки у зеленій пляшци:

Съ перцемъ, изъ вербенцемъ, съ своимъ щирымъ сердцемъ
(Чуб. V. 761).

²¹³) Ой спи, доненько милая!.. (Чуб. V. 701).

²¹⁴) У насъ невестка не робитница,

Сонливая да дремливая,

На дѣлечко лѣнивая (Чуб. V. 700, 727).

²¹⁵) А великая семья,

Мого мужа бранить,

Що не хоче мене бить;

А мій мужъ говорить:

„За що мени жинку бить:

„Вона дѣло мени робить!“

Ой хочъ бивъ, хочъ не бивъ, ■

Абы семью звеселивъ.

Ой бивъ по стини,

Та казавъ—по жони (Чуб. V. 702).

²¹⁶) Яжъ тобі, миленькій, не скажу:

Твоей матери не вгожу

Напечу хлиба—не вдачный,

Наварю борщу—не смашный,

Если невестка взята изъ бѣдной семьи, тутъ представляется поводъ злой свекрови издѣваться надъ невесткою. Она рано будить ее и говорить съ проніей, что время доить коровъ, которыхъ она пригнала отъ родителей, и гнать въ поле овецъ, полученныхъ отъ матери ²¹⁷). Невестка отвѣтитъ, что если она не пригнала съ собою коровъ, то и не застала ихъ въ новомъ дворѣ своемъ ²¹⁸), и при этомъ замѣтитъ, что она не силовала ея сына брать ее себѣ въ жену ²¹⁹) и не стояла у ней на порогѣ, упирашивая, чтобъ ее взяли въ семью безъ коровъ ²²⁰). Свекровь грубо приказываетъ ей не раскрывать рта и грозитъ ударить ее пестомъ въ зубы ²²¹). Невестка скажетъ ей, что свекровь не дала ей зубовъ и выбивать не будетъ ²²²), а свекровь на это произнесетъ угрозу ударить ее кочергою и заставить собирать свои зубы. — У кочерги два конца — скажетъ тогда невестка, — будемъ мѣрять себѣ зубы ²²³)! Такую картину домашнихъ дразгъ рисуютъ намъ народныя пѣсни. При скудости средствъ, при тяжелой работѣ въ бѣдномъ крестьянскомъ быту ²²⁴).

Помажу коминъ—не било,
Помыю ложки—не въ дило,
Да принесу водици—розливае,
Да помыю лавочки—не сяде,
Постелю постѣль—не ляже,
Спытаю дила—не скаже! (Чуб. V. 690).

²¹⁷) Выйшла свекруха та невестки будити:
„Уставай, суко, корову доити,
„Уставай, невихно, вставай, молодая,
„Подій коривки, що одъ батенька нагнала,
„Про жени й овечки, що ненька надавала (Чуб. V. 693. Ср. Голов. I. 192).

²¹⁸) Хоть я не нагнала дакъ и въ васъ не застала (ibid.).

²¹⁹) Я твого сына не силовала брати (Чуб. V. 694).

²²⁰) Я жъ тобі, свекрухна, у порога не стояла,
Що бъ ты мене да безъ коровокъ брала (Чуб. V. 697).

²²¹) Мовчи, невестко, не роздзявляй губы,
Яхъ ухвачу м'яло, выбью тобі зубы (Чуб. V. 696).

²²²) Не дала зубивъ, не будешъ выбивати! (ibid.)

²²³) „Та цыть, невестко, та не роспускай губы,
Якъ бачишъ коцюбу, то позбираешъ зубы“.
Я молоденька умила отвить дати:

— Въ коцюби два конци, будемо зубы мряти (Чуб. V. 698).

²²⁴) Дала мене мати замужъ,
Дала мени горе заражъ:

при постоянной воркотнѣ свекрови, а иногда и свекра²²⁵), понятно почему прежде красивая дѣвица, вышедши замужъ, худѣетъ и дурнѣетъ лицомъ²²⁶) и приходитъ въ уныніе²²⁷).

Злоба свекрови рѣзко выражается въ пѣсняхъ, гдѣ изображаются трагическія событія, происходившія въ семейной жизни и оставившія по себѣ память въ произведеніяхъ народнаго творчества. Вотъ, напримѣръ, въ одной пѣснѣ, довольно распространенной, мать подстрекаетъ сына истязать свою жену²²⁸). Сынъ, исполняя материнскій совѣтъ, заводитъ жену ночью въ комору и, не смотря на ея трогательныя моленія, бьетъ ее до того, что она вся посинѣла и къ свѣту испустила дыханіе²²⁹). Мать съ своимъ обычнымъ свекрушничьимъ ворчаніемъ является будить невѣстку и звать ее доить коровы, но сынъ блѣдный отъ ужаса говоритъ матери, что теперь уже придется ей са-

Треба мени рано встати,
Хату мести, сини мести,
И до плуга ѣсти нести (Чуб. V. 719).

225) Вчора зъ вечора мене свекоръ бивъ,
А побивши мене у шинокъ пойшовъ,
А въ шинку сиди, похваляється,
Що добре бити а чуже дитя,
Що не лається, не змагається,
Тільки слизюньками обливається (Чуб. V. 692—700).

226) Якъ я була въ батенька молодаа,
Да тоди я водици набирала въ новім видерця.
И билее да личенько умывала;
А якъ пійшла до свекорка,
Да стало мени билило не мило,
И билее личенько почорнило (Чуб. V. 722).

227) Ой пійду я лисомъ боромъ,
Да стану я пидъ яворомъ:
Шумить яворъ зелененькій,
Пропавъ мій викъ молоденькій! (Чуб. V. 718).

228) Пійди, сыну, на ярмарокъ лишки,
Куни мени ремняны вижки
А ще къ тому и дротяну нагайку
Та бій суку зъ вечора до ранку! (Чуб. V. 727).

229) Изъ-вечора да комора звенила,
А пидъ цивничъ мила говорила:
„Не бій, милый, по-головци больно.
„Не марай билон постели въ кровь!“
Пидъ билый свить милая не жива,
Лежить мила якъ ожина синя!
Стоить милый якъ полотно билый (Чуб. V. 730).

мой при старости донть корову, а ему пусть даетъ совѣтъ, куда схоронить убитую жену²³⁰). По однимъ вариантамъ этой пѣсни, мать даетъ совѣтъ сыну скорѣе бѣжать въ чужой край²³¹), по другимъ — похоронить трупъ жены подъ половицей въ горенкѣ²³²). Сынъ не принимаетъ ни того²³³), ни другого совѣта²³⁴) и отдаетъ себя въ руки правосудія²³⁵). Оставленная дома мужемъ жена подвергается отъ свекрови побоямъ и оскорбленіямъ. Козакъ, возвратившись домой, спрашиваетъ матери: гдѣ его Настуся? Мать сначала отлыгается, говоря, что она въ саду, въ хатѣ, пошла за водою, но когда козакъ вездѣ побывалъ и не нашелъ своей Настуси, мать объявила, что увидить ее завтра на лавкѣ, т.-е. мертвую. Свекровь говоритъ, что заколотила ее за то, что невѣстка не называла ее родною матерью²³⁶). Въ другой пѣснѣ о донцѣ (а по галицкому варианту — о кременюшкѣ), рассказывается, что мать, которой дается эпитетъ черной га-

226) Пійшла мати невестки будити:
— Вставай, суко, корову доити.
„Ще ты, мати, сама не старая,
„Да подоишь коровы й самая.
„Мати моя, мати, дорадниче въ хати,
„Дорадила, якъ жинку карати,
„Теперь дорадь, де ин сховати!“ (Чуб. V. 729).

231) — Сидлай, сыну, ворону кобылу,
Тикай, сыну, у чужу краину (Чуб. V. 729).

232) Пійди, сынку, въ горняку новую,
Зорви, сынку, нову полюстоньку
Та сховаемъ чужую дитину (Чуб. V. 734).

233) Ой нѣкуды, мати, и утикати,
Якъ заробивъ требаи одвичати (Чуб. V. 732).

234) Нельзя, мати, чуже дити ховати,
Треба, мати, людямъ заявляти (Чуб. V. 734).

235) На милую домовину тешуть,
А милого въ три нагайки крешуть,
А милую въ гробъ опускають,
А милого въ Сибирь провожають.
„Бодай тобѣ, мати, такъ важко конати,
„Якъ теперь мени вику доживати!“ (Чуб. V. 732).

236) „„Прійди завтра вранци—побачишь на лавци!“
— Мати жѣ моя мила, чимъ Настусю била?
„Била качалкою, що бѣ звала маткою,
„Била кочергою, щобъ звала ридною (Чуб. V. 724).

дины²³⁷), встрѣтивши воротившагося изъ похода сына, сообщила ему, будто жена его вышла безъ него замужъ за другого, оставивши дѣтей сиротами и опустошили домъ его²³⁸). Донець, повѣривши на слово матери, отрубилъ женѣ голову²³⁹), но, прибывши домой, увидалъ совсѣмъ не то, что говорила мать его. Тогда онъ разразился проклятіемъ: мать моя, змѣя черная! Сожрала ты солнце, сожри и мѣсяцъ, и частыя звѣздочки, мои милыя дѣтушки!²⁴⁰) (Ср. великорус. Кирѣевск. В. VII. 34—36).

Въ другой пѣснѣ, свекровь, не терпя неvěстки, угощаетъ воротившагося изъ похода сына виномъ, а неvěсткѣ подносить смертельной отравы. Сынъ, догадавшись, пьетъ самъ половину того, что было предназначено одной женѣ его²⁴¹). Сына похоронили подъ церковью, неvěстку подъ колокольнею, на могилѣ сына выросъ яворъ, на могилѣ неvěстки тополь²⁴²) или береза²⁴³): вершины деревьевъ стали склоняться другъ къ другу;

(237) Прилипла къ нѣму черна гадина;
То не гадина—то мати ѣго (Чуб. V. 734—735).

(238) Ой уже твій двіръ испустошений,
Вже твоя жінка за-мижъ пішла,
Вже твої дѣти посиротили,
Вже твої слуги безъ пана живуть,
Вже твої жупани поношені,
Вже твої меда одпечатані (Чуб. V. ibid. Максим. изд. 1827. 41).

(239) Зустріла ѣго жона молода.
Ой якъ вихопивъ да гостренькій мечъ
Да изнявъ жѣнцѣ головку изъ плечъ (Макс. ibid.).

(240) Ой мати моя, моя мати,
Ты не мати—черна гадина,
Злила сонце, злижъ и мисяця,
Злижъ и зирочки — дрибнѣ диточки! (Макс. изд. 1827. 42. Чуб. V. 735).

(241) Да частує сына горилкою,
Молоду невістку отрутою...

Вийшмо, жінко, да по половинці,

(242) Що бъ насъ поховали въ одній домовинці (Чуб. V. 711).

(243) Поховали сына та підъ церквою.
Нелюбую невістку підъ давинницею,
Посадили надъ синомъ зеленій явіръ,
На невістоньці—білу тополь (Чуб. V. 718).

(244) Та на синові яворъ зеленіє,
А на невісточці береза біліє (Чуб. V. 712).

могилы стали присовываться одна къ другой. Стала тогда убійца-мать раскаиваться въ своемъ злодѣяніи ²⁴⁴) (ср. великорус. Онежск. Был. Гильфердингъ, 1873, стр. 155).

Есть пѣсня, очень похожая по строю на предшествовавшую, но содержанія фантастическаго. Злая свекровь отправила своего сына козака въ походъ, а невѣстку послала въ поле брать ленъ и дала ей заклѣтіе не возвращаться домой, а остаться навсегда въ полѣ, превратившись въ дерево, по однимъ вариантамъ, въ тополь ²⁴⁵), а по другимъ, въ рябину ²⁴⁶), въ грабъ ²⁴⁷) или просто въ былинну ²⁴⁸). Сынъ, возвращаясь домой, увидалъ на своемъ полѣ невиданное прежде дерево, которое стало склоняться передъ нимъ, когда онъ проѣзжалъ мимо него ²⁴⁹). Пріѣхавши домой, онъ объявилъ матери объ этомъ, а мать приказала ему срубить дерево ²⁵⁰). Но когда сынъ, исполняя материнское приказаніе, ударилъ дерево топоромъ первый разъ — оно зашумѣло ²⁵¹), когда ударилъ въ другой разъ — изъ дерева брызнула кровь ²⁵²), а когда ударилъ въ третій разъ — оно произнесло:

²⁴⁴) Ставь же той явиръ та приживатися,
До теи тополи та прихилатися,
Стали ихъ могилы та присуватися (Чуб. V. 718).
или:

Гилька до гильки схиляється,
Мати за дѣтьми да побивається:
„Коли бъ я була знала, то дітей не труила,
Свого серденька да не печалила“ (Чуб. V. 712).

²⁴⁵) Не выберешъ лёну, не вертайся до дому,
Ой стань у поли тонкою тополею! (Чуб. V. 710).

²⁴⁶) Да я стань у бору ребиною,
Ой ребиною кудрявою, кудрявою, кучерявою! (Чуб. V. 706).

²⁴⁷) Да я стань у поли грабиною,
Тонкою та високою, кудрявою, кучерявою! (Чуб. V. 710).

²⁴⁸) Стань собі въ поли былинною,
Былинною кудрявою, кучерявою! (Чуб. V. 707).

²⁴⁹) Ой якъ ихавъ миленькій съ пути-дорожки,
Клонила былинка коню въ ножки! (Чуб. V. 705).
тополинка

²⁵⁰) Ой визьми, сынку, гострую сокиру,
Да зрубай въ поли тонку тополинну (или былинну). (Чуб. V. 705. 710).

²⁵¹) Ой цюкнувъ разъ першій — вона зашумѣла (ibid. 710).

²⁵²) Другій разъ цюкнувъ — кровь дзюрнула (ibid.).

не рубай меня, я твоя милая. Намъ надѣлала такой бѣды матушка твоя ²⁵³) (ср. великор. Кирѣевск. В. VII. 26).

Въ иной пѣснѣ злая свекровь посылаетъ невѣстку, по имени Ганну, въ воскресный день жать въ полѣ, и тѣмъ заставляетъ ее совершить грѣхъ, по народному воззрѣнію очень тяжелый. Послушная невѣстка работала до вечера и воротилась, оставивши, по забывчивости, въ полѣ своего ребенка. Свекровь сама напомнила ей о ребенкѣ; Ганна побѣжала за нимъ, но ей на встрѣчу летитъ соколъ и сообщаетъ, что ея ребенка растерзали хищныя животныя, которыя въ смыслѣ ироніи называются няньками ²⁵⁴). Тогда въ отчаяніи мать прикладываетъ ножъ себѣ къ сердцу и упрекаетъ свекровь, что она наложила на себя три грѣха: первый за младенца, второй за невѣстку, третій за воскресный день ²⁵⁵).

Къ ожесточенію противъ злой свекрови присоединилось народное суевѣріе о вѣдьмѣ, летающей по воздуху и мечущей изъ себя пламя. Жестокая свекровь въ наказаніе невѣсткѣ за то, что она, шивши, задремала, заставила ее большимъ ведромъ носить воду и молоть сырую пшеницу. Когда мужъ, узнавши объ этомъ, пошелъ освободить жену свою отъ такого утомительнаго труда, вдругъ увидали они оба свекровь, которая налетала на

²⁵³) Третій разъ цюкнувъ—промовила:
— Не рубай мене, бо я твоя мила,
То твоя матуся такъ намъ поробила (ibid.).

²⁵⁴) Бигла Гандзя, бигла густыми лозами,
Здыбалася она зъ трома соколами.
— Ой вы, соколоньки, въ полю литали,
— Дитины мои чи съ да не видали?
„Ой тамъ твою дитину няньки колысали,
„Они твою дитину на три штуки рвали (Чуб. V. 722).
или (по другому варианту):

„Одна нянька очки выбирае,
„Друга нянька головоньку ськае,
„Третья нянька й кишечки мотае (Чуб. V. 721).

²⁵⁵) Приложила ножикъ до своего серденька:
— Теперь ты, мамцю, ажъ три грихи маешь,
Еденъ грихъ маешь за дитину малую,
Другій грихъ маешь за Гандзю молодую,
А третій грихъ—за недилоньку святую! (Чуб. V. 722).

нихъ: пламя исходило изъ ея устъ, а дымъ изъ поздрей ²⁵⁶). По другому варианту этой пѣсни, невѣстка превращается въ змѣю, а мужъ ея въ камень; вѣдьма опускается на камень и проклинаетъ себя за то, что разогнала дѣтей отъ себя ²⁵⁷).

Такими вымыслами утѣшали себя женщины, терпѣвшія отъ суровости свекровей. Въ Галичинѣ поется пѣсня, въ которой рассказывается, что молодецъ, уѣхавши на семь лѣтъ воевать, поручилъ свою Марусеньку родной матери своей, но свекровь обращалась съ ней совершенно противно тому, какъ хотѣлъ и просилъ ее отъѣзжающій сынъ ²⁵⁸). Отъ такого обращенія она умерла. Когда сынъ возвратился и не нашелъ жены, мать объявила ему, что она скончалась. Тогда сынъ отправился къ могилѣ жены и спрашивалъ ее: оставаться ли ему вдовцомъ или искать снова жены? Умершая отвѣчала: «Я не запрещаю тебѣ, но твоя мать—чародѣйка, она погубить чарами и другую, какъ погубила меня, накормивши лютыми ящерицами. Вдобавокъ она не наняла звонить по мнѣ, чтобы мнѣ было тяжело въ могилѣ лежать!» ²⁵⁹).

Пѣсень о насильственной смерти жены по винѣ мужа не мало. Въ одной, очень распространенной, старой пѣснѣ, жена

²⁵⁶) „Глянь, Василю, бижуть твоя мати,

„Зъ ѣи рота поломячко пыше,

„Зъ ѣи носа дымъ кужелемъ иде!“ (Чуб. V. 703).

²⁵⁷) — Зкидай-сь ты, Домно, гадюкою,

— А я молодъ да билымъ каменемъ стану.

Якъ летила, на камени сила:

„Бодай же я на вики пропала,

Якъ я своихъ дитокъ розигнала!“ (Чуб. V. 704).

²⁵⁸) Голов. I. 76.

²⁵⁹) „Ой, матусю-матусенько, где съ ми дѣла Марусеньку?“

— А вже въ гробѣ, сынку, лежить, та на охрестъ ручки держитъ!

Ой та пійшовъ Ивасенько на Марусичинъ гробъ,

Да уклѣкъ же Ивасенько Марусѣ до ногъ:

„Чи кажешъ ми, Марусенько, чи кажешъ ся женити?

„Чи кажешъ ми, Марусенько, вдивцемъ ходити?

— Ахъ я жъ тобѣ, Ивасеньку, та й не бороню...

— Твоя мати чаривниця старує и тоту.

— Якъ вона мя Ивасеньку та й счаровала,

— Лютыми мя ящурами нагодувала,

— Не наймала, Ивасеньку, менѣ звонити,

— Щобы менѣ, Ивасеньку, тяжко лежати! (Голов. I. 77).

просить мужа не бить ее по головѣ, иначе она умретъ и ему не съ кѣмъ будетъ жить ²⁶⁰). Затѣмъ слѣдуютъ просьбы похоронить ее въ буковомъ (а въ другихъ вариантахъ—въ кедровомъ) гробѣ, надѣть на нее дорогую покупную сорочку, но мужъ отвѣчаетъ, что негдѣ будетъ взять такого дорогого матеріала и будетъ она лежать въ посконной сорочкѣ въ сосновомъ гробѣ. Наконецъ, она проситъ похоронить ее въ саду, посадить ей въ головахъ калину, а въ ногахъ барвинокъ, и когда онъ будетъ женить сына, то прійдетъ на ея могилу за калиною, а когда станетъ выдавать замужъ дочь, то прійдетъ туда рвать барвинокъ ²⁶¹). Вотъ восходитъ солнце. Вдовецъ ходитъ съ дитятью и вызываетъ къ умершей: встань, милая, встань, дорогая! расплакался нашъ ребенокъ!—Пусть плачетъ,—отвѣчаетъ умершая изъ могилы, онъ перестанетъ, а матушка во вѣки не встанетъ ²⁶²). Часто въ пѣніи пѣсня этимъ и оканчивается, но иногда къ этому прибавляется еще и такая картина: по саду ходитъ мужъ уже со второй женой и вторая жена спрашиваетъ: что это за могила въ саду, а узнавши, что тамъ погребена первая подруга ея мужа, съ презрѣніемъ говоритъ, что не слѣдовало ее хоронить въ саду, а надобно было бы, завернувши въ худую простыню, отвезти въ поле и тамъ похоро-

²⁶⁰) Ой тамъ мила зъ милымъ говорила:
— Ой ты, милый, ты мій милый друже,
Не бій мене въ головоньку дуже,
Якъ ты будешъ въ головоньку бити,
Ой я умру, зъ нимъ ты будешъ жити! (Чуб. V. 631).

²⁶¹) — Выкопай же мени глыбоку могилу,
Посади въ головкахъ червону калину,
А въ ниженькахъ хрещатый барвинокъ.
Ой якъ ты будешъ та сына женити,
Прійдешъ до мене калины ламати.
Ой якъ ты будешъ дочку отдавати,
Прійдешъ до мене барвиночку рвати. (Чуб. V. 632. 367. 365).

²⁶²) А въ неділю рано якъ сонечко сходить,
Милый по садочку зъ дитиною ходитъ:
„Ой устань, мила, устань, дорогая,
„Росплакалась дитина малая!“
— Нехай плаче, вона перестане,
— А матівка до віку не встане! (Метл. 267. Чуб. V. 632).

нить ²⁶³). Мужъ сердится на свою вторую жену за такую вы-
ходбу ²⁶⁴).

Другой мужъ жестоко и язвительно обращается съ женою ²⁶⁵),
потомъ еще издѣвается надъ нею, спрашивая: не причинилъ ли
онъ вреда ея здоровью побоями? Получивъ отрицательный отвѣтъ,
произнесенный отъ страха ²⁶⁶), онъ ведетъ ее на крутизну и
сбрасываетъ ее оттуда въ воду ²⁶⁷).

Какъ на общезвѣстную пѣсню, содержащую разсказъ о
насиловственной смерти жены, укажемъ на пѣсню о Немеривнѣ
или Лемеривнѣ. Какая-то Немериха (или Лемериха) пропила
свою дочь какому-то Шкандыбенку ²⁶⁸). Но сама дочь не любила
Шкандыбенку, и когда онъ привезъ ее къ себѣ, она ушла отъ
него пѣшкомъ ночью и притомъ босикомъ. Шкандыбенку по-
гнался за нею и сталъ выговаривать: развѣ у него нѣтъ лоша-
дей, черевиковъ, дорогихъ одеждъ, что она уходитъ отъ него
пѣшкомъ, босикомъ и въ простой мужичьей свиткѣ? Немеривна
отвѣчаетъ, что все это есть, да только принадлежитъ ему, а

²⁶³) — Було обертиты въ подрану раднину,
— Було ѣи вывезти у степъ на долину (Метл. 268. Чуб. V. 632).

²⁶⁴) „А що бъ же ты, жинко, того не диждала,
Що бы моя перша на степу лежала!“ (Метл. 268).

²⁶⁵) Ой взявъ свою миленькую,
За рученьку бѣленькую,
Повивъ ѣи въ комибочку,
Положивъ милу въ постилочку;
Самъ укрывся колушками,
Милу укрывъ кулачками,
Самъ укрывся свитиною,
Милу укрывъ дубиною (Чуб. V. 632—633).

²⁶⁶) „Чого съ моя миленька поблидла?
„Чи якъ тебе по личеньку вдаривъ,
„Чи я тобі здоров'ячка вмаливъ?“
— Ой ты жъ мене по личеньку не вдаривъ,
— Ой ты жъ менѣ здоров'я не вмаливъ (ibid. 633).

²⁶⁷) Повивъ ѣи та на крученьки:
Тай кинувъ ѣи та изъ крученьки:
— Плыви, мила, за водою—
Горе мени жить зъ тобою! (ibid.).

²⁶⁸) Пила, пила Немериха на меду,
Да пропила свою дочку молоду (Чуб. V. 625. Метл. 284. Макс.
изд. 1827. 77. Голов. III. 15).

не ей, а онъ самъ ей не по сердцу ²⁶⁹). Тогда онъ хватаетъ ее на коня и везетъ посреди терновника ²⁷⁰), а по другому варианту, она побѣжала сама въ терновники, и онъ погнался за нею на лошадахъ ²⁷¹). Она попросила ножа вынуть терновыя иглы, заповившіяся ей въ ноги, но ударила имъ себя въ сердце, предпочитая смерть житью во дворѣ Шкандыбенка ²⁷²). Тогда Шкандыбенко привозитъ ее къ тещѣ и съ ироніей вызываетъ ее принять опьянѣвшую дочь. Отъ чего она упиалась? спрашиваетъ теща. Упиалась отъ терна, а заснула отъ ножа — отвѣчаетъ зять ²⁷³).

Въ Галичинѣ поется нѣсколько пѣсенъ объ убійствѣ жены мужемъ, относящихся къ мѣстнымъ событіямъ *). Такова пѣсня о Якимѣ, который связался съ какою-то вдовою и по ея наущенію ²⁷⁴), сталъ бить жену и, не смотря на ея жалобныя просьбы о пощадѣ ради ея молодости и малаго ребенка, заколотилъ ее кулакомъ до смерти, а потомъ затянулъ подъ лавку и при-

²⁶⁹) Та й самъ, молодъ, не до мыслоньки мени (idid.).

или:

А ты, молодъ, не до красы до моей (Голов. III. 16).

²⁷⁰) Якъ узавъ винъ Немеривну на коня,

Та й потащивъ Немеривну по тернахъ! (Чуб. V. 626. Макс. изд. 1847. 78).

²⁷¹) Ой побигла Лемеривна тернами

А за нею Шкандыбенко конями (Метл. 285).

²⁷²) „Ой дай мени Шкандыбенку острый ніжъ,

„Повыймаю чорный терень зъ билыхъ нигъ!“

Не выйняла чорныи терень зъ билыхъ нигъ,

А встромила проти сердца острый ніжъ (Чуб. V. 626. Метл. 285. Макс. 78).

²⁷³) Привизъ ти Шкандыбенко до тещеньки въ двиръ:

„Ой одчиний, моя тещенько, ворота,

Їде къ тобѣ дочка твоя пьяненька.

— Ой одъ чого, мій зятеньку, впиалася?

Ой одъ чого дитя мое заснула?

„Упиалася, моя тещенько, одъ терна,

А заснула, моя тещенько, одъ ножа (ibid.).

*) Подобнаго содержанія польскія пѣсни для сравненія см. у Kolb. 5.1.

85—16.

²⁷⁴) Ой учера изъ вечера, ще куры не пѣли,

Прийшовъ Якимъ до вдовоньки, люде не видѣли.

„Добрый вечеръ, Марисенько, добрый вечеръ, сердце!“

Вона ему одповѣла: забій жинку перше! (Голов. I. 56. III. 20).

крылъ платками ²⁷⁵). По наущенію той же вдовы, похоронивши убитую жену, злодѣй скоро почувствовалъ, что ему неудобно жить безъ жены ²⁷⁶), а вдова, искусившая его на злодѣяніе, отвернулась отъ него ²⁷⁷) и Якимъ, напившись пьянъ въ корчмѣ, клялъ вдову Марисю за то, что она лишила его жены ²⁷⁸).

Другая пѣсня о какомъ-то Кулиничѣ Степанѣ, который убилъ свою жену, дочь какого-то Прокопа. Несчастливая молила его пощадить ее, говорилъ, что ей съ нимъ жить мило, но злодѣй въ отвѣтъ на такія мольбы обѣщаетъ истязать ее и исторгать у ней глаза; она пыталась дать знать своей матери, чтобъ та поспѣшила спасти ее—все напрасно. Мужъ зарубилъ ее топоромъ и сообщилъ о томъ своей матери. Мать дала ему совѣтъ скорѣе бѣжать въ чужой край ²⁷⁹). Панъ экономъ отправилъ за нимъ въ погоню козаковъ. Напрасно мать хотѣла подкупить

²⁷⁵) Прійшовъ Якимъ до домоньку тай взявъ жинку бити,
Катеринка якъ зозулька взяла ся просити.

„Не жалъ же ми, Якимоньку, щомъ ся не нажила,

„Тільки ми жалъ, Якимоньку, що мала дитина.

Ой ударивъ у грудоньки, решту кулаками,

Дай затягнувъ пидъ лавицю, да накрывъ платками (ibid.).

²⁷⁶) „Нема жъ моєи Катеринки випрати сорочку! (Голов. I. 56).

²⁷⁷) Не дає ся Марисенька личка цѣлувати (ibid.).

²⁷⁸) Прійшовъ Якимъ до корчмоньки, напився горѣвки,
Выкрикає на Марисю: збавилась ми жинки (ibid.).

²⁷⁹) Чи чулы вы, добри люде, таку новиночку,

Ой що забивъ Кулиничъ сынъ Прокопову дочку.

Якъ винъ тѣю та й забивавъ, вона ся просила:

— Не бій мене, Степаночку, ще-мъ ся не нажила!

— Не бій мене, Степаночку, ты мій чорнобривый!

— Ой бо менѣ, Степаночку, съ тобою свѣтъ милый!

„Буду, мила, тя рѣзати, буду пробивати,

„Буду твои чорни очи на нижъ выбирати.

„Не нажилась ся, негідна, и не будешъ жити;

„Ой пійдешъ ты еще нынѣ въ сыру землѣ гнити“.

— Бѣгай, хлопче, бѣгай, малый, дай до неньки знати,

— Ой най же ми вна не дає марно загинати!

Ой якъ порвавъ ю Кулиничъ за бѣлыи руки,

Вточивъ въ нею сокироньку, задавъ їи муки.

Прійшовъ Степанъ до домочку, та й взявъ повѣдати:

„Заризавъ емъ, мати, жинку, що маю дѣяти?“

— Ой утикай, мій сыночку, въ чужу стороночку,

— Що бы тебе не зловили на лиху долѣчку! (Голов. I. 57).

ихъ ²⁸⁰⁾. Преступника схватили и отдали на вѣки въ заточеніе ²⁸¹⁾.

Еще укажемъ на одну галицкую пѣсню. Она кажется вариантомъ приведенной нами пѣсни о Семенѣ, котораго жена, Катерина, убѣжала изъ дома, покинувши дѣтей. Но конецъ здѣсь совсѣмъ иной.

Мужъ, пахавшій въ полѣ и не дождавшійся своей жены съ обѣдомъ (здѣсь онъ называется не Семеномъ, а Андрѣйкомъ, а жена—не Катериною, а Одокією), по возвращеніи домой, не нашедши жены дома, неограничился воплями и стенаніями, какъ Семень, а погнался за бѣглянкою и нашелъ Одокію въ домѣ какого-то Круя съ сыновьями. Онъ привязалъ ее за косы къ своему коню и потащилъ съ собою. Встрѣтившіеся съ нимъ жида просили пощадить ее, но Андрѣйко замѣтилъ имъ, что они, жида, чужой вѣры, имъ какъ иновѣрцамъ въ семейныя дѣла русскихъ не слѣдуетъ мѣшаться ²⁸²⁾. Притащенная домой полуживая Одокія была положена на лавкѣ; призвали ея родныхъ и похоронили лицомъ къ землѣ ²⁸³⁾.

Поется у малорусскаго народа пѣсня, заимствованная изъ великорусскаго пѣсеннаго склада, но она значительно обтерлась у малоруссовъ и приняла много малорусскаго, такъ что, не зная въ точности ея происхожденія, можно по ошибкѣ признать ее за чисто малорусскую. Это пѣсня о разбойникѣ мужѣ,

²⁸⁰⁾ Ой нате жъ вамъ по талюру, горѣвки наійте,
Якъ найдете мого сынка, не дуже жъ го бійте!
Ой нате жъ вамъ по талюру, ще дамъ по другому,
Якъ найдете мого сынка, не ведѣть до дому! (ibid.).

²⁸¹⁾ Ой якъ злапали Степана тай руки звязали,
До тяжкої го неволи на вѣки виддали. (Голов. I. 57—58. III. 20).

²⁸²⁾ Найшовъ, найшовъ Одокійку у Круя зъ синами.
А присиливъ Одокійку до коня кисками,
Поволочивъ горѣ, доливъ, тими потоками.
Зострѣчатсе Андрѣйко зъ чотырема жида:
„А дай-ко ты, Андріечку, Одокіи жити!“
А вы, жида, не руснаки, то не наша вѣра (Голов. III. 38).

²⁸³⁾ Донесли ей до дѣмочку, поклали на лавку,
Издоймили зъ Одокійки сорочку кривавку;
Издоймили кривавочку, вволокли бѣленьку,
Та пислали по їй дѣдя, та по їй неньку.
Пислали по їй дѣдя, да по їй брата,
Поховали Одокію та доливъ лицъ хреста (ibid.).

который убилъ родныхъ жены своей и жена въ числѣ привезенной добычи узнаетъ ихъ одежды и уборы²⁸⁴). Не плачь—говорить ей разбойникъ—по отцу твоему волкъ воетъ, по матери воронъ крикаетъ, по брату вся Украина плачетъ, а по сестрѣ ты погрустишь²⁸⁵). По другому варіанту разбойникъ спрашиваетъ жену: рада ли она привезенному серебру и золоту? рада ли что онъ здоровъ воротился? Жена отвѣчаетъ, что не рада она ни серебру, ни золоту, ни его здоровью. Тогда мужъ приказываетъ закопать ее въ землю и посадить на могилѣ ея рябину, подобно тому, какъ уже надъ ея родителемъ растетъ елка, а надъ матерью—калина²⁸⁶) (подобная польская: Kolberg 5. 1. 279).

По смерти жены оставшійся вдовецъ убивается, не зная что ему дѣлать съ дѣтьми, но дѣти утѣшаютъ отца, что они подрастутъ и разлетятся по разнымъ сторонамъ, обрекая себя и на хорошее и на худое житье, смотря по тому въ какой край занесетъ ихъ судьба²⁸⁷). Хотя вдовецъ для женскаго пола

²⁸⁴) — Се жъ коники та батенька жъ мого,
Се жуланы та братика жъ мого,
Се перины та й матинки моеи,
Се спидници та й моеи сестрици (Чуб. V, 738).

²⁸⁵) По батькови сирый вовчокъ скиглить,
По матинци чорный воронъ криче,
По братику вся Украина плаче,
По сестрици сама зажурися (Чуб. V. 738).

²⁸⁶) „Ой чи рада, мила, ты золоту й сриблу,
„Ой ще чи радниша моему здоровью?“
— Ой не рада, милый, ни злоту, ни сриблу,
— А ще не радниша твоему здоровью!
„Слуги мои, слуги молодци!
Закопайте милу въ глибоку могилу.

„На батькови зелена ялина,
„На матери червона калина,
„Поставте на милу червону рябину (Чуб. V. 742).

²⁸⁷) „Диты жъ мои, сиротята, пропавъ же я зъ вами!“
— Не журися ты батьку нашъ, не журися ты нами,—
Ой якъ же мы подрастемо, розлетимось сами.
Розлетимось, розбижимось, якъ кленове листья,
Которое на Вкраину, котре на Полисся.
Которое на Вкраину, тому добре буде,
Которое на Полисся, тому горе буде!
А на тій же Украини жито да пшеениця,
А на тому та Полисся кукиль та метлиця (Чуб. V. 790).

не представляется привлекательнымъ женихомъ ²⁸⁸), но вступленіе во вторичный бракъ для вдовца дѣло кажется очень легкимъ: одинъ чрезъ недѣлю по смерти жены женился на другой ²⁸⁹). Дѣти отъ перваго брака не дружелюбно относятся ко вступленію отца во вторичный бракъ. Имъ, плачущимъ по умершей матери, отецъ говоритъ въ утѣшеніе, что онъ имъ купить три дома новыхъ и возьметъ для нихъ молодую мать. Пусть загорятся твои дома, отвѣчаютъ дѣти — пусть пропадетъ молодая мать! Не говори намъ, чтобъ мы звали ее матерью! Тебѣ она будетъ женою, а намъ не будетъ родимой матушкой ²⁹⁰). Женившись на второй женѣ, современемъ самъ онъ почувствуетъ, что его положеніе плохое: разгонитъ онъ дѣтей отъ перваго брака и не соберетъ къ себѣ, хотя бы и хотѣлъ ²⁹¹).

(188) Бо я вдовцю, скурвому сыну, не вмю годити,
Винъ мене буде, моя мати, безъ причиньоньки бити (Чуб. V.
793—794).

²⁸⁹) А въ субботу заслабила,
Въ недилу лежала,
Въ понедилокъ умерла,
Въ вивторокъ ховали,
Въ среду плакали,
Въ четверъ журився,
Въ пѣятницю голився,
Въ субботу сватався,
Въ недилу звинчався (Чуб. V. 794).

(290) „Ой не плачте, дити, не плачте сириты,
„Куплю я вамъ, дити, три дома новыи,
„Возьму я вамъ, дити, матиръ молодую“.
— Нехай тоби, тату, дома загоряться,
— Мати молодая нехай пропадае!
— Тоби, тату, мати дружиною буде,
— А насъ, тату, мати далеби забуде!
— Було бъ тоби, тату, сѣго не казати,
— Якъ намъ твою жинку матерью звати (Чуб. V. 792 793).

²⁹¹) Да лучше жѣнка шершая,
А нѣжъ тая другая.
Изъ першою дѣти мавъ,
А зъ другою розитнавъ!
„Да идѣтъ, дити, служити,
„Чѣмъ мачусѣ годити!“
Да одинъ пійшовъ до попа,
Другой пійшовъ до жида,
Третій пійшовъ до пана—
Щобъ мачуха пропала!

Положеніе вдовы изображается въ пѣсняхъ грустнымъ. Въ былыя бозакія времена женщина, оставшись съ дѣтьми, не знаетъ гдѣ мужъ и что съ нимъ творится. Идетъ она по полю съ малымъ ребенкомъ, садится опочить и разговариваетъ съ луговыми цвѣтами²⁹²). Вдругъ летитъ орелъ и приноситъ вѣсть, что онъ пожираетъ ея мужа²⁹³). Умирающій въ чужой сторонѣ бозакъ поручаетъ товарищамъ сказать женѣ, чтобъ она не ждала его, а выходила замужъ: если ей хорошо будетъ, то она забудетъ о немъ²⁹⁴). А она ждетъ мужа, ея мужа нѣтъ, ведутъ его коня²⁹⁵), везутъ его тѣло. Она чувствуетъ, что дѣти ея стали сиротами, а у слугъ нѣтъ болѣе господина²⁹⁶). Го-

Ходитъ батько по валу,

Кличе дѣтей до-дому:

„Да идѣть, дѣти, до-дому,

„Не буде вамъ розгону!“

— Живи, тату, якъ Богъ давъ:

— Коли ты насъ розигнавъ,

— Мы будемо служити

— По матери тужити! (Мабс. изд. 1834. 164. Голов. III. 141).

292)

Пійшла вдова долиною,

Зъ маленькою дитиною,

Пійшла вдова все садами

Розмовляла зъ билыми цвѣтами.

„Цвѣты мон, биленьки прекрасны,

Дѣти мои маленьки безчастны! (Чуб. V. 806).

293)

Летитъ орелъ по-надъ горою,

Розмовляє зъ бидною вдовою:

— Не плачь, вдова, не журися,

Бо я твого мужа знаю,

Тричи на день одвидаю:

Ой першій разъ обидаю,

А другій разъ полудню,

А третій разъ вечерю,

На чорный чубъ наступаю,

Зъ лоба очи колуваю (Чуб. V. 806—807).

294)

„Нехай вона мене не жде,

Нехай за мижъ иде,

Бо вона мене не диждеться,

Тилько горя-биды набереться.

Якъ їй добре буде

То мене и забуде! (Чуб. V. 808—810).

295)

Чужи мужи изъ полку идуть,

А мого мужа коня ведутъ (Чуб. V. 808)

296)

„Чужи паны изъ похода идуть,

„Твого пана тильки тило несуть,

рестъ вдовы выражается такими чертами: она засѣяла поле своими думами, покорила его слезами, какъ рососою. Чтó ей въ молодости, когда нѣтъ счастья. — Или моя доля въ огнѣ сгорѣла или въ водѣ утонула ²⁹⁷)! Она припадаетъ къ могилѣ мужа, своего хозяина, и желала бы, чтобъ земля, принявшая ее милого, приняла и ее съ нимъ ²⁹⁸). Если у ней есть малыя дѣти, она не соберется съ мыслями, что дѣлать съ ними? Не бросить же ихъ въ крапиву ²⁹⁹). Пока онѣ малы — малое съ ними горе, а горше матери станетъ, когда дѣти подрастутъ ³⁰⁰). Не плачь, не унывай, вдова, вѣщаетъ ей какой-то утѣшительный голосъ. Богъ будетъ помогать и кормить твоихъ сиротъ ³⁰¹). О матушка лебедушка — говорятъ бѣдной вдовѣ дѣти, воспитай насъ хоть не долго, мы подрастемъ и разлетимся, тебя, матушка, покинемъ ³⁰²). Ей представляется, что она будетъ когда-то просить

— Уже жъ бо я зовсимъ удова,

— Дѣти жъ мои да сиротята,

— Слуги мои да безъ пана живутъ! (ibid. 834).

²⁹⁷) Засѣяла бѣдна вдова мыслоньками поле,

Черными очима та й заволочила,

А дрибными слизоньками все поле зросила.

Що жъ по моей молодости, я счастья не маю;

Доле моя, доле! Где жъ ты ся подѣла?

Чи ты въ Дунай утонула, чи въ огнѣ згорѣла? (Голов. III. 325).

²⁹⁸) Къ сырїи земли припадала:

„Земле ты сыровая!

Взяла съ у ма господара,

Возьми й мене молодую,

Най на свѣтку не бѣдую!“ (Голов. II. 576).

²⁹⁹) „Поведи ихъ по зеленимъ садочку,

„Повидай ихъ поединцѣ въ кропивоньку!“

— Ой зле ты мени, моя мати, порадила.

— Най я буду гиренько бидувати,

— Тики свои диты дрибненьки годувати (Чуб. V. 801).

³⁰⁰) Зосталася удовою

Зъ маленькими дѣтцями,

Умылася слѣзоньками.

Малѣ дѣти — мале лихъ,

Побиляшають — погоршають.

³⁰¹) Не журися, вдово, та молися Богу,

Господь буде помогати, сирить годувати! (Чуб. V. 824).

³⁰²) — Ой матинко — лебидочко,

Пидгодуй насъ хоть тришечки...

Та тоди мы поплынемо,

Тебе, мати, покинемо! (Чуб. V. 833).

ихъ не покидать ее; она готова быть у нихъ хоть слугою и колыхать имъ дѣтей³⁰³). А каково хозяйство у ней: родится пшеница, она сожнетъ ее, свозить—нечѣмъ, надо работать, чтобъ заработать на свозку сноповъ, а свозять—тына нѣтъ, обгородить нечѣмъ, свиньи рвутся и хлѣбъ портятъ (на гумнѣ)³⁰⁴). А въ отдаленномъ будущемъ ей представляется: тяготятъ ее, бѣдную, людскіе пересуды и клеветы. Не знаетъ она какъ держать себя, чтобъ угодить сосѣдямъ³⁰⁵). У ней хата окнами на большую дорогу: всякій мимо идущій заглядываетъ къ ней и судить ее³⁰⁶), а никто не знаетъ каково ей на сердцѣ³⁰⁷). Она еще молода, ищетъ родной души; не находитъ ее—находитъ только могилу своей матери, обращается къ ней, а мать изъ загробнаго міра

³⁰³) „Ой диточки-лебидочки
Озьмить мене ись собою,
Буду я вамъ хочь слугою.
Буду хату пидмитати,
Мали дити колихати! (ibid.).

³⁰⁴) Пшениця поспила, пшеницю изжала,
Тай обняла головоньку, тай плакати стала:
„Жать же я сжала, та ничимъ звозити,
Та все мени, бидній вдови, треба голосити!“
Воливъ одробила, пшеницю звозила,
Та и зновъ бидна вдова дуже затужила:
„Хоть я извозила, та не маю тыну,
То таки я, бидна вдова, на вики загину.
Не маю тыну вже й свини волочать,
Вже мою головоньку на вики морочать (Чуб. V. 824).

³⁰⁵) Ой Боже, Боже, коли той вечеръ буде,
Коли обо мени наговорються люде!
Говорють люде старьи й малыи,
Та ще й къ тому сусидоньки близькіи,
Сама не знаю якъ ворогамъ годити—
Чи въ чорному, чи въ билому ходити?
Выйду въ чорному—скажуть, що ледащо,
Выйду въ билому—скажуть чепуриться,
Сама я не знаю якъ до нихъ примириться (Чуб. V. 861).

³⁰⁶) Ой бѣда бѣда вдовицѣ небозѣ,
Що ѣи хатина викномъ при дорозѣ,
Хто ѣде, хто йде до вдовоньки штурмує.
Либонъ у ней молодѣ козакъ ночує (Голов. I. 271).

³⁰⁷) „Ой удово, вдово, й удово-небога,
„Якъ живешъ, бидна вдово, що ворогивъ много?
— Ой вы дивныи люде, що вы пытаете!
— На серденьку тяжко-важко, а вы й не знаете (Чуб. V. 829).

говорить ей: живи, дочка, съ бѣдою, живи, какъ живется, меня не поднимешь!³⁰⁸⁾

Природа беретъ свое. Молодая вдова помышляетъ о вторичномъ замужествѣ³⁰⁹⁾. По народному воззрѣнію, какъ мы уже приводили, женитьба на вдовѣ не оправдывается и всегда представляется молодцу болѣе подходящимъ избрать въ подруги дѣвицу³¹⁰⁾. Бракъ со вдовою представляется иногда слѣдствіемъ расчета и при этомъ женихъ затрудняется, если у ней есть дѣти. Въ одной пѣснѣ описывается сватовство на вдовѣ. Сколько у ней того, другого хозяйскаго добра? спрашиваетъ искатель ея руки. Она показываетъ достаточное количество хозяйственнаго изобилія³¹¹⁾. Но когда спросили ее: сколько у ней дѣтей и она отвѣчала, что ихъ много³¹²⁾, козакъ отступается отъ нея³¹³⁾. Но будущій новый мужъ и тогда очень откровенно высказываетъ свою душу и сообщаетъ вдовѣ, чего можетъ она

³⁰⁸⁾ Ходѣ удивонька по полю та збирае родину,
Та не найшла родины, найшла въ поли былину,
Найшла въ поли былину, матусину могилу,
До могилы припала, матусеньки гукала.
— Ой куды ты, доню, йшла, що мене тутъ найшла?
Чи чорною хмарою, чи дрибненькимъ дощикою,
Чи тихою водою?—Живижь, доню, зъ бидою,
Живи, доню, якъ живешъ, бо ты мене не зведешъ! (Чуб. V. 838—839).

³⁰⁹⁾ А я бидна вдова, мени пары нема,
Або мене, Боже, вмертви, або мени пару знайди (Чуб. V. 828).

³¹⁰⁾ У вдивоньки таке серце, якъ зимное, каже, сонце:
Ой хотъ грѣ, хотъ не грѣ, то все зимный вѣтрець вѣе.
У дѣвочки таке серце, якъ лѣтнее Боже сонце:
Ой хотъ грѣ, хотъ не грѣ, все тепленькій вѣтрець вѣе (Годов. II.
576 ср. великор. Шейна I. 331).

³¹¹⁾ А въ мене воливъ на дванадцять плугивъ,
Ты бѣ имъ бувъ хазяинъ, ты бѣ имъ бувъ господарь.
А въ мене коривъ на дванадцять хлѣбивъ,
Ты бѣ имъ бувъ хазяинъ, ты бѣ имъ бувъ господарь.
А въ мене оведъ повенъ хливець,
Ты бѣ имъ бувъ хазяинъ, ты бѣ имъ бувъ господарь. (Чуб. V. 818).

³¹²⁾ А въ мене дитокъ повенъ кутокъ (ibid.).

³¹³⁾ Цуръ тобі, пекъ тобі, молода вдова,
Да яка же ты хорошая!
Узявъ бы тебе, узявъ за себе,
Да въ тебе дѣтей много (Чуб. V. 821).

ждать отъ него для своихъ дѣтей и для себя, если станетъ его женою ³¹⁴).

Мы уже говорили, какъ иногда въ пѣсняхъ вдова представляется въ непривлекательномъ видѣ ³¹⁵). Есть повсемѣстно извѣстная пѣсня о кровосмѣсителяхъ. Вдова, родивши двухъ дѣтей мужскаго пола, пустила ихъ по Дунаю ³¹⁶), а черезъ двадцать лѣтъ они, называемые двумя донцами, приплыли кораблемъ къ берегу, встрѣтили вдову и одинъ сталъ предлагать ей себя въ мужья. Она не только согласилась, но предложила сама отдать за другого свою дочь ³¹⁷). Тогда донцы открываются кто они такіе ³¹⁸) и наконецъ тотъ, который становился быть

³¹⁴) — Ой якъ мени жити, ой якъ горювати,
— Якъ мени свои дитки тай нагодувати!

Ой озоветься та козакъ-бурлакъ:

„Не журися, бидная вдова,

Я твоему добру хазяинъ буду;

Я твоимъ диткамъ батенькомъ буду;

Я твою худобу попропиваю,

Я твои дитоньки порозгоняю,

Тебе, молоду, побью, шей полаю (ibid.).

³¹⁵) Оженися, сынку, оженись, небоже,
Та не бери вдовици—не дай тобі, Боже! (Чуб. V. 889).

³¹⁶) Вийшла вдова молода,
Породила два сына...
На корабель вложила
Въ тихій Дунай пустила (Чуб. V. 888—889).

³¹⁷) У двадцятому году
Вийшла вдова на воду,
Стала воду набирать,
Ставъ корабель припливать...
А у тому кораблѣ
Два дунця молодци.
— Здорова була вдова,
Чи любишь ты дунця
Чи пійдешъ ты за дунця?
„Ой я люблю дунця,
И за дунця пійду,
За едного сама йду,
За другого дочку шлю (ibid.).

³¹⁸) — Охъ ты вдова молода,
Дурна твоя голова!
Ты насъ сама родила,
Въ тихій Дунай пустила (ibid.).

мужемъ своей матери, говорить ей: пойди, мать, утопись, а я пойду въ темный лѣсъ, чтобъ тамъ меня пожрали звѣри ³¹⁹).

ГЛАВА V.

Родители. Братья и сестры.

Родители въ народной поэтической рѣчи обозначаются собирательнымъ именемъ: отецъ - мати, или отецъ - ненька. Было глубокое вѣрованіе издавна въ силу родительской молитвы, спасающей отъ бѣдъ, дарующей помощь во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ и способствующей вѣчному спасенію души въ будущей жизни. Въ періодъ козачества молитва и благословеніе отца и матери сохраняли козака и отъ вражескаго смертоноснаго оружія и отъ потопленія въ морѣ во время козацкихъ походовъ на Черное море ¹⁾. Въ послѣдующій затѣмъ періодъ мирной земледѣльской и промысловой жизни не оскудѣла увѣренность въ покровительство Божию по молитвѣ родителей ²⁾. Хотя вообще отецъ и мать составляютъ нераздѣльную святыню сердца, но любовь и уваженіе къ матери какъ-то чаще, рѣзче и сильнѣе выражается въ народной поэзіи, чѣмъ тѣ же чувства къ отцу, можетъ быть оттого, что въ семейныхъ пѣсняхъ преимущественно является женское естество. Въ одной пѣснѣ мать спрашиваетъ

319) — Да пійди, мати, утопись,
А я пійду въ темный лѣсъ,
Нехай мене звирь изысть (ibid.).

1) Отъ тымъ бы-то, панове, треба людей поважати
Пан-отца и панѣ-матку добре шанувати.
Бо который чоловікъ тее уробляє,
Повѣкъ той счастья собѣ мае,
Смертельный мечъ того минае,
Отцева й матчина молитва зо дна моря выймае,
Одъ грѣховъ смертельныхъ душу одку́пляє,

На полѣ й на морѣ на помичъ помагае (Макс. изд. 1849. 52).
2) А который чоловікъ отцеву й матчину молитву чтить-поважае,
То отцева-матчина молитва зо дна моря вынимае,
Въ купецтви, въ ремеслѣ, на поли й на мори помагае (Метл. 349).

сына, кто ему дороже: теща, жена или родная мать? Сынъ отвѣчаетъ, что тещѣ онъ оказываетъ привѣтливость, съ женою держитъ совѣтъ, а родная мать ему дороже всего на свѣтѣ. Онъ знаетъ, что когда она его носила въ своей материнской утробѣ, тогда — свое сердце томила, когда его, младенца, колыхала, тогда — ночей не досыпала ³⁾).

Народная поэзія сознаетъ, что любовь материнская бываетъ совершенно безкорыстна; мать любитъ дѣтей даже и тогда, когда дѣти поставятъ себя въ такое положеніе, что не могутъ уже быть полезными родителямъ и воздавать имъ за ихъ попеченія. Въ аллегорической пѣсni, въ которой мать съ малолѣтними дѣтьми изображается подъ видомъ лебедки съ лебедятами, дѣти просятъ покормить ихъ съ годикъ, пока онѣ покроются перьями: тогда онѣ разлетятся въ чистое поле на поживу и мать перестанетъ печалиться ⁴⁾). Смыслъ этой пѣсni таковъ: хоть дѣти будутъ далеко отъ матери, но мать будетъ довольствоваться, что ея дѣти сами могутъ проживать безъ посторонней заботы о нихъ. Материнская любовь такъ безпредѣльна, что не охлаждаетъ даже и къ дурнымъ дѣтямъ, которые оскорбляютъ родительницу. Въ одной думѣ, которую поютъ въ Украинѣ кобзари и бандуристы, разсказывается какъ сыновья спознавшіеся съ знатными лицами прогоняютъ мать, потому что имъ становится стыдно жить съ нею передъ гостями, съ которыми они пируютъ ⁵⁾). Мать вдова уходитъ къ чужимъ людямъ, пригла-

³⁾ Теща для привѣту,
Жѣнка для совѣту,
А матѣнка ридна лучче всего свѣту.
Якъ мною ходила —
Свое сердце вѣдила,
Якъ мене колыхала,
Ночи не спала.

⁴⁾ Ненька жъ наша лебидочко,
Погодуй насъ хоть съ годочокъ,
Поки вбѣмось у пушочокъ,
А зъ пушочку да зъ пирѣячко,
А зъ пирѣячка да зъ крылечко.
Тоди стрепенемъ та й полынемъ,
Въ чисте поле живитися,
Тогдѣ перестанешъ, мати, журитися (Чуб. V. 358)

⁵⁾ Старшій сынъ до матери мовляє:
Пійди ты, нене, причъ одъ мене,

сившимъ ее жить у нихъ и ропщеть на дѣтей своихъ ⁶⁾). Но вскорѣ сыновья почувствовали, что Богъ сталъ карать ихъ, а близкіе люди смѣяться надъ ними ⁷⁾, даже и тѣ, которые постоянно пиروвали съ ними, дѣлали непріятные для нихъ вопросы: отчего они не видятъ у нихъ ихъ матери ⁸⁾. Это побудило сыновей всѣхъ троихъ очутоваться. Старшій изъ нихъ идетъ въ церковь къ заутрени и, возвратившись оттуда, какъ бы напутствуемый незримою благодатію, подаетъ братьямъ совѣтъ воротить къ себѣ изгнанную мать, потому что, какъ замѣчаетъ онъ, Богъ ихъ сталъ карать, хлѣба-соли у нихъ стало меньше и порядка въ домашнемъ строѣ не достаетъ безъ старой матери ⁹⁾. Затѣмъ всѣ трое пошли просить мать возвратиться

Будуть, нене, гости въ мене,
Павы да бнязи въ жупанахъ златоглавахъ,
Будуть пыты й гуляти,
А ты, стара мати, будешъ у порога стояти (Чуб. V. 847).

⁶⁾ Скоро близькіи сусиди наглядали,
До вдовы промовляли:
„Ой удово, ты старая жоно!
„Пійди жъ, ты, у нашъ димъ жити проживати!“
„Будемо тебе хлѣбомъ солзю годувати!“
То удова тее зачувае,
У чужой димъ ужожае, живе проживае,
По ранній вечирній зори спочинку собі николи не мае (Чуб. V. 848. Метл. 348).

⁷⁾ Стали ти вдовиченьки безъ отца безъ неньки пробувати,
Тогди ставъ ихъ Господь безневинно карати,
Тогди стали зъ нихъ близькіи и дальніи сусиды насмихати
(Метл. 348).

⁸⁾ Которыи у ихъ пили та гуляли,
За ворота выйшовши ихъ осужали:
Скільки мы у васъ пємо, гуляємо,
Чому мы у васъ старон матери не видаємо.
Чи вы еи завдали, чи запродали,
Чи вона у васъ хлибъ-силъ перешла,
Чи вона васъ при старости лить осудила (Чуб. V. 848).

⁹⁾ Старшій братъ тее зачувае,
До утрени божественон одхожае,
Усю утрению божественую vysлухае,
До господоы прибувае,
До бративъ словами промовляє:
„Братики мои мили, годубоньки сивы!
„Нумо думати, гадати,
„Але бы намъ старую матѣрь у свій димъ изыскати;

ѣхъ нимѣ, общаѣ на будущее время почитать ее ¹⁰⁾. Дума оканчивается словами всепрощающей дѣтямъ матери, что даже и въ тѣ минуты, когда мать и проклинала сыновей, она все-таки въ помышленіи желала имъ всякаго благополучія, избавленія отъ бѣдъ и царствія небеснаго ¹¹⁾.

Прекрасная эта дума приводитъ намъ высшую, по народному міросозерцанію, степень материнской любви, которая непоколебима никакими огорченіями отъ дѣтей, что дѣйствительно вѣрно и въ человѣческой природѣ. Тотъ же взглядъ просвѣчивается вездѣ въ народной поэзіи. Въ одной козацкой пѣсни мать гнѣвается на сына, и тотъ, чтобъ избѣжать ея безпрестаннаго ворчанья, хочетъ уходить отъ ней въ Украину ¹²⁾. Но мать тотчасъ опомнилась, останавливаетъ его и велитъ ему одѣться въ зеленый жупанъ, а она полюбуется на его красоту ¹³⁾. Въ другой пѣснѣ, также козацкихъ временъ, мать, разсердившись

„Ставь насъ Господь видимо карати,

„Ставь у полѣ й домѣ хлѣба-соли збавляти,

„Не стало у насъ безъ старой матери порядку доставати! (Чуб. V. 848).

¹⁰⁾ Тогда вдовиченьки въ чужій дворъ впадали,

Шапки въ руки снимали,

Матери старенькій низенько въ ноги уклонялися:

„Иди ты, мати, въ свій домъ пробувати;

„Можемъ мы тебе за матку старенькую до смерти почитати.
(Метл. 349).

¹¹⁾ — Сыны мои, ясны соколы!

Не такъ то отцовой й матчиной молитвы прохати,

Якъ ти прогнивляти.

Якъ удова кляла проклинала,

А все думала, гадала,

Зъ моря душу выймала,

Одъ грихивъ одкупляла,

До царствія небеснаго провожала. (Чуб. V. 849).

¹²⁾ Матуся своего сына била.

А винъ молодъ не гнивился,

Винъ матусеньки попросився:

— Годи жъ мене, моя мати, грызти,

Пійду зъ туги на Вкраину жити.

Я и тамъ молодъ не загину. (Чуб. V. 875—876).

¹³⁾ Ой стій, сину, завернися,

Та въ зеленый жупанъ одягнися,

Та я на тебе подивлюся,

Чи е козакъ на Вкраини красчій? (Чуб. V. 876).

на сына, прогоняетъ его и говоритъ: пусть его орда возьметъ ¹⁴⁾. Но когда сынъ отвѣчаетъ, что орда его знаетъ и онъ ее не боится ¹⁵⁾, мать съ любовью зоветъ его къ себѣ и хочетъ вымыть ему голову ¹⁶⁾—обычный пріемъ любви малоросіянки-матери къ дѣтямъ. Но по народному вѣрованію, гнѣвъ матери на дѣтей бываетъ настолько злокачественъ, что оставляетъ на нихъ слѣды даже и тогда, когда мать, произнесши слово проклятiя, сама потомъ раскаивается въ своемъ поступкѣ. Такое вѣрованіе проглядываетъ въ думѣ объ Ивасѣ Коновченкѣ, который погибаетъ въ бою вслѣдствіе материнскаго проклятiя, хотя мать, произнесши его, пожалѣла и молила Бога не слушать ее ¹⁷⁾.

Мать гордится красотой своего сына и желаетъ, чтобъ его любили женщины ¹⁸⁾. Сынъ обращается къ ней за совѣтомъ, когда думаетъ жениться и получаетъ совѣтъ жениться на той, которая мила его сердцу ¹⁹⁾. Но есть пѣсни, гдѣ мать не благосклонно относится къ такому намѣренію и совѣтуетъ сыну козаку довольствоваться дружескою бесѣдою со своимъ конемъ ²⁰⁾, за что сынъ раздражается противъ матери ²¹⁾. Иногда это происходитъ отъ страха за судьбу сына, такъ какъ есть

¹⁴⁾ Иди, сыну, причь одъ мене:

Нехай тебе орда возьме! (Макс. изд. 1827. 5).

¹⁵⁾ Мене, нене, орда знае,

Срѣбломъ, злотомъ надѣлае (ibid.).

¹⁶⁾ Вернись, сынку, до домоньку:

Змью тобѣ головеньку. (ibid. 6. Чуб. V. 890).

¹⁷⁾ Мое сочиненіе: Исторія козачества въ памятникахъ южнор. народнаго творчества. (Русская Мысль, 1880, кн. I.

55. 62).

¹⁸⁾ Пійди, сынку, до криници, напійся водици,
Та що бѣ тебе полюбили дивки й молодици.

Пійди, сынку, до криници, умыйся водою,
Та що бѣ тебе полюбили всею слободою! (Чуб. V. 882).

¹⁹⁾ Возьми соби, сыну, тую, що до сердца пристала. (Чуб. V. 867).

²⁰⁾ — На що тебе, сынку, молодымъ жениги?

„Прійде ничка темнесенька, ни съ кимъ говорити“.

— Есть у тебе, сыну, срибла-злота много,

Куни соби, сыну, коня вороного,

Коня вороного, — говори до ёго. (Чуб. V. 868—869).

²¹⁾ — Бодай тобі, мати, такъ важко конати,

Ой якъ мени, мати, зъ конемъ розмовляти (ibid. 868).

пѣсня, гдѣ изображается, какъ мать предостерегала сына на счетъ дѣвицы, съ которою онъ сошелся ²²⁾, и когда сынъ сказалъ, что она ему будетъ подругою, мать предсказала, что она его отравитъ ²³⁾—и это исполнилось. Тогда уже сынъ сознался ²⁴⁾, что мать говорила правду, но было уже поздно — онъ погибъ. Бываетъ и такъ, что мать, не допуская сыновей до женитьбы, горько раскаивается впослѣдствіи. Вотъ орелъ приносить ей вѣсти о гибели сына ²⁵⁾; но тогда сынъ произноситъ, что виною всему она, не женивши своихъ сыновей во-время ²⁶⁾.

По отношенію къ дочери—та же материнская любовь. Отдавая дочь замужъ, мать тутъ же готова вернуть ее къ себѣ въ домъ ²⁷⁾, а если потомъ станетъ чѣмъ-нибудь недовольна, то не надолго и всегда съ прежнимъ радушіемъ готова принять ее и обласкавать ²⁸⁾. Она приходитъ къ своей дочери посмотреть на ея житье-бытье, а дочь, какъ уже говорено было, во время невзгоды ищетъ утѣшенія въ томъ, чтобы подѣлиться своими ощущеніями съ матерью ²⁹⁾.

Нигдѣ такъ трогательно не высказывается материнская любовь къ дѣтямъ, какъ въ тѣхъ пѣсняхъ, гдѣ мать оплакиваетъ сына, умершаго въ чужомъ краѣ, что такъ часто случалось во времена козачества. Мать, сидя у себя дома, какъ бы внутреннимъ

²²⁾ — Отъ тожь тебе, мій сыночку, своя воленька воле,
Що до тебе, мій сыночку, сама дивчина ходе (Чуб. V. 879).

²³⁾ „Вона менѣ молодому та й дружиною буде,
— Вона тебе, мій сыночку, отрутою нагодуе (ibid.).

²⁴⁾ Ой правдоньку, ненько моя, ой правдоньку казала (Чуб. V. 879).

²⁵⁾ — Ой ты орелъ сивокрилый, высоко летаешь!

Ой чи часто мого сына у вичи видаешь?

„Ой чи часто, чи не часто, таки ёго бачу:

На чубъ, на чубъ ваступаю, очи колупаю!“ (Чуб. V. 888).

²⁶⁾ — Сама-сь, мати, винна, сама провинила
Що насъ молодыми та не поженила! (ibid.).

²⁷⁾ Вернися, дочко, вернися, помиркуймося,
Хочъ рочокъ, хочъ два у мене покрасуешся! (Чуб. V. 906).

²⁸⁾ Ой кажуть люде, що мене маты лае;

А я зъ-далека йду—ворота одчиняе;

„Въ мене хаточка теплая, веселая,

Та въ мене дочка любая, сердешная! (Чуб. V. 494—495).

²⁹⁾ Чуб. V. 327, 629.

чутьемъ слышитъ жалобное ржаніе коня своего сына и по немъ узнаетъ, что его уже не стало на свѣтѣ. Хотѣла бы она превратиться въ кукушку, летать сюда и туда; она бы узнала могилу своего сына, припала бы къ ней своими крылышками и произнесла бы: куку! мой сыночекъ, подай мнѣ хоть одну руку! А сынъ изъ могилы отвѣчаетъ: я бы радъ былъ и обѣ руки подать тебѣ, да насыпали на нихъ сырой земли, поднять нельзя, и глаза мои закрылись, и уста сомкнулись, и уши сжались: ни глянуть, ни услышать, ни произнести слова ³⁰⁾. Тотъ же образъ повторяется по отношенію къ сыну рекруту ³¹⁾ и къ сыну чумаку ³²⁾.

Также трогательны плачи дочерей надъ могилою матери. Въ народной поэзіи онѣ, подъ названіемъ причитаній, составляютъ особый отдѣлъ, какъ бы обрядовыхъ пѣсенъ, какія допустительно пѣть только при извѣстныхъ случаяхъ жизни съ соблюденіемъ въ нѣкоторомъ родѣ какого-то священнодѣйствія. Такіе плачи или причитанья — памятники языческой древности, прошедшіе въ первобытной своей чистотѣ черезъ многіе вѣка и не принявшіе на себѣ слѣдовъ христіанства. Такъ здѣсь плачущая о потерѣ родительницы дочь въ своихъ причитаніяхъ ничѣмъ не показываетъ признаковъ христіанскихъ вѣрованій въ загробную жизнь, напротивъ, ея обращеніе къ кукушкѣ даетъ ясный намекъ на языческое олицетвореніе природы. Сама умершая воображается какъ бы пребывающею въ землѣ, куда

³⁰⁾ Ой зачула стара мати сидючи въ кимнаті:

„Та вжежъ мого та сынонька на свити не має!
Ой якъ бы жъ я возуленька та крылечка мала,
Полетила бъ сю-тую стороньку облігала,
Свого сына Ивана на гробу пизнала,
Сѣла бъ пала на могили, та й сказала бъ: куку!
Подай мени, мій сыночку, хоча одну руку!“

— Ой радъ бы я, моя мати, обиди подати,

— Насыпано сырїй земли, не можно пидняти,

— Скренилися уста мои, не могу промовиць, ”

— Закрилися ясни очи, не могу проглянути,

— Студилися чутки уши, не могу прослухати (Чуб. V, 865).

³¹⁾ Чуб. V. 884.

³²⁾ Чуб. V. 1043.

ее сокрыли и можетъ, при нѣкоторыхъ не ясно представляющихся условіяхъ, возвратиться въ прежнемъ видѣ ³³).

Отецъ въ народной поэзіи является съ той же любовію къ дѣтямъ, какъ и мать, и большею частью въ пѣсняхъ оба родителя, какъ уже сказано, изображаются нераздѣльно подѣ выраже-ніемъ: отецъ-матери или отецъ-ненька. Все, что относится къ матери — относится и къ отцу. Разлада между отцомъ и матерью въ пѣсняхъ мы почти никогда не встрѣчаемъ. Гдѣ отецъ, тамъ и мать, гдѣ мать, тамъ и отецъ. Умирающій въ чужомъ краѣ козакъ посылаетъ вѣсть къ отцу и къ матери и оба къ нему являются, онъ проситъ обоихъ похоронить его ³⁴). Въ другой пѣснѣ козакъ разогнался на конѣ своемъ на море, покрывшееся льдомъ, ледъ проламывается и онъ сталъ тонуть: въ это время онъ обращается къ коню, проситъ его выбиваться изъ-подъ льда и принести о его гибели вѣсть обоимъ родителямъ ³⁵). Отецъ безъ матери является рѣдко и, вѣроятно, чаще всего тогда,

³³) Ой коли намъ тебе сподиваться

Що бъ намъ и къ тоби прибраться:

Чи къ Риздву, чи къ Великодню, чи къ Святій недилі?

И къ Риздву стежки позамитае,

Къ Великодню воды порозливае,

А къ Святій недилі травую позаростае.

И николи тебе не сподѣваться!

Коли буде возуля кувати,

Я буду ей пытати:

Чи не бачила моеи неньки ридненькою?

Скажи їй, возуленько, якъ мени тошно, якъ мени гірко безъ
неньки жити!

Хто завидить, той мене сиритоньку зобидить,

А возуленька не буде правды казати!

Де жъ, моя ненько, теперъ мени счастья шукати?

Чи мое счастья въ огни згоріло,

Чи мое счастья въ води потонуло,

Чи мое счастья витромъ роздуло? (запис. мною въ Саратов. губ.
и додставл. Метлинскому, напечатанному въ своемъ
сборн. „Народныя Южно-русскія пѣсни, стр. 292—293).

³⁴) Пріѣзжае отецъ-матери зблизька—здалека,

Прикладае свое личко до його серденька,

— Годи, отецъ, годи мати, годи жалувати,

— Тільки прошу отця-мати хороше сховати (Чуб. V. 886).

³⁵) Быйся жъ, коню, быйся выбивайся,

До батька й до неньки поспишайся,

— Та батькови й неньци покланяйся (Чуб. V. 370).

когда матери не было на свѣтѣ. Въ одной пѣснѣ, напримѣръ, козаку подается совѣтъ не покидать престарѣлаго отца, иначе угрожаетъ ему гибель ³⁶). Въ аллегорической пѣснѣ старый козакъ изображается въ образѣ сокола, а его дѣти въ образѣ соколятъ: онъ отлетаетъ въ чужіе края и оставляетъ своихъ соколятъ на попеченіе товарищу орлу, но воротившись домой, узнаетъ, что его соколятъ забрали ляхи и отдали невѣрному царю ³⁷). Въ другомъ народномъ произведеніи, именно въ думѣ, о которой мы говорили, излагая символику птицъ, въ видѣ соколовъ, изображаются козаки: отецъ и сынъ, изъ которыхъ первый освобождаетъ послѣдняго изъ турецкой неволи ³⁸). Въ пѣсняхъ собственно семейныхъ и преимущественно женскихъ, но въ немногихъ, является отецъ безъ матери, быть можетъ тогда, когда матери уже не было, или въ смыслѣ главы семейства и хозяина. Такъ въ одной пѣснѣ дочь съ восторгомъ говоритъ о веселомъ привольномъ житіи у родителя, который ласкалъ и лелѣялъ ее ³⁹). Въ колыдкахъ изображается, какъ отецъ любитъ своей дочерью, которой за красоту всѣ восхищаются ⁴⁰). По народному воззрѣнію родители учатъ дѣтей добру, и пороки молодыхъ людей представляются чаще всего происходящими отъ непослушанія родителямъ. Мать—добрая совѣтница дѣтямъ, и отправляя сына въ дорогу, приказываетъ ему всегда помнить

³⁶) Не покидай, мій миленькій, старенького батька:

Якъ батька покинешь, самъ молодъ загинешь,

Быстренькою рѣченькою у Дунай заплинешь (Малорос. и Червонор. Думы и пѣсни 124).

³⁷) Чуб. V. 852. 853. Въ одномъ изъ вар. вмѣсто *паны* поется: *ляхи*.

³⁸) Журналъ Бесѣда, 1872, томъ XI, стр. 13.

³⁹) Чуб. V. 904.

⁴⁰) Рясна калина въ лузи,

Ще пайкрасча Катерина въ батька.

По двору ходыть якъ мисяць сходыть,

Триски сбирае, якъ зоря сие.

Ввійшла въ свитлоньку—паны встають,

А еденъ каже: чія це дочка?

Другій каже: королівночка,

А батько каже: це моя дочка,

Це моя дочка, такъ якъ панночка (Чуб. III. 396).

о Богѣ ⁴¹⁾. Но въ видѣ позорнаго исключенія въ пѣсняхъ упоминаются и обратные примѣры. Такъ въ одной пѣснѣ изображается мать избаловавшая свою дочь и сдѣлавшая ее лѣнивою ⁴²⁾. Въ другой пѣснѣ мать сама подстрекаетъ сына воровать, похваливая его за каждую кражу ⁴³⁾, пока наконецъ онъ попалъ въ заключеніе и тогда уже не шли выручать его ни мать, ни родные ⁴⁴⁾.

Чувству къ родной матери противопоставляются отношенія къ мачихѣ и къ вотчиму. Имѣть мачиху для дѣвушки такое же горе, какъ для молодца быть отданнымъ въ рекруты ⁴⁵⁾. Мачиха, какъ вода студеная, которую трудно переходить въ бродѣ ⁴⁶⁾. Мачиха бьетъ и ругаетъ падчерицу и некому за бѣдную заступиться ⁴⁷⁾. Самъ отецъ, женившись на второй женѣ, только со-

⁴¹⁾ Будешь, сынку, въ дорозѣ —
Не забудь о Богѣ. (Голов. II. 580).

⁴²⁾ Сидитъ же мати набивается,
Своею дочкою выхваляется:
„Вона у тебе не робитеме,
По земли хвартукъ волочитеме,
А у неи павы помыють лавы,
А у неи лиски помыють миски,
Вона хлиба напече,
Водиця въ хату сама натече (Чуб. V. 896—897).

⁴³⁾ Ой укравъ я, мати, корову рябую,
Ты сказала, мати: украдь и другую...
Ой укравъ я, мати, ажъ семеро овецъ,
Ты сказала, мати, мій сынъ молодець (Чуб. V. 882—883).

⁴⁴⁾ Якъ піймали, мати, у неволю брати,
Не йшла мене, мати, дай вызволяти,
Ой не йшла жъ, мати, не йшла й родинонька,
Не пришла й вирная да дружинонька (ibid.).

⁴⁵⁾ Ой хлопцяча бѣда—у некруты брати,
А дивчача бѣда—не ридная мати:
Не пускае мене никуды гуляти (Чуб. V. 892).

⁴⁶⁾ Студена вода, студена вода, тяженько ю сбродити,
Чужій матинцѣ, чужій матинцѣ тяженько догодити.
Чужа матинка, чужа матинка якъ соломонька въ стрѣсѣ,
Своя матинка, своя матинка якъ балиненька въ лѣсѣ (Голов. III. 145).

⁴⁷⁾ Въ мене мати та не ридная,
Головочка моя бидная!
Буде мене бити, ругати,
Я не знаю якъ одказати (Чуб. V. 897—898).

жалѣеть о дѣтяхъ отъ перваго брака, видя, какъ съ ними обращается мачиха ⁴⁸⁾). О вѣтчимѣ въ пѣсняхъ говорится мало: есть, впрочемъ, дума, гдѣ изображается, какъ мать выпроваживаетъ изъ своего дома сына, чтобъ избавить его отъ нероднаго, названаго отца ⁴⁹⁾).

Братья и сестры въ неразрывной связи пока живы родители, и дѣти ихъ составляютъ единую семью. Братъ защитникъ и покровитель сестры. Охранять честь ея — его обязанность. Рассказывается, какъ ляхи подговорили къ побѣгу дѣвку Касю ⁵⁰⁾. Мать узнавши объ этомъ ⁵¹⁾, посылаетъ сыновей въ погоню ⁵²⁾. Молодцы догнали бѣглецовъ и не внявъ жалобамъ сестры ⁵³⁾, изрубили ея соблазнителя ⁵⁴⁾. На такое покровительство старшаго брата надъ сестрою указываютъ и свадебные обряды, о которыхъ мы говорили въ своемъ мѣстѣ. Такое покров-

⁴⁸⁾ Якъ ми перша жинка вмерла въ зими, поховавъ емъ,
Зисталося двое дѣтій, гирко працювавъ емъ...

Наравивъ мѣ нашъ кумъ реентъ: „е въ дворѣ дѣвчата;

„Возьми собѣ зъ двора дѣвку, буде панъ за свата!“

Взявъ я собѣ зъ двора дѣвку, алежъ не такая;

И пещаща, и ледаща, до того й лихалъ;...

Дѣти ходють якъ святіи и свѣтють колѣньми,

Повбивала имъ мачуха якъ била полѣньми (Голов. III. 179—180).

⁴⁹⁾ „Ой сыну мій, удовиченьку, бездолийный, безсчасный!

Не велю я тоби зо вторымъ отцемъ жити-проживати,

Нехай не буде тебе второй отецъ названный клясти-проклинати,

Долю твою козацькую зневажати,

За хлибъ-за-силъ нарикати, зъ домивки зганяти;

А велю я тоби въ чужу сторону одъизжати (Чуб. V. 849).

⁵⁰⁾ Пасла Кася кони й волы,

И пасучи, погубила,

Шукаючи, заблудила.

Ой прибилась до рыночку,

Пють лишеньки горѣлочку.

Ой пють вони, пидпивають,

Касю фхати пидмовляють (Чуб. V. 909).

⁵¹⁾ *ibid.*

⁵²⁾ — Та сыны жъ мои и дороги,

Сидлайте кони вороньи,

Доженить Катю зъ лашеньками! (*ibid.* 908). **

⁵³⁾ „Сребло-злото забирайте,

Тильки лашка не рубайте“ (*ibid.* 909).

⁵⁴⁾ Сребло-злото все забрали,

И лашенька зарубали (*ibid.* Макс. изд. 1827. 121).

вительство становится полнѣе, когда не станеть родителей и старшій братъ занимаетъ ихъ главенство въ семьѣ.

Въ плачахъ или причитаніяхъ, произносимыхъ сестрою надъ могилою умершаго брата, та же мысль, и сестра называетъ его защитителемъ, а себя обзываетъ сиротою безъ него. Сестра спрашиваетъ, куда онъ отъѣзжаетъ, говоритъ, что будетъ допрашивать кукушку: когда дожидать ей брата къ себѣ въ гости, и прощается съ нимъ въ отчаянной увѣренности, что не будетъ уже никогда видѣть его и разговаривать съ нимъ въ жизни ⁵⁵). И въ причитаніяхъ сестры надъ умершимъ братомъ, какъ въ приведенномъ выше причитаніи дочери надъ матерью, нѣтъ ни слова о христіанскихъ представленіяхъ.

Когда родители умирають, сыновья поженятся, дочери выходятъ замужъ и обзаведутся своими собственными семьями, тогда связь между братомъ и сестрою слабѣетъ, хата брата для замужней сестры не то, что хата родительская. Хоть бы самъ братъ лично былъ привѣтливъ къ сестрѣ, но не такова будетъ къ ней братова жена ⁵⁶). Въ пѣсняхъ можно найти слѣды возмутительно грубаго обхожденія брата съ сестрой, особенно когда эта сестра убога, а братъ зажиточенъ. Увидя изъ окна хаты ѣдущую къ нему сестру, онъ спѣшитъ приказать женѣ убрать со стола хлѣбъ. Идетъ сестра, — говоритъ онъ, — спрячь хлѣбъ; я ее ненавижу. Сестра уже въ сѣняхъ, слышитъ, что гово-

⁵⁵) Ой куды жъ ты, братику, выхавъ въ якій край,
Що до тебе ни письма написати,
Ни людьми переказати?
У якую дороженьку?
Чи до чистого поля, чи до синёго моря?
Чи до чорвоної калины, чи до чорнои могилы?
Зозульки будуть кувати, соловейки щебетати,
А мы свого братика въ гости будемъ дожидати!
На пороги стояла, зозуленка кувала,
А я жъ про свого братика въ неї пытала:
— Чи не бачила мого братика, чи не йде вінъ у гостовьки?
Уже жъ мени, мій братику, не розмовляти,
Уже жъ мени, мій братику, не видати тебе поки свить сонця
(Чуб. IV. 703).

⁵⁶) Якъ батенько умре, гостина минеся, матинка схитнеся.
А пійду я до брата — то не моя хата:
Братъ сестру витає, а братова стиха лає (Голов. III. 331).

рится въ хатѣ, и привѣтствуетъ брата при своемъ входѣ въ его домъ такою рѣчью: «Не пугайся, братецъ. Я не обѣдать къ тебѣ иду; я уже дома пообѣдала. Я хочу повидать твоихъ дѣтей, чтобъ онѣ знали, что у нихъ есть тетка. Я заработаю себѣ на хлѣбъ, да еще тебя накормлю, когда придешь ко мнѣ ⁵⁷⁾. Въ другой пѣснѣ изображается, что братъ устраиваетъ у себя въ домѣ пирушку и зоветъ въ гости двухъ своихъ сестеръ. Одна изъ нихъ богата, другая убога. Богатую сажаютъ съ почетомъ за столомъ, убогую — у порога ⁵⁸⁾; богатую угощаютъ медомъ и виномъ, убогую горькимъ пивомъ; богатой даютъ калачи, убогой — сухари ⁵⁹⁾. Сидя у порога убогая, чувствуя свое униженіе, заливается слезами ⁶⁰⁾. Подпивши, богатая сестра начинаетъ издѣваться надъ убогою. Вотъ еслибы ты, сестра, была такова какъ я, то сидѣла бы теперь тамъ, гдѣ я сижу ⁶¹⁾. Какъ же мнѣ—отвѣчаетъ убогая—быть такою какъ ты? рабо-

⁵⁷⁾ Одсунувъ братъ кватирочку:

Иде сестра къ ѣму въ гостиночку.

А винъ каже: „пріймай, жинко, хлѣбъ зо стола,

ѣде въ гости сестра моя.

Ховай, жинко, хлѣбъ у хижу,

Я свои сестры ненавижу.

Сестра къ синечкамъ пріѣзжае,

То братовы слова зачувае:

— Ой стій, брате, не лякайся,

— Зъ хлибомъ-силью не ховайся!

— Ой я, брате, дома обидала,

— А бы тебе одвидала...

— Не такъ тебе, якъ твоихъ дитокъ,

— Щобъ воны знали своихъ титокъ.

— Ой я, брате, хлиба загорѣю,

— Та прійди до мене—нагодую (Чуб. V. 929. Голов. II. 375).

⁵⁸⁾ Богатую садятъ у конци стола,

А вбогую садятъ у порога (Чуб. V. 914).

⁵⁹⁾ Напувае багату медомъ-виномъ,

А убогу-небогу — горькимъ пивомъ,

Закусуетъ багата калачами,

А убога-небога — сухарцями (ibid. 916).

⁶⁰⁾ Та багатая сестра медъ-вино пье

А вбогая у порога слізозньки лье (Чуб. V. 914).^{**}

⁶¹⁾ Та багатая сестра пидпивае,

Та до вбогой сестры промовляє:

„Та коли бъ же ты, сестро, такаа жъ була,

То бъ и ты тута посажена була“ (ibid.).

таю за чужимъ дѣломъ, выгребая чужія печи, пряду чужую пряжу, наполняю чужіе сундуки ⁶²). Тогда богатая дѣлаетъ ей тотъ упрекъ, который издавна обыкли дѣлать богачи бѣднякамъ. Не работаешь, оттого и въ отрепьяхъ ходишь. Вставала бы раньше, да пряла постарательнѣе ⁶³). Встаю я—отвѣчаетъ убогая—раньше тебя и пряду много, да все только приводится мнѣ наполнять чужіе сундуки и одѣвать чужихъ дѣтей ⁶⁴). Въ одномъ изъ вариантовъ этой пѣсни изображается разговоръ обѣихъ сестеръ съ своею долею. Одной изъ нихъ доля приготовляетъ новые жупаны, а другой—заплаты на сермягѣ. Богатую провожаютъ съ музыкою, а бѣдную травятъ собаками ⁶⁵). Подобное обращеніе никакъ не оправдывается народнымъ міровоззрѣніемъ, напротивъ, недостатокъ любви между близкими родными приписываются неурожаи и всякія потери, какъ наказанія отъ Бога за грѣхи людскіе ⁶⁶).

-
- ⁶²) „Якъ же мени, сестро, такіи бути,
Чуже діло роблячи, чужи печи хутруючи,
Чужи мотки одпрядуючи,
Чужи скрини сповняючи“ (Чуб. V. 917).
- ⁶³) Коли бъ ты, сестро, такъ робила,
То бъ у такихъ латахъ не ходила.
Вставай ты, сестро, ранесенько,
Пряди кужилечку тонесенько (ibid. 916).
- ⁶⁴) — Я устаю, сестро, раньше тебе,
Пряду кужилечку тоньше тебе.
А я устаю, сестро, велики починки напрядую
Да все чужіи скрини наповняю,
Да все чужихъ дитей зодягаю (ibid.).
- ⁶⁵) Та озвалася доля до багатон:
„Чи вже жъ ты жупаны поносила,
Уже жъ я тобі суконь накупила.“
Озвалася доля до вбогон:
„Чи вже жъ ты свитину надрала,
Бо вже жъ я тобі латокъ назбирала!
Багатую проводють изъ музиками,
А вбогую цѣбують та собаками (Чуб. V. 915).
- ⁶⁶) Тимъ на свити хлибъ не родить,
Що братъ до сестрици не говорить;
Тимъ на свити теряється,
Що братъ сестры цурається,
Тимъ на свити добра нема,
Що братъ сестры за ридъ не ма (Чуб. V. 929).

Но показываются въ произведеніяхъ народной поэзіи и образцы участія брата къ сестрѣ. Въ одной, напримѣръ, пѣснѣ, женщина терпитъ горе и говоритъ, что видно мать прокляла ее, когда она была еще дитятью ⁶⁷⁾. Но у ней есть двое братьевъ, словно двое голубковъ. Одинъ изъ нихъ говоритъ къ другому: не допустимъ сестрѣ нашей погибать въ чужой сторонѣ; сестра наша хороша и красива, только судьба ея несчастна ⁶⁸⁾. Въ одной аллегорической пѣснѣ, сестра изображается въ видѣ чайки, а братъ въ видѣ журавля, чайка скорбитъ за своихъ дѣтокъ, а братъ журавль утѣшаетъ ее, что ея дѣтки останутся при Божіей помощи цѣлы и будутъ летать по волѣ ⁶⁹⁾. Въ другой пѣснѣ братъ является въ образѣ соловья, а сестра въ образѣ кукушки. Соловей скорбитъ о погибшихъ дѣтяхъ, сожженныхъ чумаками; прилетаетъ сестра кукушка и говоритъ, что она предупреждала его добрымъ совѣтомъ мостить себѣ гнѣздо въ безопасномъ мѣстѣ ⁷⁰⁾. Сестра, захватывая на житье въ дале-

⁶⁷⁾ Ой гоя, гоя, нещастлива доля!

Прокляла венька якъ буламъ маленька. (ibid. 917).

⁶⁸⁾ Тамъ надъ Дунаємъ сидить два голуба сивенькихъ,
Тамъ есть у мене два братчики ридненькихъ,
Еденъ голубъ воду пье, другій литае;
Старшій братъ коня напуває, молодшій старшого навчае:
„Не дамо сестри въ чужини пропадати,
Бо наша сестра хороша й вродлива,
Тільки ей Богъ давъ, що доля нещаслива“ (Чуб. V. 917).

⁶⁹⁾ Стерегла чаенька маленькіи дѣти,
Привела журавля къ собѣ на порадѣ:
— Брате мій любимый, дай ми яку радѣ:
— Де я маю ти дѣти подѣти,
— Прийдець ми ся у свѣтъ полетѣти. —
„Не журися, сестро любимая,
„Нимъ жито приспѣ, Богъ старанье мае,
„Будуть твои дѣти до воли гуляти,
„Будуть вони якъ орлы быстрыи дѣтати!“
— Бодай твои, брате, слова ся сповнили,
— Щобы мои дѣти въ той часъ були цилы (Голов. II. 517—518).

⁷⁰⁾ Ой йшли чумаки зъ Украины,
Дай пустили пожаръ по долини, —
Соловейковы дити погорили.
„Ой и возуленько, сестро моя,
„Пропали диточки, пропаду й я!“
Прилетила сестра зъ Украины —

кую Украину находить себѣ только въ томъ и отраду, что получаетъ часто письма отъ брата, который съ участіемъ обращается къ ней ⁷¹⁾. Есть большая дума, распѣваемая кобзарями, гдѣ сестра, живущая въ чужой сторонѣ, обращается къ брату и умоляетъ его посѣтить ее, потому что ей въ чужой сторонѣ грустно и никто ее знать не хочетъ ⁷²⁾. Говоря объ отношеніяхъ братьевъ и сестеръ между собою въ народной поэзіи упомянемъ, наконецъ, о легендарной пѣснѣ, очень распространенной, гдѣ рассказывается о происхожденіи цвѣтка: «братъ съ сестрою», по-русски—Иванъ да Марья (*viola tricolor*); мы уже приводили эту пѣсню, излагая символику растений ⁷³⁾.

Такъ выражается семейная жизнь южно-русского народа въ его поэтическихъ созданіяхъ. Народная поэзія представляетъ

- Чи я тобі, брате, не казала,
- Не мости гниздечка у лужечку,
- Помости гниздечко у садочку,
- На високимъ дrevку, на яворку,
- Нихто того дrevка не зрубає,
- Солов'євихъ дитокъ не займає (Чуб. V. 850—851).

⁷¹⁾ Ой витеръ не віє, гилья не колыше,
Тильки братъ до сестры часто лысты пише.
Пише на Украину, туды ихъ шле швидко.
— Сестро моя, сестро, сестро україно!
— Що мені на свиті зъ тобою робити,
— Чи привыкла, сестро, на чужині жити?—

„Хоча не привыкла, треба привикати.

„Коли уродила безъ доленьки мати“ (Метл. 244).

⁷²⁾ Сестра то зачуває, словами промовляє:
Прощу тебе: черезъ быстры ріки билимъ лебедонькомъ переплыви,
Черезъ широкі степи малимъ невеличкимъ перепелонькомъ перебижи,

Черезъ темні луки яснимъ соколонькомъ перелети,

А въ моїмъ дворі синимъ голубонькомъ сядь-падай,

Жалибненько загуди,

Тугу мою, брате, роздилай.

Що теперъ, брате, святий день Великдень праздинокъ роковий,

Що люди зъ церкви йдуть,

Якъ бджилоньки гудуть —

Одно одного на здоров'я питає,

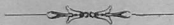
Одно одного на бенкетъ зазываетъ,

А мене ніхто по родині не займає,

Будто воно мене та й не знає! (Метл. 356).

⁷³⁾ Журн. Бесѣда. 1872 года. VI. 14—16.

намъ въ ней послѣдовательное развитіе дѣятельности одухотворяющаго ее начала—любви, которой зарожденіе видно въ полудѣтскихъ весеннихъ играхъ и забавахъ, дальнѣйшее возрастаніе въ юношескихъ взаимныхъ стремленіяхъ молодыхъ людей обоого пола: ихъ свиданія, сердечныя изліянія чувствъ, боязнь родительскаго наблюденія, страхъ постороннихъ препятствій, случайныя (могущія быть и не быть) явленія, какъ измѣна, ревность, отчаяніе, ссоры, примиренія, злоба, месть, потомъ при пережитіи всякихъ неизбѣжныхъ и случайныхъ явленій—бракъ, выражаемый свадебнымъ торжествомъ. Это, какъ мы замѣтили, самый поэтический моментъ расцвѣта жизни, съ котораго начинается другой ея періодъ—семейно-родственный, который также обильно выражается въ произведеніяхъ пѣсеннаго творчества со всеѣми какъ присущими и потому неизбѣжными, такъ и случайными явленіями. Читатель можетъ замѣтить, что все здѣсь сообразуется съ тѣмъ военно-земледѣльческимъ бытомъ, который народъ проживалъ съ разными формами общественнаго своего строя многіе вѣка и напечатлѣлъ ихъ въ своихъ произведеніяхъ. Въ настоящее время жизнь народная сгузилась въ формы земледѣльческаго сельскаго быта, но въ пѣсняхъ народныхъ, какъ было нами не разъ указываемо, слишкомъ ярко еще виднѣются слѣды прожитаго. Мы считаемъ излишнимъ далѣе и шире распространяться, предоставляя каждому судить по представленному нами очерку сообразно поэтическому изображенію, сдѣланному самимъ народомъ о своемъ бытѣ и жизни.

ПОСЛѢДНЯЯ РАБОТА.

Послѣдняя работа.

Отъѣзжая изъ Москвы въ Петербургъ, Минихъ узналъ, что спасенный имъ отъ казни преступникъ, сидя въ Тайной Конторѣ, все читалъ Новый Завѣтъ и писалъ что-то. Это заняло фельдмаршала и онъ упросилъ Семена Андреевича Салтыкова сообщить ему бумаги этого преступника. Получивъ ихъ, Минихъ взялъ ихъ съ собою въ Петербургъ и на досугъ принялся ихъ перечитывать. Бумаги эти привели его въ изумленіе.—Я увидалъ здѣсь—говорилъ онъ послѣ пастору лютеранской церкви св. Петра Геррингу, что ошибался, признавая исключительно послѣдователей реформаторовъ XVI вѣка истинными христіанами, а римскихъ католиковъ и паче того восточныхъ ортодоксовъ считалъ полужазычниками, зараженными множествомъ грубыхъ суевѣрій.—То, что ему попало въ руки, писанное преступникомъ, которому жизнь онъ выпросилъ у государыни, совершенно измѣнило его взгляды: онъ нашелъ такія правильныя объясненія Новаго Завѣта, что онѣ были въ-пору только умнѣйшему изъ пасторовъ нѣмецкихъ. Пасторъ Геррингъ пытался-было приводить какое-то вычитанное имъ изъ старыхъ ливонскихъ хроникъ извѣстіе о проповѣди какого-то пастора въ московской сторонѣ, но Минихъ остановилъ его, сказавши, что въ томъ, что написалъ спасенный имъ преступникъ нѣтъ и тѣни какого-нибудь иновѣрнаго ученія: онъ остается строго православнымъ, и онъ, Минихъ, заключаетъ, что въ православномъ вѣроученіи допускаются самыя свѣтлыя взгляды и толкованія на св. Писаніе. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, унтеръ-офицеръ изъ

Москвы привезъ спасеннаго прямо въ домъ Миниха. Фельдмаршалъ принялъ его чрезвычайно ласково, прежде всего напоилъ чаемъ, потомъ часа два бесѣдовалъ съ нимъ и такъ полюбилъ его, что тотчасъ же опредѣлилъ его въ дворцовую роту Преображенскаго полка и сказалъ ему, что поручить ему каждое утро читать главу изъ Новаго Завѣта кружку товарищей по службѣ. Фельдмаршалъ вслѣдъ затѣмъ хотѣлъ поговорить съ пасторомъ Геррингомъ. У Миниха явилась даже охота отдать своего protégé обучить нѣмецкому языку.

Черезъ три дня у Миниха въ домѣ происходило слѣдующее. Въ числѣ прислуги у Миниха былъ одинъ молдаванинъ, парень лѣтъ семнадцати, довольно дебелый тѣлосложеніемъ, приземистый, тяжеловатый въ движеніяхъ, хотя исправный во всѣхъ даваемыхъ ему порученіяхъ; звали его Карауріо, а русскіе солдаты передѣляли его въ Караулова. Говорили, что онъ былъ плѣнный; другіе — что добровольно поступилъ въ русскую службу. Миниху онъ понравился и фельдмаршалъ, опредѣливъ его рядовымъ въ свой гвардейскій Преображенскій полкъ, сдѣлалъ его своимъ денщикомъ. Онъ подавалъ ему наргиль, съ которымъ нѣмецъ фельдмаршалъ познакомился на Востокѣ. Карауріо, утромъ подавая господину наргиль, доложилъ, что пасторъ, котораго Минихъ дня два тому назадъ хотѣлъ видѣть, сидитъ въ пріемной. Минихъ приказалъ пригласить его войти къ нему.

Черезъ минуту вошелъ пасторъ Геррингъ, состоявшій при лютеранской церкви Св. Петра и занимавшій должность учителя въ Petersschule, основанной Минихомъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ за пятьдесятъ съ чрезвычайно-краснымъ лицомъ; физіономія у него была некрасива, но не внушала отвращенія, потому что въ чертахъ ея свѣтилось то добродушіе, какимъ такъ отличаются чисто національныя нѣмецкія лица вообще. Онъ шелъ на цыпочкахъ, какъ дѣлаютъ люди постоянно остерегающіеся, чтобъ ихъ не заподозривали въ назойливости.

«Willkommen geehrtester Herr Pastor», произнесъ при входѣ его Минихъ. Я васъ еще вчера ждалъ!»

— Я пришелъ къ вашему высокографскому сіятельству не по вашему призыву, но по собственному побужденію, однако

думаю, что все-таки пришлось мнѣ явиться по такому дѣлу, по которому вы, графъ, изволили звать меня. Противъ вашего графскаго сѣятельства устраиваются каверзы. Не знаю, ваше графское сѣятельство свѣдомы ли, что Семенъ Андреевичъ Салтыковъ изъ Москвы на васъ присылаетъ доносы?

«Я это давно знаю—отвѣчалъ Минихъ,—а до васъ только теперь дошла эта новость. Салтыковъ разсердился на меня за то, что я спасъ и упросилъ жизнь одной жертвѣ его страшнаго судилища, случайно встрѣтивши эту жертву на дорогѣ, когда ее везли на казнь. Онъ мнѣ этого не простилъ и написалъ государынѣ на меня жалобу. Изъ рукъ самой монархини я получилъ эту бумагу тогда же, какъ первый разъ пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Турціи».

— Но ваше графское сѣятельство не знаете, что тѣмъ не кончилось. Семенъ Андреевичъ Салтыковъ послалъ потомъ герцогу Бурляндскому письмо, въ которомъ пытается обвинить васъ въ недостаткѣ уваженія къ герцогу: вся Россія знаетъ, что къ царицѣ доступъ возможенъ только чрезъ него, герцога. Вы же къ нему не обратились. Вотъ герцогъ вломился въ амбицію. Но это еще не все. Русскій попъ духовникъ императрицы подалъ Бирону отъ себя доносъ на ваше высокографское сѣятельство, что вы вмѣшиваетесь въ неподлежащія вамъ церковныя дѣла и оскорбляете ихъ ортодоксію: вы-де опредѣлили вырваннаго изъ когтей Тайной Конторы осужденнаго на смерть преступника въ дворцовую роту Преображенскаго полка, да еще поручили ему читать своимъ товарищамъ Новый Завѣтъ. Третьяго дня встрѣтились мы въ бѣлой залѣ и онъ спрашиваетъ меня:—у васъ по вашему закону, всякій ли, не будучи пасторомъ, можетъ другимъ читать и объяснять св. Писаніе?—Всякій—отвѣчаю ему я, потому что слово Божіе дано для всѣхъ.—А если—говоритъ онъ мнѣ—онъ по своему невѣдѣнію начнетъ неправильно толковать!—Я на это отвѣтилъ ему: если онъ чего не пойметъ, то обратится съ вопросами къ тому, кѣго признаетъ болѣе себя свѣдущимъ.—Хорошо, если обратится, говоритъ попъ, а вотъ иной такъ считаетъ себя самаго мудрѣйшимъ человекомъ. У насъ вонъ ничему не учившійся мужикъ вообразить

себя мудрецомъ и начнетъ толковать св. Писаніе, и другихъ сбиваетъ съ толку. Отсюда и всякія ереси разводятся.—Я ему на это сказалъ: это, быть можетъ, такъ у васъ, а нашъ нѣмецкій человѣкъ не таковъ: чего самъ не понимаетъ, тому стараются отъ другихъ научиться.—Хорошо—говоритъ попъ—что ваши нѣмецкіе люди такіе благоразумные, а наши русскіе не таковы: сейчасъ зазнаются, вообразятъ себя почему-то умнѣе всѣхъ и несутъ чепуху, а дураки слушаютъ и повѣряютъ! Не всѣ народы одинаки: у насъ не даромъ есть поговорка: что русскому здорово, то нѣмцу смерть и наоборотъ — что нѣмцу здорово, то русскому бѣда! У насъ тоже дозволено каждому читать св. Писаніе, только существуютъ толковыя книги, съ которыми надобно справляться, чтобы правильно понимать текстъ св. Писанія.

«Такъ что же? прервалъ его Минихъ: пусть даетъ свои толковыя книги. Я развѣ ему запрещаю! Но я вижу, что все это затѣвается для того, чтобъ насолить мнѣ чѣмъ-нибудь! Надобно предупредить. Карауріо! скажи моему гардеробмейстеру, пусть принесетъ сюда мою парадную форму со всѣми регаліями. Поѣду къ герцогу».

— Превосходно сдѣлаете — сказалъ пасторъ, если медлить не станете.

Фельдмаршалъ сталъ одѣваться, а между тѣмъ продолжалъ разговоръ и соображалъ, какъ и что будетъ говорить герцогу. Тутъ вошелъ сынъ фельдмаршала. «Можешь, если хочешь все узнать отъ пастора», сказалъ сыну фельдмаршалъ и вышелъ, потому что доложено было ему, что карета подана.

Герцогъ Курляндскій жилъ въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ его апартаменты находились рядомъ съ царицыными, а по другую сторону расположены были апартаменты племянницы императрицыной Анны Леопольдовны, жившей тамъ съ супругомъ своимъ Антономъ Ульрихомъ, принцемъ Брауншвейгскимъ. Приѣхавши во дворецъ, фельдмаршалъ Минихъ отправился въ герцогское помѣщеніе и велѣлъ доложить о себѣ. По указанію, данному камеръ-лакею, онъ прошелъ нѣсколько покоевъ и вступилъ въ комнату, гдѣ увидалъ герцога, сидѣвшаго за небольшимъ

столомъ, украшеннымъ инкрустаціею. Самъ герцогъ былъ одѣтъ въ богатый шелковый штофный кафтанъ голубого цвѣта, изъ подъ котораго видѣлся бѣлый атласный камзолъ. Передъ герцогомъ на столѣ лежала груда драгоценныхъ камней, которые онъ перебиралъ и пересыпалъ для забавы. Биронъ такъ привыкъ не считать никого равнымъ себѣ, что не всталъ при входѣ чловѣка, который не только не былъ ниже его, но въ чиновной лѣстницѣ даже выше его, потому что былъ членомъ верховнаго тайнаго кабинета, а герцогъ, кромѣ званія камергера, не носилъ на себѣ никакого правительственнаго достоинства. Всякій, видѣвшій фельдмаршала Миниха въ публикѣ, не мало удивился бы и не узналъ его въ кабинетѣ Курляндскаго герцога, какъ онъ, по приглашенію любимца, почтительно усѣлся на краю указаннаго ему кресла, и насмѣшникъ, пожалуй, не остановился бы сравнить его съ мокрою курицею: такъ велико было вліяніе всемогущаго любимца, что и герой Савучанскій унижался предъ нимъ, внутренно всегда презирая его, и держалъ себя какъ обыкновенный дворянинъ, который съ прошеніемъ явился къ вельможѣ.

«Ваша свѣтлость—сказалъ Минихъ:—я пріѣхалъ къ вамъ просить извиненія въ своемъ поступкѣ противъ вашей особы»...

— Довольно—прервалъ его Биронъ:—я напередъ знаю, что вы разумѣли. Вы дѣйствительно погрѣшили противъ меня. Вся Россія давно знаетъ, что доступъ къ ея величеству получается только чрезъ меня; вы это знали и сочли за лучшее обратиться къ императрицѣ прямо, минуя меня, хотя могли быть увѣрены, что мое участіе не только бы не повредило, но послужило вамъ. Впрочемъ, считая васъ издавна своимъ лучшимъ другомъ, я ни на минуту не допускалъ мысли, чтобъ вы такъ поступили изъ желанія показать мнѣ свое невниманіе. Я думаю, произошло это оттого, что по пріѣздѣ вашемъ въ Петербургъ вы должны были явиться съ докладомъ къ ея величеству, а какъ въ это время воображеніе ваше сильно было занято происшествіемъ въ Москвѣ, то вы не отложили просьбы о вашемъ несчастномъ protégé и сообщили ее ея величеству въ первое ваше представленіе. Я такъ себѣ объясняю и оправдываю вашъ

поспѣшный поступокъ. Не правда ли, фельдмаршалъ, — я отгадалъ!

«Совершенно такъ, ваша свѣтлость, герцогъ!» отвѣчалъ фельдмаршалъ.

— Это не нарушило между нами многолѣтней дружбы нашей,—продолжалъ герцогъ.—Я смѣю увѣрить, достопочтенный фельдмаршалъ, что на всей широкой землѣ нѣтъ человѣка съ большимъ правомъ назваться истиннымъ другомъ графа Бургарда Христофора фонъ-Миниха, какъ герцогъ Курляндскій Эрнстъ фонъ-Биронъ, и я надѣюсь, что для герцога Курляндскаго нѣтъ на землѣ лучшаго друга какъ графъ фонъ-Минихъ!

«Молю Бога—сказалъ Минихъ—даровать мнѣ возможность показывать на дѣлѣ готовность служить вамъ, свѣтлѣйшій герцогъ и быть всегда вашимъ преданнымъ и вѣрнѣйшимъ другомъ и слугою!»

— Позвольте мнѣ, сіятельнѣйшій графъ, — произнесъ Биронъ,—подать вамъ дружескій совѣтъ; найдете умѣстнымъ принять его—я буду очень счастливъ, а не найдете, не разсердитесь на меня, будучи увѣрены, что этотъ совѣтъ предлагается отъ искренняго сердца.

Герцогъ ласково просилъ гостя сѣсть на прежнее мѣсто и выслушать его. Когда Минихъ сѣлъ, герцогъ, усѣвшись противъ него, началъ такую рѣчь:—Намъ, нѣмцамъ, поселившимся въ Россійской Имперіи и служащимъ русскому правительству, надобно вести себя чрезвычайно осторожно и нигдѣ не забывать, что мы здѣсь иноплеменики и иновѣрцы между коренными русскими людьми. Мы должны оказывать уваженіе къ русской вѣрѣ и снисходительно относиться даже къ тѣмъ обрядамъ ихъ ортодоксіи, которые намъ кажутся грубѣйшимъ Götzendienst und abscheuliche Abgötterei. Сама всемплодивѣйшая государыня показываетъ намъ примѣръ и путь. Она обладаетъ такимъ высокимъ природнымъ умомъ и свѣтлымъ взглядомъ, что ясно видитъ и понимаетъ недостатки русскаго Glaubensbekenntniss, но съ одной стороны по благоразумію соображая, что она обладательница народа ортодоксальной религіи и потому должна держать себя такъ, чтобъ ортодоксы не заподозрили ее въ презрѣніи къ оте-

ческой вѣрѣ, съ другой — сильныя во всякомъ человѣческомъ сердцѣ впечатлѣнія нѣжнаго дѣтства соединяють ея чувствованія съ ортодоксальными привычками: мать ея царица Прасковья Ѳедоровна была женщина ортодоксальная, родитель ея, котораго она лишилась еще въ своемъ младенствѣ, былъ также, по увѣреніямъ знавшихъ его, большой девицею и ревностный ортодоксъ. Понятно, что благоговѣніе къ памяти даровавшихъ ей жизнь нравственно привязываетъ ее къ ортодоксіи: оттого мы видимъ, что она постоянно внимательна къ ортодоксальнымъ обрядамъ и милостива къ русскимъ духовнымъ сановникамъ, какъ и подобаетъ быть всероссійской монархинѣ! И намъ, ея вѣрнымъ слугамъ, слѣдуетъ итти по намѣченному ею для насъ пути! Не станемъ подавать ни малѣйшаго повода ортодоксамъ клеветать на насъ нѣмцевъ, будто мы высокоумно смотримъ на ихъ ортодоксальные обряды! Достопочтенный фельдмаршалъ! Оставьте вашего *protégé*, предоставьте его попу.

«Я уже воспользовался совѣтомъ вашей высокогерцогской свѣтлости, приглашалъ къ себѣ царицына духовника и поручилъ ему въ наставленіе этого молодого страдальца. Я менѣе чѣмъ кто иной изъ особъ нашего нѣмецкаго происхожденія имѣю поводъ подвергаться упрекамъ въ неуваженіи къ русскимъ и ихъ ортодоксальной вѣрѣ. Я столько разъ имѣлъ случай узнать превосходныя качества русскаго народа, что давно уже отъ всей души полюбилъ. Я читалъ и русское св. Писаніе и нашелъ его совершенно правильно переведеннымъ и съ нашимъ ничуть почти не различествующимъ. Если въ ортодоксальныхъ обрядахъ и вкрались какія-нибудь суевѣрія, то все-таки въ основаніяхъ своихъ русская вѣра есть чисто вѣра Христова, а не дикая смѣсь христіанства, дурно понятого, съ массою языческихъ суевѣрій, какъ иные изъ нашихъ утверждали, а нѣкоторые даже безстыдно печатали такія клеветы. Мысль ваша, свѣтлѣйшій герцогъ, что намъ, нѣмцамъ, живущимъ въ Россіи, слѣдуетъ уважать религію края, такъ гостепріимно къ намъ относящагося, и никакъ не вмѣшиваться въ русскія религіозныя дѣла, въ которыхъ мы, какъ чужестранцы, не можемъ быть свѣдущими — уже давно стала моею любимую мыслию, а съ тѣхъ поръ, какъ

услыхалъ ее отъ вашей свѣтлости, я очень доволенъ, что могу осуществлять ее не только какъ собственное убѣжденіе, но и какъ вашъ мудрый совѣтъ, который для меня всегда будетъ закономъ».

— Вы мнѣ истинный другъ,—произнесъ герцогъ и съ чувствомъ пожалъ руку фельдмаршалу.—Теперь, достопочтенный фельдмаршалъ, позвольте просить васъ раздѣлить со мною завтракъ.

Онъ взялъ Миниха подъ руку и повелъ въ другую комнату, гдѣ виднѣлся сервированный столъ и откуда раздавался возбуждающій аппетитъ звукъ посуды и стакановъ.

Послышался произнесенный Бирономъ тостъ за государыню. Минихъ присоединилъ другой: за ея августѣйшую племянницу Анну Леопольдовну. Бирону очень не по душѣ пришелся этотъ тостъ: онъ былъ недоволенъ Анной Леопольдовной за то, что чрезъ графиню Чернышеву предлагалъ ей руку своего сына Петра и получилъ отказъ съ оскорбительнымъ намекомъ на низость происхожденія Бирона. Но Биронъ относительно племянницы императрицыной поставленъ былъ въ положеніе смолчать и вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ пить здоровье особы, къ которой не былъ расположенъ дружелюбно.

Бесѣда фельдмаршала съ герцогомъ происходила 31 мая. Вслѣдъ затѣмъ наступилъ іюнь 1740 года. Въ Петербургѣ произошелъ большой переполохъ. Вся столичная публика поражена была неожиданнымъ событіемъ. Всѣ знали, что у императрицы явился новый приближенный, кабинетъ-секретарь Артемій Петровичъ Волинскій. Нѣкоторые шопотомъ говорили между собою, что этотъ господинъ заступитъ мѣсто Бирона, какъ Биронъ когда-то вытѣснилъ и заступилъ мѣсто Петра Бестужева. Вдругъ этотъ новый приближенный государыни подвергся опалѣ, былъ потомъ отправленъ въ крѣпость и преданъ суду нарочно учрежденной съ этой цѣлю комисіи. Всѣ въ одинъ голосъ заговорили тогда, что новый приближенный кабинетъ-секретарь навлекъ на себя своею заносчивостію нерасположеніе всемогущаго герцога Курляндскаго, говорили, что Биронъ, стоя на колѣняхъ передъ императрицею, просилъ судить Волинскаго, а въ противномъ случаѣ угрожалъ уѣхать навсегда изъ Россіи. Анна Ивановна нѣсколько поколебалась, потому что уважала умъ и

долговременныя заслуги Волынскаго, оказанныя на разныхъ путяхъ государственной дѣятельности, но тотчасъ же многолѣтняя привязанность къ любимцу взяла верхъ и государыня согласилась предать Волынскаго суду комисіи, хотя это равнялось заранѣе произносимому обвинительному приговору, потому что волю Бирона все уже привыкли считать выраженіемъ высочайшей воли и всегда поступать такъ, какъ замѣчали, что герцогу этого хотѣлось. Въ теченіе іюня комисія нѣсколько разъ призывала Волынскаго къ отвѣтамъ; онъ держалъ себя тамъ не по геройски, какъ того желали его многочисленные друзья и почитатели, напротивъ показалъ замѣчательное малодушіе, трусость и полную ничтожность души своей. Судная комисія приговорила его къ смертной казни—къ посаженію на колъ съ предварительнымъ урѣзаніемъ языка. Императрица замѣнила эту мучительную и унижительную казнь—отрубленіемъ руки и головы. 27 іюня 1740 года была совершена публично эта казнь. Лица, признанные его соучастниками, Еропкинь и Хрущовъ, подверглись обезглавленію, а троихъ прочихъ, признанныхъ менѣе виновными—Соймонова, Эйхлера и Суду били кнутомъ и сослали въ каторжную работу. Гоненіе постигло даже родственниковъ Волынскаго, ни въ какихъ преступленіяхъ не уличенныхъ *).

Событіе съ Волынскимъ навело ужасъ не только на видѣвшихъ въ Петербургѣ казнь кабинетъ-министра, но и на всю Россію, слышавшую что дѣлается въ столицѣ. Анна Ивановна вслѣдъ затѣмъ удалилась изъ Петербурга на дачное житье въ Петергофъ. Въ тѣ времена дворъ любилъ проводить время на дачѣ не посреди лѣта, а въ концѣ его, когда уже начинается золотиться древесная листва, лѣтняя сухость въ воздухѣ испаряется, но еще нѣтъ осенней мокроты. Поворачиваясь государынѣ въ это время жить на дачѣ, а въ угоду ей придворныя особы стали утверждать, что самое пріятное время для житья на дачахъ—мѣсяцы августъ и сентябрь. Какъ бы то ни было, въ

*) Въ числѣ преступленій Волынскаго поставлено было и то обстоятельство, что онъ въ пріемной герцога Курляндскаго самымъ дикимъ и варварскимъ способомъ избилъ собственноручно академика Тредіаковскаго, бездарнаго стихоплета, но по личнымъ качествамъ трудолюбиваго и ничѣмъ не навлекшаго на себя права относиться къ нему презрительно.

1740 году дворъ переѣхалъ на лѣтнее житъе въ Петергофъ въ іюль и пробылъ тамъ до первыхъ чиселъ октября.

Минихъ никогда не былъ ни друженъ, ни другимъ какимъ образомъ близокъ съ злополучнымъ кабинетъ-министромъ Волинскимъ. Но судьба, постигшая послѣдняго, не могла не тревожить и Миниха, такъ какъ Минихъ занималъ съ Волинскимъ одинаковое высокое мѣсто въ имперіи и смѣло могъ относить къ себѣ латинское изреченіе: *hodie tibi ogas mihi*. Кромѣ того, Минихъ, по своему добродушному характеру, сдѣлалъ тогда неосторожность. Волинскій, припертый комисіею къ стѣнкѣ, поддался совѣту друзей своихъ: испробовавши попытки ходатайствовать передъ герцогомъ за осужденнаго, они ухватились какъ за послѣдній якорь спасенія за мысль просить Миниха замолвить слово за Волинскаго передъ герцогомъ. Расчетъ былъ таковъ: герцогъ зналъ, что Минихъ съ Волинскимъ не ахти какіе друзья, и долженъ былъ удивиться, если вдругъ Минихъ явится ходатаемъ за Волинскаго. Полагали, что такая неожиданность приведетъ въ изумленіе герцога и это произведетъ неожиданно добрый результатъ. Не трудно было настроить Миниха на этотъ шагъ: еслибы Волинскій былъ отъявленнымъ врагомъ Миниха—то тѣмъ болѣе склоненъ былъ Минихъ сдѣлать Волинскому услугу. Но не очень любезно принялъ такое ходатайство герцогъ. — Меня удивляетъ ваше заступничество—сказалъ фельд-маршалу герцогъ:—вы съ этимъ господиномъ были всегда на ножахъ; притомъ онъ никогда не желалъ вамъ добра и всегда былъ расположенъ дѣлать вамъ, какъ и цѣлому свѣту, зло! Онъ при этомъ сдѣлалъ такую кислую фізіономію, которая слишкомъ категорически запрещала повторять подобное ходатайство.— Вотъ по истинѣ удивительно!—говорилъ тогда Биронъ другимъ лицамъ:—Минихъ обращался ко мнѣ съ просьбою за Волинскаго. Да развѣ онъ не знаетъ, что это мой лютейшій врагъ? И каково простодушіе нашего добраго фельдмаршала: онъ вообразилъ, что меня можно разжалобить за общаго нашего врага! Я не изъ такихъ, которые, получивши ударъ по щекѣ, готовы подставить своему обидчику другую щеку! Чудакъ фельдмаршалъ!

Дворъ перебрался въ Петербургъ 3 октября.

Могила Н. И. Костомарова на Волковскомъ кладбищѣ, въ Петербургѣ
(† 7 апрѣля 1885 г.).

Библиографическій указатель сочиненій Н. И. Костомарова *).

1838.

1) „Сава Чалый“, драматическія сцены на южно-русскомъ языкѣ“. Іереміи Галки. Харьковъ. 1838. 114 страницъ. Сочиненіе это вошло въ послѣдствіи въ изданіе: „Збирникъ Творивъ Іереміи Галки“. Одесса, 1875.

1839.

2) „Украинскія баллады“. Іереміи Галки. Харьковъ. 1839. 43 стр.
3) „Рожа“, стихотвореніе (по-малорусски). („Литературное прибавленіе къ „Русскому Инвалиду“. № 12, стр. 228—229). Стихотвореніе это вошло въ сборникъ малорусскихъ стихотвореній Іер. Галки: „Вѣтка“. 1840.

1840.

4) „Вѣтка“, малорусскія стихотворенія“. Іереміи Галки. Харьковъ. 1840 г., 88 страницъ. Всѣ вошли въ „Збирникъ Творивъ Іер. Галки“. Одесса, 1875.

1841.

5) „Переяславська Ничь“, трагедія. Іереміи Галки. („Снипъ“, украинскій новорочникъ, изд. А. Корсуномъ. Харьковъ, стр. 7—91). Трагедія эта вошла въ „Збирникъ Творивъ І. Галки“. Одесса 1875.

6) Малорусскія стихотворенія: а) „Еврейськи Співанкя“ зъ Байрона, и б) „Олень“, зъ Краледворської рукописи“. Іереміи Галки.

---

*) Составленъ сообразно съ временемъ появленія въ печати всѣхъ вообще статей и протвергъ съ подлинниками въ Императорской Публичной Библиотекѣ. Псевдонимовъ Н. И. Костомарова было только два: „Іереміи Галка“ и „Іванъ Богучаровъ“.

(„Снипъ“, стр. 96—102). Всѣ вошли въ „Збирникъ Творивъ І. Галки“. Одесса, 1875.

1842.

7) „О причинахъ и характерѣ Уніи въ Западной Россіи“. Харьковъ, 1842. Первая диссертация, представленная для получения степени магистра историческихъ наукъ, и по распоряженію начальства сожженная въ томъ же году. Сочиненіе это, впоследствии переработанное и озаглавленное: „Отрывки изъ исторіи южнорусскаго козачества до Богдана Хмельницкаго“ было напечатано въ 1865 г. въ „Библіотекѣ для Чтенія“ (см. № 146 наст. указателя), а затѣмъ, съ небольшими поправками и подъ новымъ заглавіемъ: „Южная Русь въ концѣ XVI вѣка“ вошло въ III-ій томъ Историч. Монографій, изд. Кожанчикова, Спб. 1867 и Вольфа, Спб. 1880.

1843.

8) „О циклѣ весеннихъ пѣсенъ въ народной южнорусской поэзіи“. („Маякъ“, 1843, т. XI, кн. 21, стр. 58—71).

9) „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“. (Н. Кастомарова). Харьковъ. 214 страницъ. Вторая диссертация, представленная для получения степени магистра историческихъ наукъ и послужившая впоследствии автору для обширнаго изслѣдованія: „Историческое значеніе южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества“. Оно было напечатано въ журналѣ „Весѣда“ въ 1872 г. (см. № 197 настоящ. указателя) и затѣмъ въ журналѣ „Русская Мысль“ въ 1880 и 1883 годахъ (см. № 241 указателя), подъ заглавіемъ: „Исторія козачества въ памятникахъ южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества“. Остальная часть этаго изслѣдованія, озаглавленная: „Семейный бытъ въ произведеніяхъ южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества“, напечатана въ настоящемъ изданіи (см. № 315 наст. указателя).

10) Малорусскія стихотворенія: а) „Пантикапея“ („Молодикъ“ на 1843 годъ, украинскій литературный сборникъ, изд. И. Вецкимъ. Харьковъ, 1843. Часть вторая, стр. 92—98). б) „Изъ Краледворской Рукописи: „Турнія“ (тамъ же, стр. 110—113) и в) „До Марьи Потоцкѣй“. Іереміи Галки (тамъ же, стр. 123—125). Всѣ вошли въ „Збирникъ Творивъ І. Галки“. Одесса, 1875.

11) Двѣ сказки прозою по-малорусски: а) „Торба“ и б) „Ловы“, (Н. Кастомарова) (тамъ же, въ Молодикъ на 1843 г. стр. 129—137).

12) „Первыя войны малороссійскихъ козаковъ съ поляками“. (Н. Кастомарова) („Молодикъ“ на 1844 г. Харьковъ, изд. 1843, вып. 3, стр. 46—70).

13) „Обзоръ сочиненій, писанныхъ на малороссійскомъ языкѣ“. Іереміи Галки (тамъ же, стр. 157—185).

14) „Русско-польскіе вельможи“. Статья первая. I. „Князья Острожскіе“ (Н. Костомарова) (тамъ же, стр. 186—203; послѣдняя цифра по ошибкѣ редакціи „Молодича“, напечатана „183“).

1847.

15) „Славянская Мифологія“. (Извлеченіе изъ лекцій, читанныхъ въ Университетѣ св. Владиміра во второй половинѣ 1846 года). Кіевъ, 1847 г. 113 страницъ. Напечатано церковно-славянскимъ шрифтомъ.

1851.

16) Въ отдѣлѣ: „Русская Этнографія“: I. „Греческій Эдипъ въ Саратовскомъ уѣздѣ“ и II. „Народныя пѣсни, собранныя въ Саратовской губерніи“. („Саратовскія Губернскія Вѣдомости“. Къ № 22, отдѣлъ второй, часть неофициальная). Подпись Н. К.

1852.

17) „Народный плачь дочери надъ могилою матери“, записанный въ слободѣ Руднѣ Камышинскаго уѣзда“, съ примѣчаніями Н. И. Костомарова. (Сар. Губ. Вѣд. къ № 48, отд. второй, часть неофициальная.)

1853.

18) „Народныя пѣсни. I. Лукоянъ Берендѣевичъ“ и еще двѣ, записанныя въ гор. Саратовѣ. (Сар. Губ. Вѣд. къ № 1, отд. 2, часть неофф.)

1854.

19) „Разсказъ Ибнъ-Фоплана, арабскаго писателя X вѣка, о Руссахъ, видѣнныхъ имъ на берегахъ Волги“, съ объясненіями и примѣчаніями. (Сар. Губ. Вѣд. №№ 9 и 10, отд. второй, часть неофф., подъ рубрикою „Исторія“). Подпись Н. К.

20) „Великорусскія народныя пѣсни, собранныя въ Саратовской губерніи“, съ предисловіемъ и объясненіями (тамъ же, №№ 12, 15—22, 29—31, 33—35, 37 и 38, всѣ во второмъ отдѣлѣ части неофф.). Безъ подписи и безъ окончанія, вслѣдствіе приостановки печатанія по независящимъ обстоятельствамъ.

21) „О промышленной, ремесленной и торговой дѣятельности въ уѣздныхъ городахъ Саратовской губерніи въ 1853 году“ (тамъ же №№ 23—25, отдѣлъ второй, часть неофф. подъ рубрикою: „Мѣстна Статистика“).

1855.

22) „Иванъ Свирговскій, украинскій гетманъ XVI вѣка“. („Москвитининъ“, кн. 19 и 20, стр. 77—106). Статья эта вошла впослѣдствіи во II томъ Историч. Монографій, изд. Кожанчикова, Спб. 1863 и 1872.

1856.

23) „Горе-Злочастье“. Древнее русское стихотвореніе, съ объясненіями и замѣчаніями („Современникъ“, т. 56, кн. 3, отд. 1, стран. 49—68). Перепечатано съ небольшими измѣненіями въ „Памятникахъ Старинной Русской Литературы“, изд. графа Кушелева-Безбородка, вып. 1, 1860.

24) О мѣстическомъ значеніи „Гора Злочастія“. (Современникъ, т. 59, кн. 10, отд. 2, стр. 113—124). Перепечатано въ 1860 г. въ изд. графа Кушелева-Безбородка: „Памятники Старинной Рус. Литературы, вып. 1.

25) „Борьба украинскихъ козаковъ съ Польшею въ первой половинѣ XVII вѣка до Богдана Хмельницкаго“. (Отечественныя Записки, т. 108, кн. 9, стр. 195—254). Статья, послужившая матеріаломъ при составленіи монографіи о Богданѣ Хмельницкомъ (см. № 27 наст. указателя).

26) „Взглядъ на состояніе Саратовской вывозной торговли въ отношеніи предполагаемой желѣзной дороги между Москвою и Саратовомъ“. Составлено по приказанію г. начальника губерніи въ Саратовскомъ Статистическомъ комитетѣ“. (Сарат. губ. Вѣд. №№ 45—47, въ отд. второмъ, части неоффиц). Отдѣльная брошюра, Саратовъ, 1856. 29 страницъ. Статья эта начата была печатаніемъ въ той же газетѣ и того же года, въ №№ 30—34, подъ заглавіемъ: „Замѣтки о торговлѣ города Саратова преимущественно сырыми матеріалами, составленныя въ Саратовскомъ Статистическомъ Комитетѣ“, но печатаніе было пріостановлено, а послѣ, съ дополненіями и поправками, статья появилась въ вышеуказанномъ видѣ.

1857.

27) „Богданъ Хмельницкій и возвращеніе Южной Руси къ Россіи“. (Отечественныя Записки, т. 110-й кн. 1, стр. 200—290; кн. 2, стр. 515—575; т. 111-й, кн. 3, стр. 207—264 и кн. 4, стр. 529—574; т. 112-й, кн. 5, стр. 323—376 и кн. 6, стр. 377—424; т. 113-й, кн. 7, стр. 1—50, кн. 8, стр. 315—358). Изслѣдованіе это, передѣланное и дополненное, вышло въ 1859 году отдѣльнымъ (вторымъ) изданіемъ (Кожанчикова) въ двухъ томахъ; затѣмъ, снова исправленное и дополненное „Введеніемъ“ (см. № 184 указателя), вышло (третьимъ) изданіемъ (Кожанчикова) въ 1870 г. въ трехъ томахъ, и подъ заглавіемъ „Богданъ Хмельницкій“ составило IX-й, X-й и XI-й томы Историческихъ Монографій; наконецъ (четвертымъ изданіемъ) вышло въ 1884 г. вновь дополненное и составляя тѣ же томы Монографій. Всѣ изданія были въ Петербургѣ.

28) Рецензія: „Южнорусскія лѣтописи, открытыя и изданныя Н.

Бѣлозерскимъ, т. I. Кіевъ, 1856^а. (Отеч. Зап. т. 110-й, кн. 2, отд. II, стр. 114—123).

29) „Поѣздка въ Волгскъ“^а *). (Саратов. Губерн. Вѣдомости, № 17—19, въ отдѣлѣ второмъ, части неофиц.). Перепечатана въ „Памятной Книжкѣ Саратовской губерніи на 1859 годъ“, стр. 87—111).

30) „Письмо къ редактору „Саратовскихъ Вѣдомостей“, по поводу замѣчаній г. Егунова о торговлѣ города Саратова“. (Сарат. Губ. Вѣд. № 20, отд. 2, часть неофиц.)

31) Рецензія: „Записки о Южной Руси“, изд. П. Кулишъ, т. I—II^а. (Отеч. Зап. т. 112-й, кн. 6, стр. 41—74 и т. 114, кн. 9, стр. 1—26).

1857—1858.

32) „Очеркъ Торговли Московскаго Государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ“. („Современникъ“, 1857 г., т. 65, кн. 9, стр. 1—50; т. 66, кн. 11-я, стр. 43—94 и кн. 12-я, стр. 95—142; 1858 г. т. 69, кн. 6, стр. 329—373 и т. 70, кн. 7, стр. 61—108). Отдѣльное изданіе Тиблена, Сиб. 1862, и второе, Сиб. 1889.

1858.

33) „Очеркъ исторіи Саратовскаго края отъ присоединенія его къ Россійской державѣ до вступленія на престолъ императора Николая I-го“. Составленъ въ Саратовскомъ губернскомъ Статистическомъ Комитетѣ („Памятная Книжка Саратовской губерніи на 1858 г. Саратовъ“. Отд. III, стр. 1—55).

34) Рецензія: „Чорна Рада, хроника 1663 года“, П. Кулиша. „Проповѣди на малороссійскомъ языкѣ“, протоіерея Гречулевича. („Современникъ“, т. 67, кн. 1, отд. 2, стр. 1—28).

35) „Могильныя преданія. 1. Дѣтская могила. 2. Плачъ на могилѣ“. („Современникъ“, т. 67, кн. 2, стр. 223—240).

36) „Бунтъ Стеньки Разина“. (Отеч. Записки, т. 121, кн. 11-я, стр. 289—346 и кн. 12-я, стр. 531—586). Изслѣдованіе это вышло отдѣльнымъ дополненнымъ изданіемъ (Кожанчикова, Сиб.) въ 1859 году, 237 страницъ, а потомъ вошло во II-й томъ Историческихъ Монографій изд. Кожанчикова, Сиб. 1863 и 1872.

1859.

37) „Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права?“ (Архивъ историч. и практич. свѣдѣній, относящихся до Россіи, издаваемый Н. Калачовымъ, кн. 2, стр. 1—28). Статья эта,

*) Собранные Н. И. Костомаровымъ матеріалы для исторіи Пугачева отдалъ Д. Л. Мордовцеву, которымъ и составленъ очеркъ: „Пугачовщина“, помѣщенный въ Вѣстникѣ Европы 1866 г.

написанная по поводу статьи Погодина съ такимъ же названіемъ (Рус. Бесѣда 1858, кн. 4), вошла въ I-й т. Истор. Монографій, изд. Кожанчикова, Спб. 1863 и 1872.

38) „Два слова М. П. Погодину“. Это отвѣтъ на „отвѣтъ“ Погодина по поводу вышеприведенной статьи. (Архивъ истор. и практ. свѣд., относящ. до Россіи, Н. Калачова, кн. 3, стр. 69—72).

39) Предисловіе и примѣчанія къ переводу А. Михайлова: „О состояніи Россіи въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича“. (Третья книга „Путешествія Олеарія“). (Архивъ истор. и практ. свѣд., отн. до Россіи, изд. Н. Калачовымъ, кн. 3—6. Предисловіе въ кн. 3, стр. III—VIII; примѣчанія во всѣхъ книгахъ).

40) Рецензія на сочиненіе В. Ламанскаго: „О славянахъ въ Малой Азіи, Африкѣ и Испаніи“. (Архивъ истор. и практ. свѣд., отн. до Россіи, 1859 г., изд. Н. Калачовымъ, кн. 5, (изд. 1860), отд. IV, стр. 18—35).

41) „Сынъ“. Разсказъ изъ временъ XVII вѣка. (Изъ архива фамиліныхъ преданій). (Архивъ истор. и практ. свѣд., отн. до Россіи, 1859 г., изд. Н. Калачовымъ, №№ 7 и 8, кн. 4, №№ 9 и 10, изд. 1860 г. и кн. 5, стр. 1—52. Общаннаго редакціей Архива въ кн. 6, за 1861 годъ, „Дополненія“ не находится въ Имп. Публич. Библіотекѣ; въ „Дополненіи“ предполагалось окончаніе разсказа). Отдѣльнымъ изданіемъ „Сынъ“ вышелъ въ 1865 году, изд. Ахматовой, и въ 1886—оба въ Петербургѣ.

42) „Объясненіе“. (По поводу „Писемъ о Богданѣ Хмельницкомъ М. А. Максимовича къ М. П. Погодину, помѣщенныхъ въ книжкѣ „Украинецъ“ № 1). (С. Петерб. Вѣдомости, № 122).

43) „Письмо въ редакцію“ (тамъ же № 167). Написано въ отвѣтъ на замѣчаніе во 2 № „Московского Обозрѣнія“ о пользованіи безъ критики польскими источниками о Богданѣ Хмельницкомъ.

44) Рецензія: „Архивъ Юго-Западной Россіи, издаваемый временною комисіею для разбора древнихъ актовъ. Ч. 1. Кіевъ. 1859“. Акты, относящіеся къ церковному устройству и къ церковной исторіи Югозападной Руси, начинаются съ 1481 и кончаются 1596 г. (Отеч. Зап., т. 125, № 8, отд. 3, стр. 113—134).

45) Рецензія: „Мысли свѣтскаго человѣка о книгѣ „Сельское Духовенство“. Санктпетербургъ. 1859 г., 16 страницъ“. (Отеч. Зап. т. 125, кн. 8, отд. 3, стр. 145—150, подпись Н. К.). Статья эта, подъ заглавіемъ: „По поводу мыслей свѣтскаго человѣка о книгѣ „Сельское Духовенство“, вошла во II-й томъ Истор. Монографій изд. Кожанчикова, Спб., 1863 и 1872.

46) „Замѣчаніе на статью г. Содовьева: „Малороссійское козаче-

ство до Богдана Хмельницкаго". (Современникъ, т. 78, кн. 11-я, отд. 3, стр. 51—57).

(47) Вступительная лекція въ курсъ русской исторіи, читанная въ Императорскомъ Петербургскомъ Университетѣ 22 ноября 1859 года. (Русское Слово, кн. 12, стр. I—XIV).

48) Стихотворенія по-малорусски: I. „Братъ зъ сестрою“. II. „Ластивка“. III. „Зирка“. IV. „Погибель Ерусалима“. („Малорусскій Литературный Сборникъ“, изд. Д. Л. Мордовцевымъ въ Саратовѣ, стр. 131—149). Всѣ эти стихотворенія вошли въ „Збирникъ Творивъ І. Галки“. Одесса. 1875.

49) „Народныя пѣсни, собранныя въ западной части Волинской губерніи въ 1844 году“, съ примѣчаніями (Малор. Литер. Сборникъ Д. Л. Мордовцева, стр. 179—353).

1860.

(50) „Начало Руси“ (Современникъ, т. 79, кн. 1, отд. 1, стр. 5—32). Отдѣльный оттискъ 32 страницы. Спб. 1860.

51) „Отвѣтъ г. Максимовичу“, по поводу правописанія козацкихъ именъ въ сочиненіи о Богданѣ Хмельницкомъ (С.-Петербург. Вѣдомости, № 8).

(52) „Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ“ (Современникъ, т. 80, кн. 3, отд. 1, стр. 5—62; кн. 4, отд. 1, стр. 293—350; т. 83, кн. 9, отд. 1, стр. 67—102; кн. 10, стр. 503—564). Отдѣльное изданіе редакціи Современника было въ томъ же году, 214 страницъ, другое, Тиблена, въ 1862 году и третье въ 1887 году, всѣ въ Петербургѣ; послѣднее составило XIX-й томъ Историческихъ Монографій, Спб. 1887.

53) „Изъ могильныхъ преданій. Легенда о кровосмѣсителѣ“ (Современникъ, т. 80, кн. 3, стр. 209—228). Легенда эта вошла затѣмъ въ въ I-й томъ Истор. Монографій, изд. Кожанчикова, Спб. 1863 и 1872.

54) „М. П. Погодину“ (С.-Петерб. Вѣд., № 60). Письмо это (о диспутѣ) перепечатано въ Сѣверной Пчелѣ № 63 и съ нѣкоторыми сокращеніями въ Современникѣ (см. въ слѣдующемъ номерѣ наст. указателя № II „Отвѣтъ Н. И. Костомарова“).

(55) Публичный диспутъ 19 марта 1860 года о началѣ Руси между гг. Погодинымъ и Костомаровымъ: I. Письмо Погодина къ Костомарову, читанное Погодинымъ на публичномъ диспутѣ. II. Отвѣтъ Н. И. Костомарова. III. Отвѣтъ на возраженія г. Погодина, читанный г. Костомаровымъ на томъ же публичномъ диспутѣ. IV. Приложение: Словесныя пренія между Погодинымъ и Костомаровымъ на диспутѣ, записанныя со словъ Погодина и Костомарова В. Мордвиновымъ (Современникъ, т. 80, кн. 3, отд. 1, стр. 257—292).

56) „Объясненіе“ по поводу статьи г. Шелизובה въ 68 № „Сѣверной Пчелы“ о диспутѣ Погодина и Костомарова“ (С.-Петербург. Вѣд., № 69).

57) „О норманскомъ племени“. (Къ издателю „Сѣверной Пчелы“). Замятка по поводу описанія диспута Шелизובה въ 68 № Сѣверной Пчелы (Сѣверная Пчела, № 71).

58) „Замятка на возраженія о происхожденіи Руси“, по поводу статьи Я. Грота: „Литва или Скандинавія“, напечатанной въ „Отечественныхъ Запискахъ“, т. 129, кн. 3“ (Современникъ, т. 80, кн. 4, отд. III, стр. 413—417).

59) „Послѣднее слово г. Погодину о жмудскомъ происхожденіи первыхъ русскихъ князей“ (Современникъ, т. 81, кн. 5, отд. III, стр. 73—83).

60) „Какъ пишутъ въ наше время ученые статьи въ защиту происхожденія Руссовъ отъ Норманновъ, печатаемыя въ учено-литературномъ журналѣ“. (По поводу статьи Щеглова). (Сѣверная Пчела, № 168).

61) „Объясненіе“. (Къ издателю Сѣверной Пчелы) По поводу замятки, появившейся въ С.-Петербург. Вѣдомостяхъ, требующей возраженій на статьи Летголы и Васильева о происхожденіи Русскихъ князей изъ Пруско-Литовскаго міра: „Костомаровъ какъ филологъ“ и „Ученые приемы г. Костомарова“ (Сѣв. Пчела, № 178).

62) „Письмо къ редактору“, съ объясненіями по поводу статей о происхожденіи Руси изъ Литвы: I. „Объясненіе по поводу статьи г. Юрія Летголы“ и II. „Объясненіе по поводу статьи г. Васильева“. (Архивъ истор. и практ. свѣд., относящ. до Россіи, Н. Калачева, кн. 1, отд. 1, стр. 81—92).

63) „Письмо къ редактору“ (по поводу помѣщенія имени Н. И. Костомарова въ числѣ сотрудниковъ Энциклопедическаго лексикона и по поводу мнѣнія Отечественныхъ Записокъ о ученой дѣятельности Н. И. Костомарова (Наше Время, № 34).

64) „Разбойничья пѣсня“, записанная Н. И. Костомаровымъ въ Сердобскомъ уѣздѣ въ с. Волховщинѣ (Архивъ истор. и практ. свѣд. Калачова, кн. I, отд. 5, стр. 1).

65) „Отвѣтъ г. Щеглову (къ издателю Сѣверной Пчелы)“. (О Руссахъ и Норманнахъ) (Сѣв. Пчела, № 203).

66) „Отвѣтъ на статью Шпилевскаго въ „Иллюстраціи“ № 113: „Диспутъ академика Погодина и профессора Костомарова“ (Иллюстрація, т. 5, № 114, стр. 222—223).

67) „Объясненіе“. (Къ издателю „Сѣверной Пчелы“). Заявляется нежеланіе быть въ числѣ сотрудниковъ журнала „Отечественныя Записки“ (Сѣв. Пчела, № 232).

68) „Г. Юрію Летголѣ“. (Къ издателю „Сѣверной Пчелы“). (По поводу статьи Летувиса: „О возможности происхожденія Руси изъ литовскаго міра“) (Сѣв Пчела, № 262).

69) „О козачествѣ“. Отвѣтъ „Виленскому Вѣстнику“. (Написанъ на статью Тадеуша Падалицы въ Вил. Вѣстникъ №№ 34—36 по поводу возраженій Н. И. Костомарова на мнѣніе Соловьева о козачествѣ) (Современникъ, т. 82, кн. 7, отд. III, стр. 75—92).

70) „Отвѣтъ г. Падалицѣ“, по поводу его отзыва о статьѣ „О козачествѣ“ (Современникъ, т. 84, кн. 12, отд. III, стр. 373—382).

71) „Объясненіе“ (по поводу замѣчанія г. Максимовича относительно неправильностей въ сочиненіи о Богданѣ Хмельницкомъ). („С.-Петербург. Вѣд.“, № 283).

72) „Русскіе инородцы. Литовское племя и отношенія его къ русской исторіи. (Изъ лекцій русской исторіи, читанныхъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ въ 1860 году)“ („Русское Слово“, № 5, отд. 1, стр. 1—100). Восьмая глава этой статьи вошла впослѣдствіи въ III томъ Истор. Монографій и озаглавлена: „Литовская народная поэзія“.

73) „Петровскъ“ (Памятная Книжка Саратовской губерніи на 1860 годъ *), стр. 25—30).

74) „Казка про Дивку Семилитку“, записана въ Острогжскомъ уѣздѣ Воронежской губ. въ 1840 году. Петербургъ, 1860 г., 11 страницъ.

75) Редактировано изданіе графа Куселева-Безбородка: „Памятники старинной русской литературы, вып. I, II и IV. Спб. 1860—1862“. При первомъ выпускѣ, на стр. III „Предисловіе“ и при всѣхъ указанныхъ выпускахъ объясненія и примѣчанія составлены Н. И. Костомаровымъ. Четвертый выпускъ состоитъ изъ статей, извлеченныхъ имъ же изъ рукописей.

1861.

76) Малорусскія стихотворенія: „Изъ Антологіи: I. Элада. II. Давнина“. Іереміи Галки (Написаны въ 1842 г.) („Основа“, кн. 1, генв., стр. 93—94). Вошли въ „Збирникъ Творивъ Іер. Галки“. Одесса, 1875.

77) „Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси“ („Основа“, кн. 1, генварь, стр. 121—158). Статья эта вошла въ I-й томъ Ист. Монографій, изд. Кожанчикова. Спб. 1863 и 1872.

78) Малорусское стихотвореніе: „На добра-ничъ“. Іереміи Галки. Написано въ іюнь 1847 года („Основа“, кн. 2, февраль, стр. 44—48). Вошло въ Збирникъ Творивъ І. Галки. Одесса, 1875.

*) На основаніи документовъ, извлеченныхъ Н. И. Костомаровымъ изъ Царицынскаго Архива и сообщенныхъ Д. Л. Мордовцеву, послѣднимъ составлена статья: „Заметаевъ, разбойникъ на Волгѣ 1775 г.“, напечатанная въ Русскомъ Дневникѣ 1859 года, №№ 7 и 8.

79) „Отвѣтъ на выходки газеты (краковской) „Czas“ и журнала „Revue Contemporaine“; написанъ по поводу анти-историческихъ польскихъ взглядовъ на Русь („Основа“, кн. 2, февраль, стр. 121—135).

80) „Слово надъ гробомъ Шевченка“ („Основа“, кн. 3, мартъ, стр. 8).

81) Малорусское стихотвореніе: „Спивецъ Митуса“. Іеремія Галки. Написано въ 1850 г. („Основа“, кн. 3, мартъ, стр. 30—31).

82) „Двѣ русскія народности. (Письмо къ редактору)“. („Основа“, кн. 3, мартъ, стр. 33—80). Статья эта, нѣсколько переработанная, вошла въ I-й томъ Истор. Монографій, изд. Кожанчикова, Спб. 1863 и 1872.

83) „Черты народной южнорусской исторіи“. I. („Основа“, кн. 3, мартъ, стр. 114—165) и II въ 1862 году („Основа“, кн. 6, іюнь, стр. 1—45). Статья эта съ небольшими поправками вошла въ I-й томъ Истор. Монографій, изд. Кожанчикова, Спб. 1863 и 1872.

84) „Воспоминаніе о двухъ малярахъ“ (О Шевченкѣ и Грицькѣ). („Основа“, кн. 4, апрѣль, стр. 44—56).

85) „Гетманство Выговскаго“ („Основа“, кн. 4, апрѣль, стр. 1—66 и кн. 7, іюль, стр. 67—114). Отдѣльный оттискъ вышелъ въ 1862 году. Спб. 112 страницъ. Затѣмъ статья эта вошла во II томъ Истор. Монографій, изд. Кожанчикова, 1863 и 1872.

86) „Слово о Сковородѣ“, по поводу рецензіи на его сочиненія въ „Русскомъ Словѣ“. („Основа“, кн. 7, іюль, стр. 176—179).

87) „Отвѣтъ на статью Всеволода Крестовскаго: „Ходатайство Костомарова за Сковороду и Срезневскаго“. („Основа“, кн. 8, августъ, стр. 1—14).

88) Рецензія: „Черноморскіе козаки“. (Сочиненіе Ив. Попки) („Основа“, кн. 8, августъ, стр. 1—8). Этотъ разборъ написанъ по порученію Академіи Наукъ и помѣщенъ въ книгѣ: „Тридцатое при- сужденіе Демидовскихъ наградъ“, Спб. 1861 (стр. 131—142). Отдѣльные оттиски, Спб. 1861, 11 страницъ.

89) „Правда полякамъ о Руси. (По поводу новой статьи въ „Revue Contemporaine“)“. („Основа“, кн. 10, октябрь, стр. 100—112).

90) „Правда москвичамъ о Руси“. („Основа“, кн. 10, октябрь, стр. 1—15).

91) „Старинный южно-русскій переводъ „Пѣсни пѣсней“ съ послѣ- словіями о любви“. Это одинъ изъ немногихъ старинныхъ памятни- ковъ русской литературы, списанный Н. И. Костомаровымъ изъ Сбор- ника, хранящагося въ Синодальной московской бібліотекѣ, почерка XV или начала XVI вѣка („Основа“, кн. 11—12, ноябрь и декабрь, стр. 49—64).

92) „О значеніи критическихъ трудовъ Константина Аксакова

по русской исторіи". Рѣчь, приготовленная для произнесенія на актѣ въ Импер. Спб. университетѣ 8 февр. 1861 г. („Русское Слово“, кн. 2, стр. 1—28; также въ книжкѣ: „Годичный торжественный актъ въ Императорскомъ Санктпетербургскомъ университетѣ, бывшій 8 февраля 1861 года“. Спб. 1861, стр. 119—159, и отдѣльною брошюрою, Спб. 1861, 31 страница).

93) „Запросъ“, по поводу сокращеній редакціей „Русскаго Слова“ статьи о К. Аксаковѣ. („С.-Пет. Вѣд.“, № 61).

94) „Мистическая повѣсть о Нифонтѣ. Памятникъ русской литературы XIII вѣка“ („Русское Слово“, кн. 3, стр. 1—28). Вошла въ I-й томъ Историч. Монографій, изд. Кожанчикова 1863 и 1872.

95) Рецензія статей, напечатанныхъ въ 3-й книгѣ „Архива историко-юридическихъ свѣденій, относящихся до Россіи“, Н. Калачова. („Русское Слово“, кн. 4, отд. II, стр. 64—116). Въ этомъ критическомъ обзорѣ статей, страницы 91—116 посвящены разбору статьи Д. Л. Мордовцева: „Крестьяне въ юго-западной Россіи“ (см. слѣд. № указ.).

96) „Нѣсколько словъ по случаю „Отвѣта г. Костомарову по поводу его мнѣнія „О положеніи южнорусскихъ крестьянъ въ XVI вѣкѣ“, написаннаго г. Мордовцевымъ въ іюльской книгѣ „Русскаго Слова“. („С.-Пет. Вѣд.“, № 168).

97) „Замѣчаніе о нашихъ университетахъ. (По поводу напечатанной въ № 1 газеты „День“ статьи Хомякова)“ (С.-Пет. Вѣд. № 237).

98) „Еще нѣсколько словъ объ университетахъ“. (Въ отвѣтъ на статью Чичерина въ 247 № „Моск. Вѣд.“) („С.-Пет. Вѣд.“, № 258).

99) „Еще объ университетахъ. (Проектъ открытыхъ университетовъ)“ (С.-Пет. Вѣд., № 261).

100) „О служебныхъ преимуществахъ университетовъ“. (По поводу статьи Чичерина въ 250 № „Моск. Вѣд.“) (С.-Пет. Вѣд., № 262).

101) „Замѣтка на замѣтку г. Никитенка объ университетахъ“ (напечат. въ 265 № „Спб. Вѣд.“). (Тамъ же, № 270).

102) „Замѣчаніе на статью „Русскаго Инвалида“ (въ № 255): „Наши университеты“. („С.-Пет. Вѣд.“, № 275).

103) „Еще одно и послѣднее замѣчаніе объ университетахъ“. (Тамъ же, № 281).

104) Сообщена: „Запорожская пѣсня“, (Лѣтопись русской литературы и древности, изд. Н. Тихонравовымъ, т. III, кн. 6, отд. 3, стр. 89).

105) Подъ редакціей Н. И. Костомарова, съ 1861 по 1885 годъ изданы Археографическою Комисіею 12 томовъ „Актвъ Южной и Западной Россіи“; изъ нихъ т. III изданъ при участіи П. А. Кулиша и т. XI съ примѣчаніями Г. О. Карпова.

1861—1862.

106) „Лекціи по русской исторіи проф. Н. И. Костомарова“. Составлены по запискамъ слушателей П. Гайдебуровымъ. Часть первая. Вступительная лекція и лѣтописи. Источники русской исторіи (100 страницъ, Спб.).

1862.

107) „Иудеямъ“. Объясненіе по поводу слова „жидъ“. („Основа“, кн. 1, генварь, стр. 38—58).

108) Дополненіе къ „Правдѣ москвичамъ о Руси“ („Основа“, кн. 1, генварь, стр. 58—62).

109) „О значеніи Великаго Новгорода въ русской исторіи“. Статья изъ публичнаго чтенія въ Новгородѣ 30 апрѣля 1861 года. („Отеч. Зап.“, т. 140, кн. 1, стр. 84—105). Вошла въ I-й томъ Истор. Монографій, изд. Кожанчикова, Спб. 1863 и 1872.

110) „Тысячелѣтіе“ (Россіи). (С.-Пет. Вѣд., № 5).

111) „Иванъ Сусанинъ. Историческое изслѣдованіе“ (Отеч. Записки, т. 140, кн. 2, стр. 720—738). Вошло въ I-й томъ Истор. Монографій, изд. Кожанчикова. Спб. 1863 и 1872.

112) „Объясненіе“. (По поводу невѣрно переданнаго въ март. книжкѣ Библіотеки для Чтенія происшествія на лекціи Н. И. Костомарова 8 марта) (С.-Пет. Вѣд. № 86) *).

113) „Мѣшать или не мѣшать учиться?“ (Тамъ же, № 113).

114) „Еще замѣтка объ іудеяхъ“ (Основа, кн. 5, май, стр. 75—76).

115) „Мысли Южнорусса“. I. О преподаваніи на южнорусскомъ языкѣ“ (Основа, книга 5, май, стр. 1—6).

116) „Мысли Южнорусса“. II. „Христианство и крипацтво“. (Основа, кн. 6, іюнь, стр. 9—12).

117) „Загадка. (Изъ народной казки)“ (Основа, кн. 6, іюнь, стр. 44—64). Вошла въ „Збирникъ творивъ І. Галки“. Одесса, 1875.

118) „Послѣднее объясненіе по поводу моей лекціи 8 марта“ („С.-Пет. Вѣд.“ № 124). Опровергаются извѣстія Лаврова, напечатанныя въ 117 № той же газеты.

119) „Мысли Южнорусса“. IV. „Историческая неправда и Западно-россійскій патріотизмъ“ („Основа“, кн. 7, іюль, стр. 1—13). Статья

*) Въ „С.-Петербург. Вѣдом.“, въ №№ 55 и 61, напечатаны два извѣщенія Н. И. Костомарова о возобновленіи публ. лекцій, а въ 104 № той же газеты, въ отдѣлѣ: „Новыя правила для публичныхъ лекцій“, напечатаны: I. „Объяснительная записка къ проекту новаго положенія о публичныхъ лекціяхъ въ С.-Петербургѣ“ и II. „Проектъ новаго положенія о публичныхъ лекціяхъ въ С.-Петербургѣ“. Подъ обѣими статьями находится подпись Н. И. Костомарова въ числѣ подписей другихъ профессоровъ петербургскаго университета.

неподписанная, но, по заявленію редактора „Основы“, принадлежит перу Н. И. Костомарова.

120) „Кремуцій Кордъ“, историческая драма изъ временъ римскихъ императоровъ. Спб. 80 страницъ, изд. Кожанчикова.

121) „Великорусскіе религіозные вольнодумцы въ XVI вѣкѣ: Матвій Башкинъ и его соучастники. Θεодосій Косой“ (Отеч. Зап., т. 144, кн. 10, стр. 317—348). Это отрывокъ изъ публичнаго курса русской истории XVI вѣка, читаннаго въ началѣ 1862 года. Статья эта вошла въ I-й томъ Истор. Монографій, изд. Кожанчикова, Спб. 1863 и 1872.

122) „Русскія народныя пѣсни“, собранныя въ Саратовской губерніи А. Н. Мордовцевой и Н. И. Костомаровымъ (Лѣтописи русской литературы и древности, изд. Н. Тихонравовымъ, т. IV, отд. II, стр. 3—111). Большая часть этихъ пѣсенъ была напечатана въ „Саратовскихъ Губ. Вѣдомостяхъ“ (см. № 16, 18 и 20 наст. указателя).

1863.

123) „Сѣвернорусскія народоправства во времена удѣльно-вѣчскаго уклада. Новгородъ — Псковъ — Вятка“. Два тома, изд. Кожанчикова, Спб. 1863; затѣмъ это сочиненіе вышло въ 1868 г., Спб., изд. Кожанчикова, тоже въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ: „Исторія Новгорода, Пскова и Вятки во время удѣльно-вѣчскаго уклада (Сѣвернорусскія народоправства)“ и составило VII и VIII томы Историч. Монографій. Третье изданіе вышло въ Спб. въ 1886 г. въ двухъ же томахъ и составляетъ тѣ же VII и VIII томы Истор. Монографій, но съ первоначальнымъ названіемъ: „Сѣвернорусскія народоправства“ и т. д. („Исторія Новгорода, Пскова и Вятки“).

124) „Объ отношеніи русской истории къ географіи и этнографіи“. (Лекція, читанная въ Географическомъ Обществѣ 10 марта 1863 г.). (Записки Импер. Русскаго Геогр. Общества, т. XII, кн. 2, стр. 92—113). Статья эта вошла въ III томъ Истор. Монографій, изд. Кожанчикова, Спб., 1867, и изд. Вольфа. Спб. 1880.

125) „Князь Владимиръ Мономахъ и козаки Богданъ Хмельницкій“ („Русскій Инвалидъ“, № 86). Отдѣльные оттиски въ томъ же году. Спб. 15 страницъ.

126) „О преподаваніи на народномъ языкѣ въ Южной Руси“. („Голосъ“, № 94 *).

*) Въ „С.-Пет. Вѣд.“, №№ 25, 47, 77, 81, 99, 120 и 148, въ отдѣлѣ: „Разныя извѣстія“ напечатаны отъ имени Н. И. Костомарова свѣденія о пожертвованіяхъ въ пользу изданія книгъ научнаго содержанія на южнорусскомъ языкѣ, а также о вышедшихъ въ свѣтъ книгахъ и еще находящихся въ печати; такія же свѣденія печатались въ „Основѣ“ 1862 г., кн. 10, октябрь, стр. 6.

127) „Нѣсколько словъ о разборѣ моего сочиненія: „Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ“. Отвѣтъ г. Буслаеву („С.-Пет. Вѣд.“, № 162).

128) „Г. Публицисту „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Воскресныхъ Прибавленій“ къ этимъ Вѣдомостямъ“. Отвѣтъ по поводу изданія книгъ на южнорусскомъ языкѣ (тамъ же, № 164).

129) „Замѣтка“ (тамъ же, № 186, въ отдѣлѣ: „Разныя извѣстія“). Это отвѣтъ на статью, напечатанную въ 26 № „Современной Лѣтописи“, по поводу объясненій о цѣли печатанія книгъ на южнорусскомъ языкѣ.

130) „Отвѣтъ „Московскимъ Вѣдомостямъ“ по поводу сбора пожертвованій въ пользу изданія книгъ научнаго содержанія на южнорусскомъ языкѣ“ („День“, № 27. Смѣсь. Стр. 18—19).

131) „Письмо къ редактору“ („День“, № 29. Смѣсь. Стр. 19—20, по тому же поводу).

132) „О нѣкоторыхъ фонетическихъ и грамматическихъ особенностяхъ южнорусскаго (малорусскаго) языка, несходныхъ съ великорусскимъ и польскимъ“ (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, ч. CXIX, сентябрь, стр. 45—46).

1864.

133) „Ливонская война. Историческое изслѣдованіе“. („Библіотека для Чтенія“, кн. I, стр. 1—34; кн. II, стр. 1—34; кн. III, стр. 1—38). Отдѣльные оттиски въ томъ же году, Спб. 105 страницъ. Вошло затѣмъ въ III томъ Истор. Монографій, изд. Кожанчикова, Спб. 1867 и Вольфа, Спб. 1880.

134) „Куликовская битва“ („Приложеніе къ Мѣсяцеслову на 1864 годъ“. Изд. Академіи Наукъ, стр. 3—24). Статья эта вошла въ III томъ Истор. Монографій, изд. Кожанчикова, Спб. 1867 и Вольфа, Спб. 1880.

135) „М. П. Погодину. Отвѣтъ на замѣчаніе его на мою статью „Куликовская битва“, перепечатанное въ 4 № „Дня“ („Голосъ“, № 32).

136) „М. П. Погодину“, тоже по поводу его отвѣта на отвѣтъ о „Куликовской битвѣ“ („Голосъ“, № 62, въ статьѣ, озаглавленной въ „Голосѣ“; „Переписка гг. Погодина и Костомарова“; подъ № 1 помещено письмо Погодина, а подъ 2-мъ Костомарова).

137) „Слово о перенесеніи Императорской Публичной Библіотеки“ („Голосъ“, № 107).

138) „Лекціи г. Кояловича по исторіи Западной Россіи“ („Голосъ“, № 118).

139) „Отвѣтъ г. Малоруссу-Волинцу“ („День“, № 6, смѣсь, стр. 19). (Объ украинофильствѣ).

140) „Отвѣтъ Малоруссу-Волянцу“ (Объ украинофильствѣ). („Голосъ“, № 120).

141) „Апологиі за Дмитрія Донскаго гг. Аверкіева и Аскоченскаго“ (тамъ же, № 124).

142) „Отвѣтъ на отвѣтъ г. Кояловича“ (тамъ же, № 127).

143) „Замѣчаніе г. Лохвицкому“ (по поводу федеративныхъ началъ въ древней Руси). („С.-Пет. Вѣд.“, № 205).

144) „Кто былъ первый Лжедмитрій“. Историческое изслѣдованіе (изд. В. Я., Спб., 63 стр.).

1865 г.

145) „Вѣче и вѣчевое устройство въ древней Руси“ („Дѣло и Отдыхъ“, дѣтскій журналъ, изд. г-жею Ахматовою, т. I, стр. 1—37).

146) „Отрывки изъ исторіи южнорусскаго козачества до Богдана Хмельницкаго“ *) („Библіотека для Чтенія“, т. I, № 1, стр. 1—50; № 2, стр. 1—35; № 3, стр. 99—131). Это—переработанное сочиненіе объ Уніи (см. № 7 наст. указателя). „Отрывки“ эти, впослѣдствіи, подъ заглавіемъ: „Южная Русь въ концѣ XVI вѣка“, вошли въ III томъ Истор. Монографій, изд. Кожанчикова, Спб. 1867 и съ небольшими поправками въ тотъ же томъ Монографій, изд. Вольфа, Спб. 1880.

147) Предисловіе и примѣчанія къ переводу Н. Бѣлозерской съ англійскаго: „Записки о Московіи XVI вѣка сэра Джерома Горсея“ („Библіотека для Чтенія“, №№ 4—6; „Предисловіе“ въ № 4, стр. 27—30, примѣчанія повсюду).

148) Рецензія о книгѣ Кояловича: „Лекціи по исторіи Западной Россіи М. Кояловича, 1864“. Ивана Богучарова („Голосъ“, № 6).

149) „Соображенія о первомъ Лжедмитріи на основаніи вновь отысканныхъ источниковъ“ (тамъ же, № 20).

150) „Г. Бицыну по вопросу о личности перваго Самозванца и Гришки Отрепьева“ (тамъ же, № 30).

151) „Еще о первомъ Самозванцѣ“. Еще отвѣтъ г. Бицыну (тамъ же, № 56).

152) „Прошедшее и будущее русскаго дворянства“ (тамъ же, №№ 130 и 131).

153) „Объясненіе“ (г. Кояловичу) (тамъ же, № 327). Заявляется, чтобы г. Кояловичъ не втиралъ имя Н. И. Костомарова въ свои споры съ „Голосомъ“.

154) „Объясненіе“ (еще г. Кояловичу, по тому же поводу) (Голосъ, № 342).

---

*) Три первыя главы этого изслѣдованія появились въ печати впослѣдствіи (см. № 184 настоящаго указателя).

155) „Отчетъ о варшавскихъ библиотекахъ“. (Лѣтопись занятій Археографической комиссіи 1865—1866; т. IV, проток., стр. 10—13).

156) „О командировкѣ для осмотра Несвижскаго архива князей Радзивилловъ“ (тамъ же, т. V, стр. 16—21).

1866.

157) „Повѣсть объ освобожденіи Москвы отъ поляковъ въ 1612 г. и избраніе царя Михаила“. Изданія Товарищества Общественной Пользы, Спб. 1866, 1876, 1884 и 1889. 36 страницъ.

158) „Историческая наука въ 1830 году“ (Вѣстникъ Европы, т. I, статья подъ цифрою III). Безъ подписи *).

159) Замѣтка по поводу статьи г. Стасова: „Археологическая замѣтка о постановкѣ Рогняды. Письмо къ Н. И. Костомарову“ (Вѣстникъ Европы, т. I, въ отдѣлѣ: Историческая Хроника, стр. 89—92).

160) „Обзоръ книгъ и статей по русской исторіи въ 1865 и 1866 годахъ“ (тамъ же, т. I, стр. 3—56; т. II, стр. 1—76; т. III, стр. 2—49; т. IV, стр. 3—62, все въ отдѣлѣ: Литературная хроника). Безъ подписи.

1866—1867.

161) „Смутное время Московскаго Государства“ (Вѣстн. Европы, 1866 г.: т. I, стр. 1—154; т. II, стр. 1—129; т. III, стр. 1—174; т. IV, стр. 1—93; 1867 г.: т. I, стр. 1—74; т. II, стр. 1—96; т. III, стр. 1—74). Отдѣльные изданія: Кожанчикова (второе), Спб. 1868, въ трехъ томахъ, подъ заглавіемъ: „Смутное время Московскаго Государства въ началѣ XVII столѣтія. 1604—1613“, составило IV, V и VI томы Историч. Монографій, и Вольфа (третье) вышло въ 1883 г. въ Спб. подъ тѣмъ же наименованіемъ и составляя тѣ же томы Историч. Монографій.

1867.

162) „Первое представленіе трагедіи графа А. К. Толстого: Смерть Іоанна Грознаго“ (Голосъ, № 17, подпись Н. К—овъ).

163) Рецензія на сочиненіе Островскаго: „Димитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій“ (Голосъ, № 89).

164) Письмо къ редакторамъ Ливчаку и Климовичу (Славянская Заря, изд. Ливчака, № 1, стр. 18—22). Написано по вопросу о полезности усвоенія русскаго языка всѣми славянскими національностями.

165) „Объясненіе“ (по поводу нападокъ петерб. корреспондента „Моск. Вѣдомостей“ за изложенныя въ Письмѣ къ редакторамъ Сла-

*) О принадлежности Н. И. Костомарову статей подъ №№ 158, 160 и 166 наст. указателя, сдѣлана справка въ редакціи „Вѣстника Европы“.

вянской Зари мысли по вопросу о распространении русского языка между славянами) (Голосъ, № 218).

166) „Новѣйшая литература русской исторіи“ (Вѣстн. Европы, въ отдѣлѣ: „Литературная Хроника“, т. I, стр. 1—49; т. II, стр. 4—31 и т. IV, стр. 1—10). Безъ подписи.

167) Замѣтка: „По поводу новѣйшей русской исторической сцены“ (Вѣстникъ Европы, томъ II, въ отдѣлѣ: „Корреспонденція и замѣтки“, замѣтка 2-я, подпись Н. К—овъ).

168) „Заявленіе“ (по поводу слуховъ объ участіи въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ). (С.-Пет. Вѣд., № 205).

169) „Объясненіе“, по поводу замѣчаній въ 261 № „Голоса“ на сочиненіе о „Смутномъ времени Московскаго Государства“ (Голосъ, № 263).

170) „Письмо къ редактору“, по поводу его статьи въ 170 № той же газеты о словахъ, употребляемыхъ въ сочиненіи о „Димитріѣ Самозванцѣ“ („Москва“, № 180).

171) Сообщено: „Дѣло о дьячкѣ Василии Ефимовѣ, казненномъ въ Новгородѣ сожженіемъ за ложное чудо въ 1721 году“ (Русскій Архивъ при Чертковской библіотекѣ, изд. Бартенева, кн. 12, стр. 1708—1720).

1868.

172) „Патріархъ Фотій и первое раздѣленіе церквей“. Написано по поводу нѣмецкаго сочиненія Гергенретера: „Fotius und seine Zeit“ (Вѣстникъ Европы, т. I, кн. 1, стр. 120—168; кн. 2, стр. 591—636).

173) Рецензія: „Новые документы, относящіеся къ исторіи Сѣверо-западной Руси“. („Археологическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи Сѣверозападной Руси, издаваемый при управленіи Виленскаго учебнаго округа, т. I, Вильно, 1867“). „Акты, издаваемые Археографическою комиссіею, Высочайше учрежденною въ Вильнѣ, т. II. Акты Брестскаго суда. Вильно, 1867“ (Отеч. Записки, т. 176, кн. 1, стр. 40—54). Съ подписью Н. И. К. и Н. К. *).

174) „Гетманство Юрія Хмельницкаго“ (Вѣстникъ Европы, т. II, кн. 4, стр. 485—536; т. III, кн. 5, стр. 150—212). Вошло въ XII томъ Историч. Монографій, изд. Кожанчикова, Спб. 1872.

175) „Давно ли Малая Русь стала писаться Малороссіею, а Русь Россіею“. Ив. Богучарова. (Голосъ, № 67).

*) Библиографическія замѣтки: 1) „Документы, объясняющіе исторію западно-русскаго края и его отношенія къ Россіи и Польшѣ“ (Голосъ, 1865 г. № 269), 2) О тѣхъ же „Документахъ“ (тамъ же, № 300) и 3) „Акты, издаваемые комиссіею, высочайше учрежденною для разбора древнихъ актовъ въ Вильнѣ“. Томъ I-й (Голосъ, 1865 г. № 283)—не принадлежатъ перу Н. И. Костомарова.

176) „Замѣтка о постановкѣ оперы Глинки „Жизнь за царя“ (тамъ же, № 237). Подпись Н. К.

177) „Еще нѣсколько словъ о постановкѣ „Жизни за царя“. Написано по поводу статьи С.-Петербур. Вѣдомостей въ № 242 (Голосъ, № 250, подпись Н. К.).

1869.

178) „Воспоминанія о молоканахъ“ (Отечеств. Записки, т. 183, кн. 3, стр. 57—78. По ошибкѣ редакціи, въ оглавленіи статей книги 3-й, вмѣсто Н. И. напечатано Н. В. Костомаровъ). Статья эта вошла въ XII томъ Историч. Моногр., изд. Кожанчикова, Спб. 1872.

179) „Нѣсколько словъ о памятникѣ Хмельницкому“ (Новое Время, изд. Юматова, № 194, передовая статья, съ подписью Н. К.).

180) „Новые документы, относящіеся къ исторіи сѣверозападной Руси“. „Археологическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверозападной Руси, издаваемый при управленіи Виленскаго учебнаго округа, томы 2, 3 и 4. Вильно. 1867.“ (Отеч. Зап., т. 185, кн. 8, стр. 276—291). Подпись Н. К.

181) „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“ (Вѣстникъ Европы, т. I, кн. 2, стр. 685—758; т. II, кн. 3, стр. 154—224; кн. 4, стр. 618—694; т. III, кн. 5, стр. 138—153; кн. 6, стр. 559—607; т. IV, кн. 7, стр. 89—154; кн. 8, стр. 548—587; т. V, кн. 9, стр. 17—104; кн. 10, стр. 562—622; т. VI, кн. 11, стр. 109—189; кн. 12, стр. 668—739). Отдѣльнымъ (вторымъ) изданіемъ это сочиненіе вышло съ прибавленіемъ изслѣдованія о Костюшкѣ (см. слѣд. № указ.), въ одномъ томѣ въ 1870 г., изданіе редакціи „Вѣстника Европы“, и въ 1886 году (третье), исправленное и дополненное, вышло въ двухъ томахъ и составило XVII и XVIII томы Истор. Монографій.

1870.

182) „Костюшко и революція 1794 года“ (Вѣстникъ Европы, т. I, кн. 1, стр. 5—65; кн. 2, стр. 511—572; т. II, кн. 3, стр. 137—195). Статья эта вошла въ составъ сочиненія „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“, сохраняя свое отдѣльное наименованіе въ отдѣльномъ (второмъ) изданіи 1870 года, а въ третьемъ, 1886 года, помѣщена въ V главѣ 2-го тома, безъ прежняго наименованія.

183) Рецензія книги И. П. Хруцова: „Изслѣдованія о сочиненіяхъ Іосифа Волоцкаго“ (Двѣнадцатое присужденіе Уваровскихъ наградъ, 25 сент. 1869 г. Спб. 1870, стр. 208—214).

184) „Южная Русь и козачество до возстанія Богдана Хмельницкаго“ (Отеч. Записки, т. 188, кн. 1, стр. 33—97; кн. 2, стр. 317—368). Эта статья составила „Введеніе“ къ монографіи „Богданъ Хмельницкій“ въ изданіяхъ 1870 и 1884.

185) „Церковно-историческая критика въ XVII вѣкѣ“ („Вѣстникъ Европы“, т. II, кн. 4, стр. 479—506). Статья эта вошла въ XII т. Историч. Монографій, изд. Кожанчикова, Спб. 1872.

186) „Начало единоподержавія въ древней Руси“ (тамъ же, томъ VI, кн. 11, стр. 5—54; кн. 12, стр. 495—563). Помѣщено затѣмъ въ XII т. Истор. Монографій, изд. Кожанчикова. Спб. 1872.

187) „Представленіе „Бориса Годунова“ на сценѣ Маріинскаго театра 17 сентября 1870 года“ („Голосъ“, № 259).

1871.

188) „Отвѣтъ г. Карпову на его статью: „Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся, за время: 8 января 1654—30 мая 1672 года“. Сочиненіе Геннадія Карпова. М. 1870“ (Бесѣда“, кн. 1, отд. II, стр. 1—9).

189) „Замѣтка“ по поводу изданной въ Москвѣ книги: „Г. Костомаровъ какъ историкъ Малороссіи“, соч. Геннадія Карпова („Голосъ“, № 130).

190) „Исторія раскола у раскольниковъ“ („Вѣстникъ Европы“, т. II, кн. 4, стр. 469—536). Вошла въ XII томъ Истор. Монографій, изд. Кожанчикова, Спб. 1872.

191) „Личности Смутнаго времени. Михайлъ Скопинъ-Шуйскій, Пожарскій, Мининъ, Сусанинъ“ (тамъ же, т. III, кн. 6, стр. 497—527). Статья эта вошла въ XIII томъ Истор. Монографій, изд. Вольфа, Спб. 1881.

192) „Личность царя Ивана Васильевича Грознаго“ (тамъ же, т. V, кн. 10, стр. 499—571). Помѣщено затѣмъ въ XIII т. Истор. Монографій, изд. Вольфа, Спб. 1881.

193) Въ изданіи Н. В. Гербеля: „Поэзія Славянъ“ (1871), статья: „Малорусская литература“ (стр. 158—163).

1872.

194) „Отвѣтъ на бранное посланіе г. Погодина“ (О Скопинѣ Шуйскомъ) („Вѣстникъ Европы“, т. I, кн. 2, стр. 859—864).

195) „Великорусская народная пѣсенная поэзія. Русскія народныя пѣсни, собранныя Шейномъ“ („Вѣстникъ Европы“, т. III, кн. 6, стр. 535—587). Статья эта вошла въ XIII томъ Истор. Монографій, изд. Вольфа, Спб. 1881.

196) „Кто виноватъ въ Смутномъ времени? И. Е. Забѣлину“ (тамъ же, т. V, кн. 9, стр. 5—34). Помѣщено въ XIII т. Истор. Монографій, изд. Вольфа, Спб. 1881.

197) „Историческое значеніе южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества“ („Бесѣда, т. IV, стр. 5—68; т. V, стр. 75—123; т. VI,

стр. 5—55; т. VIII, стр. 5—76; т. X, стр. 5—55; т. XI, стр. 5—54; т. XII, стр. 28—49). Это переработанная и дополненная магистерская диссертация 1843 года (см. № 9 настоящего указателя). О продолжении этого труда, см. въ №№ 241 и 315 настоящего указателя.

198) „Переписка турецкаго султана съ запорожцами въ XVII столѣтіи“, съ примѣчаніемъ („Русская Старина“, изд. Семеваго, т. VI, кн. 10, стр. 450—451).

199) „Нѣсколько словъ о Словяно-Русской мифологіи въ языческомъ періодѣ, преимущественно въ связи съ народною поэзіею“ („Русскія Древности“, изд. подъ редакціею В. А. Прохорова, кн. I, стр. 1—24 *).

200) Подъ наблюденіемъ Н. И. Костомарова напечатаны томы: III (1872), IV (1877) и V (1874 г.) въ изданіи: „Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно-Русскій край, снаряженной Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ“. „Предисловіе“, въ III томѣ, стр. I—II, написано Н. И. Костомаровымъ.

1873.

201) „Преданія первоначальной русской лѣтописи въ соображеніяхъ съ русскими народными преданіями въ пѣсняхъ, сказаніяхъ и обычаяхъ“ („Вѣстникъ Европы“, т. I, кн. 1, стр. 1—34; кн. 2, стр. 570—624; т. II, кн. 3, стр. 7—60). Изслѣдованіе это вошло въ XIII томъ Истор. Монографій, изд. Вольфа, Спб. 1881.

202) „О слѣдственномъ дѣлѣ по поводу убіенія царевича Димитрія“ (тамъ же, т. V, кн. 9, стр. 164—184). Помѣщено затѣмъ въ XIII т. Истор. Монографій, изд. Вольфа, Спб. 1881.

203) „Князь Михаилъ Андреевичъ Оболенскій, его труды и изданія“ (Русскій Архивъ, изд. Бартенева, кн. IV, стр. 667—6655). Въ отдѣльномъ изданіи, М. 1873. 40 страницъ.

204) „Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей“. 6 выпусковъ, изд. Кульжинской, Спб. 1873—1876 г. и 7-й выпускъ, Спб. 1888. Первые три выпуска, изд. 1873—1874 г. составили въ слѣдующемъ, второмъ, изданіи 1879 и въ третьемъ 1886 г. I-й томъ „Русской Исторіи въ жизнеописаніяхъ“. 4-й и 5-й выпуски изд. 1874 года составили во второмъ изданіи 1880 и въ третьемъ 1886 года II томъ; 6-й выпускъ изданія 1876 года составилъ при второмъ изданіи 1886 года „Продолженіе“ втораго тома, и 7-й выпускъ изданія 1888 г. составилъ „Окончаніе“ втораго тома (См. №№ 296, 303 и 309 наст. указателя).

*) „Русскія Древности“ издавались въ связи съ редактированнымъ тѣмъ же В. А. Прохоровымъ другимъ изданіемъ, „Христіанскія Древности и Археологія“: на листахъ статьи Н. И. Костомарова, помѣщенной въ Рус. Древностяхъ въ 1872 г., помѣчено внизу: „Христіанскія Древности“, т. I. 1873.

1874.

205) „Отвѣтъ на новыя „Бранныя посланія“ г. Погодина“ („Вѣстникъ Европы“, т. I, кн. 1, стр. 464—477).

206) „Петръ Могила предъ судомъ изслѣдователей нашего времени“. По поводу статей г. Голубева въ „Православномъ Обзорѣннѣ“ (Вѣстн. Европы, т. III, кн. 5, стр. 429—440). Статья эта вошла въ XIV т. Истор. Монографій, изд. Вольфа, Спб. 1881.

207) Рецензія: „Историческая поэзія и новыя ея матеріалы. Историческія пѣсни малорусскаго народа, съ объясненіями В. Антоновича и М. Драгоманова. Томъ первый“ (тамъ же, т. VI, кн. 12, стр. 573—629).

208) „Письмо къ редактору“ („Голосъ“, № 93). Авторъ письма исправлялъ ошибки, сдѣланныя въ его біографіи въ „Календарѣ за 1874 годъ“, изд. подъ редакціей г. Гатцука.

209) „Предисловіе“ къ народному изданію „Тарасъ Бульба“ Н. В. Гоголя (стр. III—VI).

1875.

210) „Царевичъ Алексѣй Петровичъ. По поводу картины Н. Н. Ге“ (Древняя и Новая Россія, т. I, кн. 1, стр. 31—54; кн. 2, стр. 134—152.). Статья вошла въ XIV т. Истор. Монографій, изд. Вольфа, Спб. 1881.

211) „Черты сопротивленія власти при Петрѣ Великомъ“ („Русская Старина“, т. XII, кн. 2, стр. 381—383).

212) „Примѣчаніе“ при „Письмѣ Т. Г. Шевченка къ Н. И. Костомарову, 1 февр. 1847 г. изъ Борзны“ („Русская Старина“, т. XIII, кн. 5, стр. 155).

213) „Кудеяръ. Историческая хроника въ трехъ книгахъ“ („Вѣстникъ Европы“, т. II, кн. 4, стр. 461—548; т. III, кн. 5, стр. 5—77 и кн. 6, стр. 465—548). Отдѣльнымъ изданіемъ Суворина, Спб. 1882.

214) „Мое украинофильство въ „Кудеярѣ“, по поводу статьи въ 81 № „Кіевлянина“ („Кіевскій Телеграфъ“, № 85). Часть этой статьи Н. И. Костомарова перепечатана въ томъ же году въ газетѣ „Новости“, № 200, подъ заглавіемъ: По поводу историческаго романа Н. И. Костомарова „Кудеяръ“.

215) При изданіи Арнгольда и Вармунда: „Картины изъ русской исторіи отъ начала Руси до нашего времени“, вып. 1, 1875 г., текстъ Н. А. Бѣлозерской просмотрѣлъ Н. И. Костомаровымъ.

216) Редактированы „Бумаги князя Репнина по управленію его Литвою“ (Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, 1875, т. XVI).

1876.

217) „Лжедимитрій Первый. По поводу современнаго его портрета 1606 г.“ („Русская Старина“, т. XV, кн. 1, стр. 1—8).

218) „Павелъ Полуботокъ. Историческій очеркъ“ (тамъ же, т. XV, кн. 3, стр. 500—525). Помѣщенъ въ XIV томѣ Истор. Монографій, изд. Вольфа, Спб. 1881.

219) „Моя „Русская Исторія“ предъ судомъ критика въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (г. Ланге). Письмо въ редакцію („Вѣстн. Европы“, т. V, кн. 9, стр. 325—339).

220) „Православіе въ современномъ восточномъ вопросѣ“ („Газета Гатцука“, № 48—50).

221) „Воспоминанія о Т. Г. Шевченкѣ“. Письмо къ издателю, напечатанное въ изданіи: „Кобзарь“ Т. Г. Шевченка. Прага, 1876 (стр. VI—XII).

222) Въ редактированномъ А. И. Тимошеевымъ 3-мъ томѣ изданія Археографической Комисіи: „Русская Историческая библіотека“, Спб. 1876 г. „Отрывокъ изъ Лѣтописи“ напечатанъ подъ наблюденіемъ Н. И. Костомарова.

1877.

(223) Рецензія: „Русская историческая литература въ 1876 году—труды Д. Иловайскаго, И. Забѣлина и С. Гедеонова“ („Русская Старина“, т. XVІІІ, кн. 1, стр. 159—184).

224) „О сочиненіяхъ М. А. Максимовича“ (Газета „Сѣверный Вѣстникъ“, № 25).

225) „Екатерина Алексѣевна, первая русская императрица“ (Древняя и Новая Россія, т. I, кн. 2, стр. 129—170). Статья эта вошла въ XIV т. Истор. Монографій, изд. Вольфа, Спб. 1881.

226) Рецензія: „Русская литература по отдѣлу этнографіи въ 1876 г.: „Малорусскія народныя преданія и рассказы. Сводъ М. Драгоманова. Изданіе Югозападнаго Отдѣла Русскаго Географическаго Общества“ („Русская Старина“, т. XIX, кн. 5, стр. 113—132).

227) „Полякамъ миротворцамъ“ („Новое Время“, № 478).

228) „Письмо къ А. Д. Градовскому“ (тамъ же, № 253). Это отвѣтъ на его письмо въ 213 № „С.-Петербург. Вѣдомостей“ по поводу примиренія поляковъ съ русскими.

229) „Послѣднее слово по вопросу о примиреніи поляковъ съ русскими“ („Новое Время“, № 545).

230) „Воспоминаніе о Д. Е. Кожанчиковѣ“ (тамъ же, № 652).

231) Введеніе къ изданію: „Русскія историческія одежды отъ X до XIII вѣка, составлены и рисованы С. Стрекаловымъ“. Вып. I, Спб. 1877.

1878.

232) „Самодержавный отрокъ“ (Петръ II) (Древняя и Новая Россія, т. I, кн. 1, стр. 5—58). Эта статья вошла въ XIV т. Историч. Монографій, изд. Вольфа, Спб. 1881.

233) „Холопъ. Эпизодъ изъ историческо-бытовой русской жизни первой половины XVIII столѣтія“ („Новое Время“, №№ 662, 664, 669, 673, 676, 679, 680, 686, 687, 690, 697, 700, 704, 708, 715, 717, 721, 728, 731 и 734). Отдѣльное изданіе вышло въ 1886 г. подъ первоначальнымъ названіемъ „Холуй“, такъ какъ, противно желанію автора, по желанію редакціи „Новаго Времени“, оно было замѣнено названіемъ „Холопъ“. Отрывокъ этого же разсказа, съ названіемъ „Холуй“, былъ помѣщенъ въ „Газетѣ Гатцука“ 1883 г. №№ 50 и 51.

234) „Объ участіи Россіи въ освобожденіи христіанъ отъ турецкаго ига“ („Новое Время“, № 707).

235) „О козакахъ. (По поводу статьи Кулиша, напечатанной въ 3-й и 6-й тетрадяхъ Рус. Архива, изд. 1877 года)“. Историко-критическій очеркъ. („Русская Старина“, т. XXI, кн. 3, стр. 385—402). Вошло въ XIV т. Истор. Монографій, изд. Вольфа, Спб. 1881.

236) „Аеанасій Филипповичъ, борецъ за православную вѣру въ Западной Руси“ („Газета Гатцука“, № 46—50). Вошло въ XIV т. Истор. Монографій, изд. Вольфа, Спб. 1881.

237) „Богданъ Хмельницкій — данникъ Оттоманской Порты“ („Вѣстникъ Европы“, т. VI, кн. 12, стр. 806—817). Вошло въ XIV т. Истор. Монографій, изд. Вольфа, Спб. 1881.

1879.

238) „Луи Петровичъ“ (Древняя и Новая Россія, кн. 2, стр. 89—96).

239) „Замѣчаніе по поводу брошюры, изданной г. Хвольсономъ: „Употребляютъ ли евреи христіанскую кровь. Спб. 1879“ („Новое Время“, № 1172).

1879—1880.

(240) „Руина. Историческая Монографія 1663—1687. Гетманства Бруховецкаго, Многогрѣшнаго и Самойловича“ („Вѣстникъ Европы“, т. II, кн. 4, стр. 610—655; т. III, кн. 5, стр. 5—39; кн. 6, стр. 437—497; т. IV, кн. 8, стр. 586—635; т. V, кн. 9, стр. 5—77; въ 1880 году: т. IV, кн. 7, стр. 202—271; кн. 8, стр. 401—468; т. V, кн. 9, стр. 5—78). Въ отдѣльномъ изданіи сочиненіе это составило XV томъ Истор. Монографій, изд. Вольфа, Спб. 1882.

1880.

241) „Исторія козачества въ памятникахъ южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества“ („Русская Мысль“, кн. I, стр. 1—39; кн. II,

стр. 1—60; кн. V, стр. 33—54; кн. VI, стр. 35—71; кн. VII, стр. 37—67; кн. VIII, стр. 1—33). По недосмотру редакціи „Русской Мысли“, въ главѣ этаго изслѣдованія: „Борьба южнорусскаго народа съ Польшею“ было утеряно и пропущено въ печати начало этой главы: А) „Хмельщина“ и, по отысканіи, напечатано въ томъ же журналѣ въ 1883 г. подъ первымъ главнымъ названіемъ и со вторымъ, произвольно измѣненнымъ: „Борьба козаковъ съ поляками“ вмѣсто надлежащаго: „Борьба южнорусскаго народа съ Польшею“ (кн. VII, стр. 269—307, кн. VIII, стр. 107—143). Это продолженіе труда, печатавшагося въ 1872 году въ журналѣ „Бесѣда“ (см. № 197 настоящаго указателя). Остальная часть этого же труда, озаглавленная: „Семейный бытъ въ произведеніяхъ южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества“, напечатана въ настоящей книгѣ: „Литературное наслѣдіе“ (См. № 315 указателя).

242) „Самозванецъ лжецаревичъ Симеонъ“. Историческій разсказъ. (Историческій Вѣстникъ, т. I, кн. 1, стр. 1—25).

243) Рецензія: „Великій Новгородъ. Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ. А. Никитскаго. 1879 г.“ („Русская Старина“, т. XXVII, кн. 1, стр. 194—208).

244) При статьѣ: „Поэтъ Тарасъ Григорьевичъ Шевченко“ — „Письмо Н. И. Костомарова къ издателю-редактору „Русской Старины“ М. И. Семеvскому“ („Русская Старина“, т. XXVII, кн. 3, стр. 597—610).

245) Рецензія на сочиненіе: „Очеркъ исторіи Великаго Княжества Литовскаго до половины XV вѣка. В. Б. Антоновича. Кіевъ. 1878. Выпускъ I“ („Историческій Вѣстникъ“, т. II, кн. 5, стр. 178—186).

246) „Старинные Земскіе Соборы“ („Новое Время“, №№ 1485, 1488, 1491, 1497, 1504 и 1511). Статья эта вошла въ XIX т. Истор. Монографій, Спб. 1887.

247) „О значеніи нашихъ старинныхъ земскихъ соборовъ“ („Новое Время“, № 1519). Это отвѣтъ г. Суворину на его замѣчанія о „Старинныхъ Земскихъ Соборахъ“, напечатанныя въ № 1515 той же газеты.

248) „Старинные Земскіе Соборы на Руси. (Автору передовой статьи „Новаго Времени“, № 1519)“. (Тамъ же, № 1525).

249) „Письмо въ редакцію“ (тамъ же, № 1590). Авторъ письма заявляетъ о нежеланіи принимать на себя трудъ помѣщенія чужихъ сочиненій въ повременныхъ изданіяхъ.

250) „Письмо въ редакцію“ (тамъ же, № 1650). Авторъ письма извѣщаетъ о внесеніи имъ четырехъ тысячъ рублей въ Императорскую Академію Наукъ для преміи за лучшій словарь съ малорусскаго на русскій языкъ.

251) Рецензія на книгу Корсакова: „Воцареніе императрицы Анны

Іоанновны. Историческій этюдъ Д. А. Корсакова. Казань, 1880".
(„Вѣстникъ Европы“, т. VI, кн. 11, стр. 329—342).

252) „Приключенія по смерти. Разсказъ одного слобожанина“. И. Богучарова („Газета Гатцука“, № 41) Вошелъ затѣмъ въ изданіе: „Разсказы И. Богучарова“ (Н. Костомарова). Спб. 1886.

253) „Болезнь. Разсказъ врача“. И. Богучарова. („Газета Гатцука“, №№ 42 и 43). Тоже вошелъ въ изданіе „Разсказы И. Богучарова“ (Н. Костомарова). Спб. 1886.

254) „Фанна“. Разсказъ. И. Богучарова („Новое Время“, № 1735). Также вошелъ въ книгу: „Разсказы И. Богучарова“ (Н. Костомарова). Спб. 1886.

1881.

255) „Предисловіе“ къ неизданной повѣсти Т. Г. Шевченка „Несчастный“ („Истор. Вѣстникъ“, т. IV, кн. 1, стр. 1).

256) „Черниговка. Быль второй половины XVII вѣка“ („Историч. Вѣстникъ“, т. IV, кн. 1, стр. 46—74; кн. 2, стр. 269—329; кн. 3, стр. 524—577). Въ отдѣльномъ изданіи (Спб. 1881), всѣ дѣйствующія лица выводятся съ особенностями рѣчи своего времени, по первоначальной редакціи автора. Второе изданіе Спб. 1890.

257) „Малорусское слово“ (Вѣстникъ Европы“, т. I, кн. 1, стр. 401—407).

258) „По вопросу о малорусскомъ словѣ „Современнымъ Извѣстіямъ“ („Вѣстникъ Европы“, т. II, кн. 3, стр. 359—365).

259) „Еще по поводу малорусскаго слова „Московскимъ Вѣдомостямъ“ („Вѣстникъ Европы“, т. II, кн. 4, стр. 764—770).

260) „Украинофильство“ („Русская Старина“, т. XXX, кн. 2, стр. 319—332).

261) Библиографическая замѣтка: „Сборникъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Выпускъ I. Москва. 1880.“ („Истор. Вѣстникъ“, т. IV, кн. 2, стр. 451—453).

262) „Предисловіе“ къ „Выпискамъ изъ памятныхъ книжекъ Петра Великаго“ (тамъ же, т. V, кн. 5, стр. 182—183).

263) „Изъ поѣздки въ Батуринъ“. („Порядокъ“, № 124).

264) „Сорокъ лѣтъ. Малороссійская легенда“ (Приложеніе къ „Газетѣ Гатцука“. Москва. 93 страницы). Перепечатано въ „Буковинскомъ Альманахѣ“. „Черновцы“. 1885.

265) „Письмо въ редакцію“ (Газета „Кавказъ“, № 200). Авторъ поправляетъ ошибку той же газеты, № 199, гдѣ разсказано о потерѣ имъ доцентуры въ Харьковскомъ университетѣ.

266) „Объясненіе по поводу археологическаго съѣзда въ Тифлисъ“. О рефератѣ В. Стасова о руссахъ („Вѣстникъ Европы“, т. VI, кн. 12, стр. 906—911).

1882.

267) „Мазепа. Историческая монографія“ („Русская Мысль“, кн. I, стр. 1—64; кн. II, стр. 54—104; кн. III, стр. 93—131; кн. IV, стр. 80—114; кн. V, стр. 57—87; кн. VIII, стр. 1—39; кн. IX, стр. 157—207; кн. X, стр. 206—243; кн. XI, стр. 71—133; кн. XII, стр. 19—57). Отдѣльное изданіе редакціи „Русской Мысли“ было въ 1882 г., (М.) затѣмъ, въ изданіи 1885 г. (Спб.) монографія эта, вмѣстѣ со статьею „Мазепинцы“ (см. № 292 наст. указ.), составила XVI томъ Истор. Монографій.

268) „Казачья Дуброва, иначе Казачья Слобода, или Козачье“. Очеркъ (Рус. Старина, т. XXXIII, кн. 1, стр. 1—10).

269) „Задачи украинофильства. „Луна“. Украинскій альманахъ на 1881 годъ. Кіевъ, 1881“ („Вѣстн. Европы“, т. I, кн. 2, стр. 886—900).

270) „Василій Александровичъ Прохоровъ и его археологическая дѣятельность“ („Новое Время“, № 2144).

271) Рецензія: „Кіевская Старина“. Ежемѣсячный историческій журналъ, кн. I—IV, январь—апрѣль, 1882 г. Кіевъ“ („Новое Время“, № 2212).

272) „По поводу статьи г. Де-Пуле въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ объ украинофильствѣ“ („Вѣст. Европы“, т. III, кн. 5, стр. 434—437).

273) Библиографическая замѣтка: „Сборникъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Выпускъ II. М. 1881“ („Истор. Вѣстникъ“, т. VIII, кн. 5, стр. 446—447).

274) „Поѣздка въ Бѣлую Церковь“ („Кіевская Старина“, т. II, кн. 5, стр. 241—256).

275) „Памяти В. А. Прохорова“ („Новое Время“, № 2281).

✓ 276) „Крашанка“ г. Кулиша. Письмо въ редакцію“. (По поводу изданной въ 1882 г. во Львовѣ книги по-малорусски) („Вѣстникъ Европы“, т. IV, кн. 8, стр. 729—748).

277) Предисловіе къ статьѣ: „Матеріалы для исторіи Коліивщины или рѣзни 1768 года“, (Кіевская Старина, т. III, кн. 8, стр. 297—304).

278) „Относится ли пѣсня о взятіи Азова къ событіямъ XI вѣка?“ Замѣтка (тамъ же, стр. 362—368).

279) Рецензія: „Кіевская Старина“. Историческій журналъ, мѣсяцы апрѣль—ноябрь“ („Новое Время“, №№ 2442 и 2449).

280) Предисловіе къ изданію А. Прохорова: „Альбомъ рисунковъ изъ отечественной исторіи. Спб. 1882“ (стр. 1).

281) Рецензія: „О Богданѣ Хмельницкомъ, соч. П. Н. Буцинскаго. Харьковъ, 1882 г.“ („Южный край“, № 693).

1883.

282) „Бытовые очерки изъ русской исторіи XVIII вѣка: „Московскія торговли“ и „Царскій родичъ“ („Истор. Вѣстникъ“, т. XI, кн. 1, стр. 5—24).

283) „Жидотрепаніе въ началѣ XVIII вѣка“ („Кіевская Старина“, т. V, кн. 1, стр. 1—26; кн. 3, стр. 477—492).

284) „П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность“ (тамъ же, т. V, кн. 2, стр. 221—234).

285) „Бытовые очерки изъ русской исторіи XVIII вѣка“. „Черви“ („Историческій Вѣстникъ“, т. XI, кн. 3, стр. 481—494).

286) „Словечко по поводу замѣчанія о федеративномъ началѣ въ древней Руси“ („Кіевс. Старина“, т. V, кн. 4, стр. 899—901). Здѣсь говорится о замѣчаніи г. Багалѣя въ его статьѣ: „Удѣльный періодъ и его изученіе“, напечатанной въ „Кіевс. Стар.“ 1883 г., кн. 2.

287) „Историческій памятникъ въ Переяславлѣ 1654 г.“ („Русская Старина, т. XXXVIII, кн. 6, стр. 686—690).

288) „Ольховникъ. Разсказъ изъ воспоминаній воротившагося на родину изъ Сибири“ („Новое Время, № 2687 и 2694; по ошибкѣ редакціи газеты, подписъ разсказа вмѣсто И.—Н. Богучаровъ). Разсказъ этотъ вошелъ въ изданіе: „Разсказы И. Богучарова (Н. Костомарова). Спб. 1886.

289) Рецензія: „Не судилось“. Драма Ж. Старицкаго („Кіевская Старина“, т. VII, кн. 9 и 10-я, стр. 297—300).

290) „А. Н. Савичъ“ („Новое Время“, № 2703).

(Въ „Русской Мысли“, кн. VII, стр. 269—307 и кн. VIII, стр. 107—143 напечатано начало главы: „Борьба южно-русскаго народа съ Польшею“, пропущенное по недосмотру редакціи журнала въ сочиненіи: „Исторія козачества въ памятникахъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества“, печатавшемся въ томъ же журналѣ въ 1880 году. См. № 241 наст. указателя).

1884.

291) „Ксенія Борисовна Годунова. По поводу картины художника Неврева“ („Истор. Вѣстникъ“, т. XV, кн. 1, стр. 7—23).

292) „Мазепинцы“ („Русская Мысль“, кн. 1, стр. 1—33; кн. 2, стр. 155—167; кн. 3, стр. 1—29; кн. 4, стр. 1—13). Статья эта вошла въ XVI томъ „Истор. Монографій“, Спб. 1885.

293) „Изъ прожитыхъ на Воляни дней“ („Кіевская Старина“, т. VIII, кн. 2, стр. 325—332).

294) „Письмо въ редакцію“ („Новое Время“, № 2848). Авторъ письма изъясняетъ признательность всѣмъ выразившимъ ему соболѣзнованіе по поводу несчастнаго случая, постигшаго его 25 января.

295) „Письмо въ редакцію“ (тамъ же, № 2875). По поводу служенія панихиды по Т. Г. Шевченкѣ и П. П. Чубинскомъ.

296) „Фельдмаршалъ Минихъ и его значеніе въ русской исторіи“ („Вѣстн. Европы“, т. IV, кн. 8, стр. 510—564 и т. V, кн. 9, стр. 5—57). Монографія эта вошла впоследствии въ 7-й выпускъ „Русской Исторіи въ жизнеописаніяхъ“, составляющій „Окончаніе“ второго тома. Спб. 1888. (См. № 204 наст. указателя).

297) „Эллины Тавриды. Историческая драма въ пяти дѣйствіяхъ“. Спб. 149 страницъ.

298) Автобіографическая записка, составленная по просьбѣ проф. Иконникова для „Біографическаго Словаря“, готовившагося къ изданію по поводу пятидесятилѣтняго юбилея Университета св. Владиміра (Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Университета св. Владиміра, составленный проф. В. С. Иконниковымъ. Кіевъ. 1884. Стр. 283—292).

1885.

299) „Марина Мнишекъ. (По поводу картины художника Рябушкина)“ („Истор. Вѣстникъ“, т. XIX, кн. 1, стр. 5—11).

300) „Воспоминанія о графѣ Алексѣѣ Сергѣевичѣ Уваровѣ“ („Новое Время“, № 3181).

301) Рецензія: „Пугачевъ и его сообщники. Н. Дубровина. 3 т. Спб. 1884“ („Новое Время“, № 3185).

302) Рецензія: „Д. И. Иловайскій. „Исторія Россіи“. Томъ второй. Московско-литовскій періодъ или собиратели Руси. Москва. 1884“. („Новь“, т. II, кн. 5, стр. 134—142).

303) „Императрица Анна Ивановна и ея царствованіе. Историческая Монографія“ („Новь“, т. III, кн. 10, стр. 199—214; кн. 11-я, стр. 331—351; кн. 12, стр. 525—546; т. IV, кн. 13, стр. 1—15; кн. 14, стр. 137—153; кн. 15, стр. 289—304). Монографія эта вошла въ 7-й выпускъ „Русской Исторіи въ жизнеописаніяхъ“, составившій „Окончаніе“ второго тома, изд. Спб. 1888. (См. № 204 настоящаго указателя).

304) „По поводу книги М. О. Кояловича: „Исторія русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ“ („Вѣстн. Европы“, т. II, кн. 4, стр. 867—878).

(Статьи, напечатанныя послѣ смерти Н. И. Костомарова):

305) „Автобіографія“, записанная Н. А. Вѣлозерской (Русская Мысль, кн. V, май, стр. 194—221 и кн. VI, іюнь, стр. 20—53).

306) „Поѣздка въ Переяславъ“ („Истор. Вѣстникъ“, т. XXII, кн. 12-я, стр. 489—508).

307) „Незаконнорожденные. (Изъ моихъ воспоминаній)“. И. Богу-

чарова (Книжки „Недѣли“, декабрь, отд. IV, стр. 1—20). Помѣщено затѣмъ въ изданіи: „Разказы П. Богучарова (Н. Костомарова)“. Спб. 1886.

1886.

308) „Бытовые очерки изъ русской исторіи XVIII вѣка. Тайно-видецъ“ („Истор. Вѣстникъ“, т. XXVI, кн. 10, стр. 5—20).

1887.

309) „Императрица Елисавета Петровна“ („Вѣстн. Европы“, т. I, кн. 1, стр. 61—104; кн. 2, стр. 522—561; т. II, кн. 3, стр. 5—57). Монографія эта вошла въ 7-й выпускъ „Русской Исторіи въ жизнеописаніяхъ“ (1888), составляющій „Окончаніе“ второго тома. (См. № 204 наст. указателя).

1890.

310) „Автобіографія“. (Въ наст. книгѣ: „Литературное наслѣдіе“, стр. 1—217).

311) Малорусскія стихотворенія 1841—1880 гг. Іереміи Галки (тамъ же, стр. 219—238).

312) „Украинскія сцены изъ 1649 года“ (тамъ же, стр. 239—258).

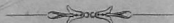
313) Стихотвореніе (написанное въ Крыму въ 1852 году) (тамъ же, стр. 259—271).

314) „О воспоминаніяхъ борьбы козаковъ съ мусульманствомъ въ народной южнорусской поэзіи“ (тамъ же, стр. 273—285).

315) „Семейный бытъ въ произведеніяхъ южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества“ (тамъ же, стр. 287—477). Это остальная часть сочиненія: „Историческое значеніе южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества“. (См. №№ 197 и 241 наст. указателя).

316) Последняя работа: начало разказа изъ жизни фельдмаршала Миниха (тамъ же, стр. 479—490).

(Изд.).

ОШИБКИ И ОПЕЧАТКИ.

страни.	строка	напечатано	читать
44	2	Нанивайка	Наливайка
50	3	котолическаго	католическаго
59	35	пмятники	памятники.
65	20	слесность	словесность
71	13	учитель	учитель
82	20	нравоученіѣмъ	нравоученіемъ
84	8	Ботаническомъ	Ботаническомъ
92	36	не убійственную	на убійственную
—	39	леченія	леченія
94	38	Гесляра	Геслера
197	12	Вепчко	Величко
228	28	гілья	гилья
243	3—4	Кисель; и племянникъ его ксендзь Лентов- скій,	Кисель, племянникъ его, ксендзь Лентовскій,
251	17	Жалко, ще	Жалко, що
293	36	Голов.	Головацкій, Я. Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, 4 тома 1878.
296	36	Голов.	Голов. IV. 179.
—	—	Метл. 296.	Метлинскій, А. Народныя южно- русскія пѣсни, 1854. 296.
297	28	179	178
358	28	227	228
373	32	О Россіи	Котошихинъ, Гр. О Россіи
386	40—41	Piésni ludu Ruskiego, 72, 80.	Piésni ludu Ruskiego w Galicyi, 1839. I. 80.
400	42	доненько.	доненько (Чуб. IV. 367).
—	44	ibid.	(ibid. 371).
413	37	Кир.	Кирѣевскій. Пѣсни. 1868.